

"В первый раз"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Annotation

Серьезный, ответственный Блейк Беннингтон не может смириться с тем, что жизнь свела его со взбалмошной девицей — Жаклин Ли. Он вынужден не только защищать юную кокетку в суде, но и терпеть ее проказы у себя дома. Жаклин — невинна, прекрасна и ужасно навязчива. Там, где она появляется, царят хаос и веселье; Блейк понимает, что такая женщина ему не подходит, но противоположности, как известно, притягиваются...

Эйми Карсон

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Эйми Карсон

В первый раз

Глава 1

Надев солнцезащитные очки, Блейк Беннингтон вышел из здания суда, размышляя, стоит ли перед возвращением в офис пригласить Сару на свидание. Хотя не важно, что он решит. Поработать сегодня все равно не получится: вечером еще предстоит появиться на благотворительном празднике «Луна над Майами». Так что придется сменить галстук на бабочку. Но ради сестры Никки стоило немного помучиться в удавке. Она помогла организовать вечер. Теперь у нее по крайней мере есть занятие, которое отвлечет ее от

создания проблем.

Блейк решил не думать о неприятном и мысленно поблагодарил Сару за вовремя добытые сведения.

Сара, сногшибательная брюнетка в деловом костюме, послала Блейку соблазнительную улыбку, подсластив ее тонким возбуждающим ароматом. Несколько лет назад они занимались делом о распространении наркотиков в Южной Флориде, после чего его интерес к ней пропал.

— Если Менендеса признают виновным, тебя, скорее всего, повысят, — сказала она. — Надеюсь, файл поможет.

— Сейчас любая информация пригодится. — Блейк посмотрел на Сару. — Спасибо, что потратила свое время.

— Я всегда доступна, ты же знаешь, — ответила Сара и коснулась его руки.

Блейк едва удержался от улыбки: жест выглядел совсем невинным, но он знал, что Сара ничего не делает просто так.

Она была красивой, уверенной в себе и чертовски умной. Настоящая акула в зале суда, Сара славилась невероятной преданностью работе и могла соперничать в этом даже с Блейком. Именно с такими женщинами он должен был встречаться. Именно с такими он и встречался. Они уважали его приверженность карьере и знали цену времени.

Так почему сейчас он колеблется?

Пока Блейк предавался размышлениям, Сару отвлек проходивший мимо коллега. Блейк понимал, что поступает глупо, игнорируя предложение, открыто читавшееся в ее глазах. Конечно, сейчас у него трудный период. Никки отнимала намного больше времени, чем обычно нужно на воспитание младшей сестры, да еще и это громкое дело требовало его внимания, но все же Блейк был мужчиной из плоти и крови и, как и любой нормальный парень, хотел насладиться сексом. Несмотря на несомненный успех у слабого пола, прошло уже полгода с тех пор, как Блейк последний раз укладывал женщину в постель. Полгода с тех пор, как он следовал своим желаниям.

В чем же дело?

Пока Блейк размышлял, кто-то наступил ему на ногу. Это оказалась совсем молодая девушка — едва ли доросла до права голосовать, — сосредоточенно копавшаяся в телефоне. Схватив ее за руки, он оценивающе оглядел ее медовые волосы, футболку с «Битлз» и джинсовые обтягивающие шорты с низкой посадкой — недостаточно низкой, чтобы открыть нижнее белье, но все же вызывавшей нескромный интерес. Блейк тут же забыл о своих проблемах в сексуальной жизни и принялся гадать, что могло скрываться под джинсой — кружевные стринги или танга. А еще эти соблазнительные ковбойские сапоги...

Черт, ему нужно взять себя в руки!

Его привлекательная обидчица сунула телефон в карман и убрала ногу с ноги Блейка.

— Прости, Костюмчик, — протянула она.

Блейк удивленно приподнял брови, услышав странное прозвище.

— Я очень опаздываю, но это, конечно, не повод врезаться в тебя.

— Смотрите, куда идете, — посоветовал он и красноречиво посмотрел на ее обувь, породившую столько фантазий в его голове. — Этими сапогами можно кого-нибудь убить.

— Не парься. Можешь подать на меня в суд за то, что я скрылась с места преступления. — В ее глазах не было заметно и намек на обольщение, они светились озорными искорками.

— Но вы не скрылись, — возразил Блейк, тщетно пытаясь сохранить серьезное выражение. — И технически у меня не будет повода заводить на вас дело, если вы назовете свое имя.

— Ну, раз ты так говоришь... — Она вытащила руку из кармана, и Блейк заметил маленькую татуировку на внутренней стороне запястья. — Жаклин Ли. Но на случай, если решишь пригласить меня на свидание, — все зовут меня Жак.

Блейк понял, что его слова были восприняты как намек, и скептически усмехнулся:

— Я не встречаюсь с малолетками.

— Мне двадцать три. Я взрослая и разумом, и телом, — сказала она.

Блейк не знал Жаклин достаточно хорошо, чтобы оценить состояние ее ума, но уж тело-то ее точно было взрослым.

Она склонила голову:

— Подойдет?

Он изумленно выгнул бровь:

— Подошло бы, но я не встречаюсь с женщинами с мужскими именами.

Она очаровательно улыбнулась, услышав о его фальшивых — и глупых — принципах.

— Ужасно много правил. — Она развернулась, собираясь уйти, и озорно посмотрела на Блейка через плечо. — Позвони, если решишься нарушить одно из них.

Он наблюдал, как она удаляется, легко ступая по газону перед зданием суда, и усмешка больше не кривила его губы. Когда он в последний раз позволял себе невинный флирт? Видимо, слишком давно. Наверное, надо снова начать встречаться с женщинами, раз уж он начал западать даже на несносных девчонок в ковбойских сапогах. Вряд ли ему нужна такая.

Из «фольксвагена-жука», припаркованного у здания суда, грянула громкая музыка. Только что соблазнительная обидчица шла по газону, и вот, мгновение спустя, уже исполняет какой-то танец. Замерев от изумления, Блейк пытался постичь смысл ее действий, а тем временем к ней присоединялись все новые молодые парни и девушки. Вскоре их собралось около дюжины — впору клип снимать.

— Ох, ради бога! Флешмоб! — сказала Сара, подойдя к Блейку. Ее возглас звучал неодобрительно. — Неужели подросткам в наше время больше нечем заняться?

Блейк молча наблюдал за группой, а точнее — за лидером. Каждое ее движение сочилось страстью. Шутливый тон Жаклин нельзя было воспринимать всерьез, но сейчас ее лицо светилось таким энтузиазмом, что почти гипнотизировало.

— Они просто развлекаются, Сара, — произнес Блейк.

Было время, когда и он любил поразвлечься, но потом ему пришлось столкнуться с суровой реальностью. Отец рано умер, и ответственность за сумасбродную семейку пала на плечи Блейка. Но это не значило, что все двадцатилетние заслужили пройти подобное испытание.

— Они не причиняют никакого вреда, — добавил он.

Однако вред был: эта кареглазая девочка-женщина будто нарочно соблазняла Блейка своими резкими движениями. Она кружилась, вращалась и прыгала под латиноамериканский хип-хоп, который никак не сочетался с ковбойскими сапогами. Ее тело с податливой изящностью принимало немыслимые позиции. Танец Жаклин подстегнул воображение Блейка, воспламенил его кровь.

— Никакого вреда? Скажи это полицейским. Что-то они не слишком довольны, — заметила Сара. Кажется, они их сейчас арестуют.

С трудом оторвав взгляд от бешеной пляски, Блейк посмотрел на двух мрачных копов, направлявшихся к группе танцоров. Воображение тут же услужливо нарисовало образ его коварной злоумышленницы в наручниках.

Какого черта с ним происходит?

Блейк наблюдал, как один из полицейских обратился к участникам танцевального шоу, совершавшим волнообразные движения, в то время как другой направлялся к «жуку», из которого орала музыка. И тут Блейк заметил ногу в гипсе, торчавшую из открытой пассажирской дверцы автомобиля.

Он разочарованно застонал — не было никаких сомнений, кому принадлежит эта часть тела, потому что вряд ли во всем Майами найдется второй гипс с нарисованным во всю его длину красным драконом. Гипсовое тату — так назвала эту красотищу сестра.

Положив руку на капот «жука», полицейский наклонился, чтобы поговорить с хозяйкой загипсованной ноги. Этот гипс, точно якорь, должен был удерживать Никки от неприятностей — таких, как, например, тюрьма. По крайней мере до тех пор, пока Блейк не разберется с текущим делом.

Шесть часов спустя

— Мисс Ли, я приехал по просьбе моей сестры, чтобы вытащить вас из тюрьмы, — произнес Блейк, и Жак вздрогнула, мысленно поблагодарив небеса за то, что арестовали только ее.

Черный лимузин и темные волосы адвоката резко контрастировали с его холодными серыми глазами.

— Обсуждение достоинств полицейского управления Майами в сделку не входило.

Жак расположилась рядом с Блейком на шикарном кожаном сиденье.

Попросить помощи у новой подруги, Никки, оказалось хорошей идеей. Когда студентка юридического факультета сказала, что ее брат был в ярости из-за их маленькой авантюры, Жак

подумала, что плевала она на мнение какого-то напыщенного болвана. Но ее отношение резко изменилось, когда она узнала, что брат Никки пропустил благотворительное мероприятие ради того, чтобы вытащить ее, Жак, из тюрьмы. Ожидая прокурора, она поклялась держать язык на привязи и по возможности пытаться сохранять спокойствие.

Но спокойствие все же было нарушено. По телу пробежали мурашки при взгляде на мужчину, ставшего жертвой ее невнимательности, который вдруг превратился в спасителя. Казалось, после нескольких часов, проведенных в заточении, Жак уже не должна была ничего чувствовать, однако не каждый день тебя вытаскивает из-за решетки парень в смокинге, более шикарный, чем сам Джеймс Бонд...

— А я и не обсуждаю достоинства полицейского управления, — произнесла она примирительно. — Я просто... — Жак заставила себя встретить его пристальный взгляд, который тут же вызвал уже знакомую дрожь в ее теле.

Он был непозволительно привлекателен, особенно сейчас, когда от него так и веяло недовольством. Держать свое мнение при себе оказалось намного сложнее, чем думала Жак.

Она почесала подбородок, желая положить конец их спору.

— Я просто подвергла сомнению правомочность их действий.

— Уверен, полиция бы с удовольствием оставила вас в покое, — мягко произнес он. — Но они обязаны выполнять свою работу и следовать букве закона. А нарушение общественного спокойствия — это как раз незаконно, — саркастично закончил он.

Жак открыла рот, но тут же прикусила язык, вспомнив про Никки. «Думай о Никки», — сказала она себе.

Когда они столкнулись на улице, Блейк показался таким спокойным, расслабленным, но потом — в тюрьме — его ледяной профессионализм раскрылся во всей красе. Несмотря на случившееся, он оставался невероятно хладнокровным и равнодушным. И сейчас Блейк был прав, черт бы его побрал.

— Но я не хотела нарушать закон.

Блейк, словно приготовился слушать интересную историю, расслабленно откинулся на сиденье: ноги скрещены, рука лежит рядом с Жак, вызывающий взгляд устремлен на нее, поощряя удивить его очередной байкой.

— Тогда каковы были ваши намерения?

— Я — музыкальный терапевт в детском клубе «Соуф-глейд». Власти перестали его финансировать...

Ее сердце учащенно забилося, страх сжал грудь. Клуб был безопасной гаванью, где дети могли проявить себя; чувствовать себя комфортно. Жак едва ли пережила бы школьные годы без него. Она переезжала из одной семьи в другую, и только клуб всегда был постоянен. Только его она считала своим домом. Она не могла потерять его сейчас.

Пытаясь успокоиться, Жак погладила татуировку, которая скрывала шрамы на запястье. Она называла их воинскими ранами. Символы прошлого. Они служили напоминанием о том, кем она была раньше. И как далеко она была готова зайти.

Жак расправила плечи, поборов волнение.

— Поэтому я хотела привлечь внимание общественности к нашей проблеме.

— Угодив в тюрьму?

Он что, дразнит ее?

Жак вздохнула:

— Так Никки и оказалась в этом замешана: наш общий друг спросил у нее, как провести акцию и при этом не нарушить закон.

Блейка, казалось, ее рассказ не впечатлил.

— Ну, согласно отчету полиции, музыка, раздававшаяся из вашей машины, была достаточно громкой, чтобы нарушить спокойствие окружающих.

Жак вздрогнула и попыталась защититься:

— Я говорила Никки, что не очень-то легко попадать в такт, если ты даже толком не слышишь музыку...

Блейк продолжил, не обратив внимания на ее жалкие оправдания.

— Не считая того, что вы помешали прохожим, когда дотанцевались до пешеходного перехода, где затем, — тут он потянулся за рапортом и быстро пролистал страницы, — цитирую: «Отказались исполнить требование полиции и освободить переход». Конец цитаты.

Его взгляд снова уткнулся в нее, лицо Жак покраснелось, а ведь она так не хотела показывать свое волнение. Поэтому она просто опустила голову и принялась сосредоточенно очищать шорты от песка, оставшегося после лежания на полу.

— Я не расслышала приказ полиции из-за громкой музыки, — пробормотала она.

— Вот именно, — холодно произнес он.

Жак посмотрела на прокурора, надеясь, что он не заметит выражение ее глаз, скрытых ресницами, и, немного осмелев, проговорила:

— Я не хотела заходить на переход. Я просто делала «червя», и меня потянуло немного не в ту сторону...

— Полагаю, сейчас вы имеете в виду то движение, когда вы волной распластались на животе, прямо на земле.

Блейк положил отчет между ними и снова сделал вид, что ждет не дождется продолжения ее истории.

— Это очень сложное движение...

— Это выглядело ужасающе.

Жак продолжила, не обратив внимания на его комментарий:

— И я нечаянно оказалась немного не там... и не заметила, что это слишком близко от перехода.

— Это стало роковой ошибкой, — сухо произнес он.

Сарказм прокурора уже серьезно действовал ей на нервы.

— У меня не было времени, чтобы отработать! — взорвалась Жак. — Нужно было срочно решить проблему с бюджетом, пока еще новость о сокращении свежа.

Он поудобнее устроился на сиденье:

— Поэтому притащить детей, за которых на вас лежит ответственность, на флешмоб и подвергнуться риску попасть в тюрьму показалось вам хорошей возможностью выказать свое недовольство.

— Я же сказала, я не пыталась нарушить закон.

Лицо Блейка — такое идеальное, смуглое и прекрасное — приняло странное выражение, и Жак вдруг поняла, что его забавляет все случившееся, хоть он и не одобряет ее действий.

Она прищурилась и внимательно посмотрела на прокурора:

— На самом деле вас это веселит, да?

— Только та часть, где ваш идеально спланированный танец пострадал из-за одного неверного движения. — Его губы дернулись, словно он пытался подавить усмешку. — В следующий раз тренируйтесь усерднее.

Его ирония раздражала Жак, и она сказала:

— В следующий раз офицеру Брауну стоит проще относиться к подобным вещам.

Блейк приподнял брови, его серые глаза потемнели. Он наклонился вперед, не позволив ей отвести взгляд.

— Уверяю вас, мисс Ли, когда дело касается человека, нарушившего закон, — его голос был обманчиво мягким, а красота лица — почти невероятной, — и я, и офицер Браун серьезно относимся к работе.

Жак почувствовала себя пойманной в ловушку его манящим взглядом, сердце бешено билось, отдаваясь в ребрах легкой болью. С трудом вырвавшись из пут его взгляда, Жак посмотрела на губы Блейка.

Замечательно. Его губы были именно такими, как ей нравилось. Полными. Чувственными. Их поцелуй мог бы довести девушку до безумия, заставить забыть о том, кто она такая.

Но этот супермен с глазами цвета стали определенно не подходил ей.

Пока они продолжали переглядываться, лицо Жак постепенно наливалось краской, но она как могла боролась со смущением.

— Вы что, читаете мне нотации? — невинно поинтересовалась она. — Это звучит как нотация.

Его губы тронула слабая улыбка.

— Ни в коем случае. Но поскольку против вас выдвинуто обвинение, вам придется прислушаться к моим словам.

Сжав губы, Жак отвернулась к окну и провела пальцами по кожаному сиденью. Снова посмотрела на Блейка. Смокинг, обтягивавший его широкие плечи, напомнил ей, что прокурор пожертвовал своим вечером ради нее, а она сидит здесь и бессовестно спорит по всяким пустякам. Жак сжала руку в кулак.

Чувство вины... только этого не хватало.

Она вздохнула:

— Послушайте, я знаю, у вас были планы. Мне жаль, что испортила вам вечер.

Он одарил ее ничего не выражавшим взглядом:

— Ну, это еще спорно.

— Спорно то, что мне жаль, или то, что испортила вечер?

На его лбу выступили морщинки.

— Я никак не могу оценить вашу способность к раскаянию. Но уверяю вас, — он сделал паузу, лоб разгладился, — я рад тому, что пропустил этот ужин.

— А зачем вы тогда туда вообще собирались?

— Обязанности, мисс Ли, — ответил он, немного удивленный ее вопросом.

Заинтригованная, Жак все же промолчала. Заработал кондиционер, и потянуло прохладой. В топе и шортах, которые как нельзя лучше подходили для танцев под жарким солнцем Флориды, Жак почувствовала себя обнаженной. По сравнению с этим непозволительно сексуальным прокурором при смокинге и лимузине она выглядела неряхой. Она попыталась прикрыться, потянув вниз край топа, но ее усилия были тщетны, поэтому она оставила ткань в покое и принялась потирать руки, желая согреться.

Блейк, заметив это, выключил кондиционер, и стало немного теплее.

— В следующий раз, когда соберетесь попасть в тюрьму, хотя бы оденьтесь подобающим образом.

Жак протяжно застонала:

— Мы можем просто сойтись на том, что я облажалась, и отставить уже эту тему?

— Так как я не знаю вас, мне придется взять с вас слово. — Его взгляд скользнул по ее груди, и атмосфера вокруг них взорвалась тысячами искр, словно небо от фейерверков в канун Рождества.

Сердце Жак бешено забилося, и она мысленно взмолилась, чтобы тело ненароком не выдало себя.

Блейк указал на ее топ:

— И у вас все еще грязь — вот здесь, на лице Пола Маккартни.

Удивленная, Жак опустила взгляд: уродливое коричневое пятно расплзлось по изображению «великолепной четверки». Лоб Пола, прикрывавший ее левую грудь, стал коричнево-золотистым.

Смутившись, Жак принялась изо всех сил тереть пятно дрожащими пальцами, браслеты позвякивали. Она знала, что Блейк наблюдает за ней, и напряжение еще сильнее стянуло низ живота. Соски напряглись, выдавая ее с потрохами.

— Боюсь, вы делаете только хуже, — хрипло произнес он.

Жак стиснула зубы и еще усерднее стала скрести пятно — браслеты продолжали звонко наигрывать беспорядочную мелодию. Только бы он говорил о грязи, с которой она в данный момент боролась, а не о чем-то ином...

Блейк снял пиджак, тугие мускулы напряглись под тонкой тканью рубашки, и это окончательно лишило Жак возможности соображать. Только поэтому она безропотно позволила прокурору накинуть пиджак ей на плечи.

Он был теплым, тяжелым, от него веяло бризом; окутал ее, словно сильные руки...

О, черт подери, только не это!

— Большое спасибо, но я в полном порядке, — сказала Жак и подняла руки, чтобы снять пиджак.

Его пальцы сомкнулись на ее запястьях, при прикосновении к его кожи щеки Жак опалило огнем.

— Не упрямитесь. — Серые глаза Блейка потемнели, голос стал ниже. — Вы же замерзли. Не снимайте.

Ее тело продолжало дрожать, пока прокурор не отпустил ее, чтобы расстегнуть манжеты и закатать рукава рубашки. Этим движением он как будто поставил точку в их маленьком споре.

Брат он ее новой подруга или не брат, но подобного отношения Жак стерпеть не могла.

— Послушайте, — произнесла она как можно спокойнее, — знаю, я не похожа на тех женщин, с которыми вы привыкли иметь дело, но...

— Вы не знаете меня достаточно хорошо, чтобы судить о том, с какими женщинами я привык иметь дело, — резко оборвал ее Блейк, даже не взглянув в ее сторону.

Жак хмыкнула.

— У меня было достаточно времени понять главное, — пробормотала она.

Он наконец соизволил посмотреть на нее:

— Маловероятно.

Ее тело напряглось — опять этот самонадеянный, я-повелеваю-всем-миром взгляд! В этот момент Жак поняла, что дальше сохранять перемирие не удастся.

— Сказать, что я думаю?

Откинувшись на сиденье, Блейк внимательно изучал ее.

— Кажется, вы прямо жаждете делиться каждой своей мыслью, — иронично произнес он. — Что ж, валяйте.

Его тон окончательно взбесил Жак. Будь что будет, но она разберется с этим типом, страдающим комплексом Бога.

Вздыхнув, она наклонилась, чтобы оказаться ближе к нему.

— Вы одеваетесь так, чтобы впечатлить окружающих людей. — Она на мгновение замолкла, затем продолжила: — И не потому, что они вам нравятся, а просто чтобы показать, насколько вы успешны; убедить их, что вы отличный... — Она нахмурилась. — Кстати, а чем именно вы занимаетесь?

— Я прокурор.

— Впечатляет. — Жак избегала холодного внимательного взгляда Блейка. — Ваши волосы консервативно коротки, но на макушке вы оставляете их немного длинными, чтобы не выглядеть чересчур агрессивно. — Она хотела запустить пальцы в его волосы, провести по ним — интересно, что он тогда сделает? — Сколько вам? Тридцать? Тридцать один?

— Тридцать два.

Значит, их разделяют целых девять лет, они находятся на разных ступенях налоговой шкалы и вообще живут в непохожих реальностях...

Жак бросила короткий взгляд на сильные руки Блейка, испещренные сухожилиями, немного раздраженная собственной чувствительностью к подобным деталям. Она старалась избегать высоких, темноволосых и волнующе соблазнительных типов, но этот человек воспламенял ее, заставляя плавиться, словно масло в лампе. А хорошее чувство юмора делало его еще более привлекательным.

— Готова поспорить на кругленькую сумму, что эти мышцы появились благодаря тренажерам в домашнем спортзале, а не из любви к спорту как таковому. — Посмотрев в его лицо, Жак поняла, что права. — Красивое тело для вас — просто часть имиджа. Самодисциплина и все такое... — сказала она, взмахнув руками, — браслеты снова зазвенели.

— Искусство, которое вы, очевидно, так и не poznали, — вставил он, прожигая ее взглядом.

— Отношения вы предпочитаете заводить с женщинами, похожими на вас, с улыбкой продолжала она, проигнорировав его рык. — Правило номер один и два: они должны быть благоразумны и практичны.

— Неправильно. — Блейк подался вперед, его серые глаза завораживали; дыхание Жак сперло, голова закружилась. — Это второе и третье правило, а номер один гласит: они должны быть законопослушными.

Пригвожденная к месту его взглядом, Жак почувствовала острую необходимость пошевелиться: она закинула ногу на ногу.

Блейк был намного выше ее, и, несмотря на непринужденный тон и безобидные поддразнивания, он был опасен; он был напряжен, словно туго скрученная пружина.

«Он сильнее тебя, Жак. Просто держи язык на привязи», — мысленно посоветовал внутренний голос. Но она конечно же не послушалась. Не зря друзья постоянно твердили, что у нее душа нараспашку, а все приемные родители считали ее не по годам заумной задавакой. Жак верила, что правда где-то посередине.

Сейчас же ей жутко хотелось спровоцировать Блейка.

Она вызывающе покачала ножкой и состроила невинные глазки:

— Я все еще не знаю самого главного. Извечный вопрос: боксеры или брифы?

— Я бы не стал считать это извечным вопросом. — Он улыбнулся, и его колючий взгляд смягчился.

Моргнув, Жак уставилась на Блейка. Она думала, что ошиблась, но ее первая догадка попала в точку: когда смеялся, он был еще более соблазнительным.

Обрадовавшись своему открытию, Жак продолжила:

— Конечно извечный. Это же из разряда вопросов о курице и яйце. — Над бровью она заметила маленький шрам, посмевающий нарушить совершенство его лица. — Побеждает фактор, оказавший наибольшее влияние, — природа или воспитание.

В его глазах мелькнула искра любопытства.

— Не думал, что на формирование личность наряду с генами и окружающей средой влияет еще и нижнее белье.

— В определенных кругах — да, — подтвердила Жак.

Блейк скептически нахмурился:

— Но не в тех, где вращаюсь я.

— Это еще ни о чем не говорит. И поскольку ДНК и окружающая среда отвечают за... — Лицо Жак смягчилось — перед глазами вдруг всплыл образ бабушки, поющей кантри. — Я всегда верила, что в нас одно гармонично сочетается с другим.

Скривив губы, Блейк задумчиво произнес:

— А я всегда верил, что можно преодолеть влияние и того и другого.

Интересный ответ. Очень интересный.

Жак смотрела на шрам, размышляя о его происхождении.

— Поэтому вы носите костюм? Пытаетесь совладать с собственной ДНК?

В уголках глаз Блейка появились морщинки.

— А мне интересно другое: вы считаете необходимым провести психоанализ на основании данных о моем нижнем белье?

Удивленная, Жак убрала за уши волосы и ответила:

— Нет. Но любой выбор, который вы делаете, открывает какую-то грань вашего характера. Например, сегодняшние события показали, что я руководствуюсь голосом сердца. — Жак посмотрела на его длинные ноги в идеально отглаженных брюках и кивнула. — Вы точно носите брифы. Вам нравится все аккуратное... — Она подняла взгляд. — Сдерживающее.

Дьявольская усмешка, мелькнувшая на губах Блейка, обратила его сногшибательную красоту в усталость и опустошение, и, испытав минутный порыв удовлетворения, Жак тут же заскучала по его улыбке. Обеспокоенная этим, она послала ему резкий взгляд и произнесла уже без иронии:

— Это касается и ваших чувств.

Шрам у брови растянулся — на лице Блейка отразилось удивление. Жак почти устыдилась собственного самодовольства. Она сбила-таки с него спесь.

Очевидно, Блейк был иного мнения.

— Пожалуй, я оставлю без комментариев ваш намек на связь моего внутреннего мира с нижним бельем, — наконец произнес он и слабо улыбнулся. — Тем более сделка с моей сестрой включает дальнейшее сотрудничество с вами.

Смущенная и встревоженная, Жак нахмурилась:

— Что вы имеете в виду?

— Разве она не посвятила вас в детали? — Судя по тону, Блейк не был удивлен нежеланием Никки откровенничать. — В обмен на помощь вам сестра обещала позволить мне нанять кого-нибудь, кто поселился бы с нами и помог с домашними делами, пока она не встанет на ноги.

— И это касается меня, потому что?..

Блейк откинулся на сиденье и растянул губы в я-владею-всем-миром улыбке:

— Этим человеком будете вы.

Глава 2

Жак сидела неподвижно.

— Нет. — Ошеломленная, она замерла еще на несколько мгновений и продолжила: — Подождите, позвольте мне высказаться яснее, — произнесла она, наклонившись вперед и обдав Блейка запахом лимонного шампуня и влажной земли. — Ни за что, черт возьми!

— Очень красноречиво, — улыбнулся Блейк.

— И честно.

— Почему вы так решительно отказываетесь? Никки сказала, что из-за сокращения бюджета клуб был вынужден закрыть несколько программ, в том числе и вашу. Поэтому очевидно, что вы в поиске места.

— Нет, я в поиске возможности вновь запустить программы. — Она нахмурилась. — Без обид, Костюмчик, — нарочито примирительно произнесла Жак, но у Блейка сложилось ощущение, что она хотела его задеть. — Но я не в таком уж бедственном положении, чтобы браться за работу, из-за которой должна буду жить в вашем доме.

Слова повисли в воздухе, Блейк пристально посмотрел на нее. Оба тяжело дышали, чувствовалось напряжение. Затем Жак отвернулась, сведя на нет драматичный момент.

В глубине души Блейк разделял нежелание Жак жить бок о бок, но Никки уже успела уволить троих найденных людей и даже отказалась от услуг водителя. Блейк почти вышел из себя, когда узнал, что сестра, направляясь на флешмоб, сама села за руль.

С гипсом на Ноге!

Это был такой же необдуманный поступок, как и тот трюк, который она проделала и в результате сломала ногу. Счастье, что она вообще осталась жива. Если Блейк не сможет найти сестре кого-нибудь в помощь, то однажды она разобьется в аварии, как отец.

Нахлынули мрачные воспоминания, стало тяжело дышать, грудь сдавило. Блейк потер лоб, желая ослабить напряжение, и посмотрел в тонированное окно. Мимо проносились пальмы, точно стражи, высившиеся вдоль скоростного шоссе.

Сестра, наверное, решила свести его с ума. Прошедшие два года были тяжелыми, они ругались почти постоянно. А теперь Никки, казалось, делала все возможное, чтобы досадить брату.

И как он мог сосредоточиться на важнейшем за всю его карьеру деле, если жизнь походила на пробежку по минному полю и за любым шагом мог последовать взрыв — очередная сестрина проделка? Нужно было как-то помочь Никки, а она принимала помощь только от этой озорницы в сапогах.

Блейк посмотрел на «озорницу». К сожалению, первое впечатление о ней оказалось верным — Жак Ли была проблемой невероятных размеров. Импульсивной. Упрямой. И с соответствующей остротой языка.

Но еще хуже было то, что она пленила его. Золотистые волосы, непослушные и растрепанные, копной ложились на плечи, а маленькая татуировка на правом запястье придавала Жак еще более дикий вид. И — словно этого недостаточно для того, чтобы утратить покой, — ее длинные ноги едва прикрывались этими джинсовыми лоскутками; ее черные ковбойские сапоги украшала красная лента, которая, обвивая лодыжку, поднималась по голой ноге, будто стремясь прикрыть наготу.

Блейк мог сдерживать безумные порывы только до тех пор, пока крик тела перебивался слабым голоском разума; острый ум и интеллект имели собственные потребности, которые он не мог игнорировать. К сожалению, интеллект и здравый смысл — разные вещи.

Жак была нахальней, чем все его предыдущие подруги, а своей бесшабашностью она бросала ему вызов.

Вызов, который он не мог не принять.

Отбросив сомнения, Блейк расслабился и залюбовался ее соблазнительно покачивающейся ножкой, обутой в сапог. Очевидно, она просто не могла усидеть на одном месте. И держать свое мнение при себе.

— Что может повлиять на ваше решение? — спросил Блейк. — Деньги?

Жак закатила глаза, словно его попытка уговорить ее показалась ей слишком жалкой.

— Не важно, какой была недельная зарплата — я утрою ее, — продолжал прокурор.

— Нет, спасибо, — спокойно ответила она. — Уверена, вы сможете найти кого-нибудь другого.

— Никки не хочет никого нанимать. А единственный, кто у нас остался, — это мама, но именно она подговорила Никки сесть за руль.

Заметив любопытство во взгляде Жак, Блейк почувствовал себя обязанным объяснить поступок Абигейл Беннингтон, что оказалось весьма не просто.

— Моя мать не признает никаких границ.

И все было хорошо, пока с ними был отец. После его смерти Блейк был вынужден продолжить его дело, и, помимо этого, бороться с твердолобой двенадцатилетней Никки и помогать ей целой и невредимой дожить хотя бы до совершеннолетия. А это не так уж и легко.

Он покачал головой:

— Кстати, вы бы с моей мамой поладили. Она тоже считает, что надо следовать зову сердца.

Жак улыбнулась:

— Умная женщина.

— Да, но она также верит в любовные зелья, карты Таро и увлекается спиритизмом.

Она улыбнулась шире:

— Кажется, ваша мать — прекрасная женщина.

Абигейл Беннингтон постоянно расстраивала его, раздражала, рушила его планы. Блейк очень любил свою мать, заботился о ней, но совладать с ней было нелегко. Она была очень милой — на свой манер. Непредсказуемой — так же как и красавица с татуировкой. Сейчас рука Жак покоилась на колене, и Блейк попытался рассмотреть изображение на запястье. Но ему удалось насладиться только видом оголенного загорелого бедра.

Прошло еще несколько напряженных минут, и Блейк наконец посмотрел Жак в лицо.

— Послушайте, — увещевал он. — Никки нужна компания, а я сейчас занимаюсь делом, которое требует много времени. А у моей матери такой насыщенный график, что сама первая леди нервно курит в сторонке. — Он перевел дыхание. — Почти все друзья со времен старшей школы переехали, а те немногие, кто остался, все время работают. Честно говоря, — задумчиво произнес Блейк, — думаю, она скучает по ним.

Ножка в сапоге замерла, Жак скрестила руки на груди, нахмурилась и закусила нижнюю губу. Очевидно, она обдумывала решение скорее из-за вспыхнувшего сострадания, чем жажды наживы. Это наблюдение Блейк намеревался использовать в своих интересах.

— Никки с нетерпением ждала летних каникул, — продолжал он, давя на жалость.

У него за плечами лежали годы практики оценки жюри, а слабости Жак легко было найти. Он уже почти добил ее.

— А теперь она застряла дома, и ей просто нужен кто-то ее возраста для общения. — На самом деле сестре скорее был необходим охранник, но Блейк удержал эту мысль при себе. — Так она не будет чувствовать себя одинокой...

Жак вздохнула и посмотрела ему в глаза.

— Хорошо. Я согласна, — сказала она. Блейк с трудом подавил триумфальный возглас. — Но у меня есть условие.

— Какое?

— Займитесь моим делом.

Ощущение победы тут же улетучилось.

— Я федеральный прокурор, а не адвокат.

— Я не могу позволить себе нанять адвоката, даже с утроенной зарплатой.

Блейк нахмурился:

— Суд назначит вам защитника, и большинство из них хорошо знают свое дело.

— Извини, Костюмчик. — Ее взгляд вдруг стал серьезным. — Я участвовала в программе возмездной опеки с десяти лет и успела пообщаться со множеством социальных работников. Я могу отличить плохого от хорошего на расстоянии мили.

Блейка встревожила эта небольшая история о ее прошлом. Но Жак не жалела себя, а просто принимала случившееся. Это впечатляло, он почувствовал к ней симпатию.

— Короче говоря, — продолжала Жак, — я неплохо знакома с государственными служащими, чтобы относиться к ним с подозрением. Да, возможно, мне повезет и попадетсЯ превосходный адвокат. — Она вызывающе посмотрела на Блейка. — Но я боюсь даже подумать, что будет, если назначат какого-нибудь дилетанта.

Она оказалась предусмотрительной и мудрой не по годам, и эти качества легко можно было упустить при поверхностном знакомстве. Жаль, что Жак не применяла эту мудрость в повседневных делах.

Блейк хотел пообещать ей помощь, но он как никто другой знал, к чему может привести плохо продуманная защита. И Жаклин Ли тоже это знала.

— Считайте это обменом услугами, — сказала она, вскинув голову, и Блейк заподозрил, что в том чудном мире, где обитала Жак, это предложение казалось вполне логичным. — Хотите моей помощи — примите мое условие.

Если Блейк взвалит на себя еще и это дело, ему придется пахать сутками. Но он все равно не работал бы в полную силу, зная, что Никки в любой момент может прохромать к машине и промчаться через весь город ради еще одного рисунка на гипсе.

Блейк потер лицо, затем бросил на Жак резкий взгляд:

— Вы должны будете в точности исполнять мои инструкции.

— Ладно.

— Это означает — никаких споров и обсуждений.

Ее попытка изобразить послушание выглядела комично.

— Я могу вести себя хорошо.

Однако увиденное им свидетельствовало об обратном.

Блейк помолчал для солидности и приподнял бровь, выражая сомнение.

— Посмотрим, — пробормотал он.

Жак не отвела глаз, а ее хриплый голос вызвал дрожь желания в его теле.

— Посмотрим, — повторила она.

* * *

Следующим утром Жак, оставив Никки отдыхать у сверкающего бассейна ее брата с ноутбуком в руках, вышла на дорожку, окаймленную бугенвиллеями, ведущую к главному дому. Комнаты Никки были расположены в отдельном строении вблизи бассейна, поэтому избегать хозяина оказалось довольно легко. Но сегодня, возможно, Жак этого не удастся.

С тех пор как Жак принялась за временную работу, она уже успела несколько раз пересмотреть свое решение. Она согласилась вовсе не из-за денег, хотя отчаянно в них нуждалась, и не из-за гибкого графика, который позволял ей уделять внимание клубу. Всему причиной — жалость. Одиночество Никки не оставило ее равнодушной.

Жак и сама многие годы провела в окружении людей, но при этом никто не обращал на нее внимания.

И сейчас, впервые в жизни, одиночество было желанным. Жак тяжело перенесла давление Блейка, но затем оказалась в его доме. И стала на него работать. Мысль о том, что она вынуждена подчиняться человеку, помешанному на инструкциях и правилах, тревожила ее.

Жак ненавидела быть под каблуком — сказались восемь лет, проведенные в чужих семьях. Тем не менее, как бы Блейк ни сердил ее, все же он был превосходным профессионалом.

«Великолепным», — добавила Жак. Поэтому их сделка была очень выгодной для нее. Если бы еще не холодное отношение Блейка... Которое только ухудшилось.

Прошлым вечером, когда лимузин остановился у здания суда, Жак обнаружила, что ее «жук» исчез. Она запаниковала, а Блейк уже звонил в полицейский участок. Вскоре он выяснил, что машина была отбуксирована на штрафстоянку.

Она с большим трудом выносила терпеливое молчание Блейка, который отвез ее в квартиру и стоял над душой, пока она собирала вещи. Его взгляд ясно говорил, насколько он удивлен тем, что Жак умудрилась добавить к списку преступлений еще и штраф за неправильную парковку. Было глупо с ее стороны волноваться из того, что этот напыщенный прокурор считал ее пустышкой.

К сожалению, сейчас Жак нужно было напомнить Блейку о его обещании свозить ее за «жуком».

Жак подавила горестный стон и попыталась совладать со страхом. Она открыла французскую дверь и вошла в вестибюль. Вытерла влажные ладони о джинсы и остановилась, не зная, где искать хозяина. В своей затасканной одежде Жак чувствовала себя неуютно среди этой роскоши. Дом Блейка, отделанный камнем и деревом, находился в элитном районе — Майами-Бич.

Жак зашла в огромную гостиную, очень уютную, благодаря полам из бразильского красного дерева. Из огромных окон от пола до потолка открывался великолепный вид: с северной стороны на залив Бискейн, с южной — на бассейн. Это зрелище немного успокоило Жак... Пока она не заметила Блейка в дальнем конце комнаты.

Сердце Жак забило сильнее, она замедлила шаг, решив капитулировать, пока хозяин дома не заметил ее. Лучше уж забыть о машине и вернуться к Никки, к бассейну. Но, с несчастьем, скрип теннисных туфель выдал ее, и Блейк повернулся прежде, чем Жак успела испариться.

Он уверенно направился к ней, заставив Жак нервничать еще больше. Чисто выбритый и одетый с иголочки, Блейк выглядел так же неприступно, как и вчера. Место смокинга заняли темно-серые брюки и белоснежная футболка; волосы были влажны — наверное, он недавно вышел из душа.

Неужели он не знает, что сегодня суббота? И почему она никак не могла унять желание, ведь Блейк — совсем не ее тип? Жак было наплевать на кучи долларов на банковском счете, но ей было безумно любопытно, откуда взялось его состояние.

— Пожалуйста, только не говорите, что принимаете взятки от мафиози, — попросил она.

Он в замешательстве он остановился:

— Что, простите?

Блейк находился совсем рядом, и Жак окутал уже знакомый аромат одеколona. Пытаясь успокоить бешеный ритм сердца, она посмотрела на его широкие плечи, затем на лицо. Вряд ли она когда-нибудь привыкнет к его потрясающей красоте.

— Федеральный прокурор не мог бы позволить себе такой домину, как этот, не важно, как много он добился, — пояснила Жак, приподняв бровь. — Если, конечно, он не взяточник.

Холод сменился любопытством, в глазах загорелись озорные искорки.

— Я не беру взяток. И поверьте мне, — сказал Блейк, — никому не придет в голову заниматься общественным правом ради зарплаты. Я довольно везуч и не обременен заботой о деньгах. — Блейк на мгновение задержал на ней взгляд, затем отвернулся к окну. — Я унаследовал свое состояние.

Унаследовал! Но это значит, что вся семья должна была умереть, иначе Блейк не получил бы такое богатство! И, судя по выражению его лица, лучше эту тему не затрагивать и вообще забыть про нее. Жак поняла, что если продолжит расспросы, то он просто-напросто прервет ее.

Недоумение и необъяснимая нежность нахлынули на Жак. У него — человека, перед которым расстился весь мир, — тоже была ахиллесова пята.

Нервно перетаптываясь, Жак попыталась сконцентрироваться на цели визита — поездке за «жуком».

— Ну, думаю, вы не так уж похожи на Джеймса Бонда, как мне показалось вначале.

Блейк скептически приподнял бровь, а она продолжила:

— Наверное, все дело в смокинге.

Он равнодушно произнес:

— Наверное...

— Но супербогатый парень в смокинге, сражающийся за справедливость, — это скорее Бэтмен, нежели Джеймс Бонд. — Жак старалась не обращать внимания на его холодное изумление.

Соблазнительная усмешка молниеносно скривила губы Блейка, дыхание Жак участилось, голова закружилась.

— Вот только Бэтмен наказывал преступников, не опираясь на закон. — Он скрестил руки на груди, белоснежная футболка натянулась на массивных плечах. — И для отчета: я все же предпочитаю смокинг балетному трико.

Перед глазами Жак тут же предстали мускулистые ноги Блейка, обтянутые эластичной тканью. И как так получилось, что ее завела мысль о мужике в колготках?!

— Интересный видок, — хрипло пробормотала она.

Их взгляды встретились. Время замедлилось.

Жак попыталась не обращать внимания на невероятную привлекательность Блейка, но ничего не получилось. Было большой ошибкой приходить сюда. Поездка через весь город в одной машине с этим человеком не казалась такой уж хорошей идеей. Но без своего «жука» она застрянет в его доме без малейшей возможности сбежать даже на короткое время.

Жак с трудом сглотнула и выпалила:

— Я надеялась, что вы отвезете меня на штрафстоянку...

Блейк сжал губы, пытаясь скрыть улыбку или недовольство, и она не знала, что из этого хуже.

— Я свободен сегодня после полудня, — ответил он, и Жак обрадовалась небольшой отсрочке. — Утром я еще должен закончить работу. Но сначала мы обсудим некоторые пункты нашего соглашения, — добавил Блейк.

Ее живот скрутило от волнения. Черт подери! А свобода была так близка!

Блейк направился к двери, Жак последовала за ним, — очевидно, в его кабинет, — молясь, чтобы помещение оказалось таким же просторным, как и гостиная. Поскольку, как она уяснила еще в лимузине, близость смертельно сексуального Блейка Беннингтона плохо на нее влияла. Жак не могла бороться с собственными чувствами. Она всего лишь хотела заключить контракт, не пополняя при этом список смущающих моментов. Но, учитывая ее реакцию на горячего прокурора, надежды было мало.

* * *

Блейк откинулся на спинку кожаного кресла, руки на подлокотниках, пальцы переплетены под подбородком. К счастью, от Жак его отделял чудовищных размеров стол. Она тем временем ходила взад-вперед, вникая в текст контракта.

В поношенных джинсах и футболке с изображением Мадонны — на лице певицы не красовалось никаких пятен — Жак выглядела отдохнувшей и непринужденной. Ее длинные непослушные волосы были стянуты длинным шнурком; золотистые прожилки мерцали в медовых прядях. Поначалу Блейк решил, что ее сдержанная прическа поможет обуздать его расшалившуюся натуру. Но ошибся. Длинная изящная шея и соблазнительная фигура вызвали в памяти образ Жак, изгибающейся в безумном танце; и мысль о ее бедрах,двигающихся в ритме хип-хопа, только подлила масла в огонь. Да еще этот хриловатый голос, который он услышал в гостиной... Голос, шептавший, что она хочет его...

Блейка словно опалило огнем. Желание вернулось, и игнорировать его стало намного труднее.

Жак закончила с чтением и остановилась у стола. Ее кожа, тронутая солнцем, была нежной и тонкой.

— Это действительно необходимо? — спросила Жак.

— Это стандартный трудовой договор.

Она облокотилась о стол, ее грудь оказалась прямо перед глазами Блейка.

— Здесь слишком много слов, а смысл прост: я нанята, перечислены главные условия и обозначена ставка. Все! — в сомнении произнесла она.

Пытаясь не обращать внимания на открывшийся вид, Блейк потянулся за документом:

— Нельзя наниматься на работу, не изучив предварительно договор.

Сохранять серьезность было сложно после того, как он минут десять самозабвенно любовался прелестями Жак и даже не отказал себе в удовольствии немного пофантазировать.

Блейк прочистил горло, надеясь, что попытка скоро закончится и Жак наконец решит удалиться и оставить его в покое...

— Документ защищает ваши интересы: там прописаны условия расторжения, если вдруг наши отношения не сложатся.

Жак внимательно рассматривала Блейка, словно он только что сошел с космического корабля пришельцев. Она выпрямилась, скрестила руки на груди, скрыв лицо Мадонны и приподняв грудь выше. Блейк поерзал в кресле, пытаясь облегчить напряжение в паху.

— А вы не устаете все время быть начеку? — удивленно спросила Жак, убрав за ухо выбившийся локон. — Просто я еще никогда не встречала такого предусмотрительного человека. Ваши мышцы, наверное, устали от постоянного напряжения... — Она сжала кулаки, желая подчеркнуть свою мысль, — в ожидании какой-нибудь неприятности, — закончила она сухим тоном, ее карие глаза были чистыми и ясными, руки расслабились. — Я знаю вас всего второй день, а вы уже утомили меня.

Пытаясь скрыть усмешку, Блейк потер подбородок. Жак выглядела моложе своих лет; она была дерзкой и красивой, ее жизненная сила пленяла. Утомление никак не вязалось с ее образом.

Блейк хотел, чтобы Жак уже успокоилась и села, лишив его возможности лицезреть ее соблазнительные формы; он уткнулся в бумаги.

— Я не жду никаких неприятностей — как вы выразились. Я просто осторожный. Наличие заблаговременно подготовленных путей отступления облегчает всем жизнь, — мягко добавил он.

— Вы что, никогда не ослабляете удил и не позволяете жизни просто течь?

— Нет, — ответил Блейк, надеясь, что Жак поймет намек и замолчит. — Я не люблю сюрпризы.

Она иронично хмыкнула:

— С каких это пор планирование предотвращает несчастья?

Эти слова, произнесенные невинным тоном, пробудили в нем неприятные воспоминания; Блейк замер. Самая ужасная трагедия его жизни — смерть отца — случилась по его, Блейка, неосторожности... как раз тогда, когда он наслаждался беззаботной жизнью. Он был беспечным подростком, никогда не задумывался о последствиях своих действий.

Грудь сдавило, и Блейк отбросил старые воспоминания, пытаясь сосредоточиться на настоящем моменте.

— Я не говорил, что планирование избавит от несчастий. — Он приподнял бровь и посмотрел на Жак. — Но действовать наобум — тоже не вариант.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, затем Блейк придвинул к ней документ и категорично произнес:

— Хотите, чтобы другой юрист просмотрел это для вас?

Жак посмотрела на него как на безумца:

— В настоящий момент вы единственный юрист, которого я знаю.

Склонив голову, Блейк пристально изучал ее.

— К несчастью, мой совет будет бесполезен. — Он указал на договор. — Конфликт интересов, и все.

Жак присела на край стола. Загорелая кожа бедра блеснула сквозь дырку в потрепанных джинсах, сбив Блейка с толку.

— Я испытываю огромное желание попросить вас сделать это, — сказала она, глядя на него

сверху вниз. — Что-то мне подсказывает, что если условия будут не в моих интересах, то вы подставите сами себя. — Ее глаза лукаво сверкнули.

Разум Блейка стал подавать тревожные сигналы. Поза Жак, а также осознание того, что их влечение было взаимным, делали ее еще более привлекательной.

— Уверяю вас, контракт составлен с учетом наших общих интересов, — произнес он и откинулся на спинку, желая увеличить расстояние между ними.

Жак непринужденно пожала плечами:

— Я вам доверяю.

— Вы должны проявлять больше осмотрительности в будущем. — Брови Блейка приподнялись. — Возможно, в следующий раз вам придется иметь дело с тем, кто не будет таким надежным.

— Вы — сама надежность. И, рискуя прослыть юристонавистником, все же скажу: вряд ли вы научились этому в колледже. Вы бывший бойскаут?

— Нет.

— Да ладно! Признавайтесь. — Жак наклонилась к Блейку, будто хотела поделиться секретом, и дразняще улыbnулась.

Ее сладковатый, пряный аромат окутал его, пробуждая чувственные видения; сердце забилося с удвоенной силой, хотя Блейк старался сохранять на лице холодное выражение.

— В юном возрасте вы ведь переводили пожилых дам через дорогу? — спросила Жак.

Вряд ли. В молодые годы он был настоящим бунтарем. И много и упорно трудился, чтобы побороть свой мятежный характер, доставшийся от матери. Его беззаботные деньки остались далеко позади.

— Так вы подпишете договор или нет? — спокойно поинтересовался Блейк.

Жак изящно изогнула брови:

— Я здесь только для того, чтобы помочь Никки с хозяйством и возить ее на машине. Что может случиться?

Блейк скривил губы: в голову пришли десятки различных вариантов развития событий, но только один по-настоящему взволновал его. Он мог сорваться, заблудиться в тумане сладострастия, окружавшего его каждый раз, когда Жак оказывалась рядом.

— Что угодно, — грубо ответил он.

А самое худшее — он не выдержит и прикоснется к этой девушке.

Веселые искорки в глазах Жак погасли, уступив место странному напряжению, тут же окутавшему обоих. Блейку показалось, что она наконец осознала, настолько неправильно — за неимением другого слова — могут сложиться обстоятельства. Или его желание дало о себе знать.

Жак нахмурилась, а взгляд Блейка тут же сосредоточился на ее чувственных губах. Розовых, мягких, зовущих к поцелую губах. Они доказали полную несостоятельность его защиты.

Жак заметила, куда он смотрит, поняла, что он фантазирует, и улыбнулась.

Ее голос и слова выдали ее с потрохами.

— Вы чувствовали бы себя более непринужденно, если мы вставили пункт о запрете на поцелуи?

Страсть вспыхнула мгновенно. Опалила его мысли. Каждая клеточка тела Блейка взывала к тому, чтобы он запрокинул голову Жак и впился в эти нахальные губы. Время текло мучительно медленно, внутри Блейка бушевало сражение, кровь кипела.

Вождение боролось с разумом. Потребность схлестнулась с долгом. Эгоистичный подросток рвал на части ответственного взрослого.

Пот градом струился по лицу, пока Блейк одолевал желание притянуть Жак на колени и окунуться в сладострастное безумие.

Ему нужна была женщина, подходившая его образу жизни. Предсказуемая. Здравомыслящая. Жак определенно не обладала ни одним из этих качеств. Так почему же он все еще собирался ее поцеловать?

Злясь на самого себя, Блейк взял ручку и протянул ее Жак:

— Это необязательно. Просто удостоверимся, что все пройдет гладко.

Мгновение поколебавшись, она взяла ручку и небрежно расписалась внизу документа.

Блейка отвлекла мелькнувшая из-под футболки розовая кружевная лямка. Затем он засмотрелся на ложбинку между грудей, но тут Жак оттолкнулась от стола и встала, отшвырнув ручку.

— Если это все, — сказала она, — то я возвращаюсь к Никки.

Блейк с облегчением быстро кивнул:

— Я найду за вами, когда освобожусь.

Он проводил взглядом ее длинные ноги и плавно покачивающиеся бедра и с силой сжал ручку, сомневаясь в своем решении нанять такую, как Жак. Его сомнения только укрепились, когда он просмотрел документ и, после списка обязанностей, заметил приписку от руки: поцелуи не дозволяются.

Застонав, Блейк откинулся в кресле, размышляя, должен ли чувствовать облегчение теперь, когда наконец нашел Никки помощницу, или тревогу из-за того, что вдвоем они могут наломать еще больше дров.

Глава 3

Уставившись на мужчину средних лет, сидевшего в тесной застекленной будке захудалой

парковки, Жак приблизила лицо почти вплотную к окошку, и, желая скрыть смятение, произнесла:

— Что значит я не могу забрать машину до понедельника?! Разве мы живем не в свободной стране? У меня есть право вернуть мою собственность!

Жак указала на своего «жука», затесавшегося среди других автомобилей, огороженных металлическим забором. В заточении — так же как и она совсем недавно. Несправедливо, что машина должна платить за ее ошибки.

Блейк стоял рядом, и ей хотелось спрятаться от его прожигающего взгляда.

— Ну еще пустите мне тут слезу, дамочка, — невозмутимо ответил мужчина, взгромоздившись на табурет и проведя рукой по волосам. — В следующий раз не будете оставлять машину на шесть часов в неполюженном месте.

— Меня арестовали! — Лицо Жак покраснело от волнения, но отступить было некуда. — Я не могла ее забрать!

— Я не виноват, что вы застряли в тюрьме, — ответил дежурный. — И не мне менять правила, — добавил он. — Мне просто платят за то, чтобы я им следовал.

— Какое именно правило говорит о том, что сначала я должна пойти в городской суд?

— То, которое обязывает вас выплатить штраф. А до тех пор по закону вы не можете забрать свою машину. А раньше понедельника — с девяти утра — заплатить вы не можете.

Жак открыла было рот, чтобы возразить, но Блейк опередил ее.

— Значит, в понедельник утром. Спасибо за помощь, — спокойно произнес он, дергая Жак за локоть.

Прикосновение напомнило о вчерашнем дне в офисе, когда ее охватило сильное желание поцеловать его, о том, каждый мускул ее тела был напряжен в предвкушении чего-то неизведанного...

Блейк держался равнодушно, но Жак знала, что ему не терпелось отколоть едкое замечание по поводу ее неоплаченного штрафа. Одного из многих, талончиками на которые ее сумка была забита под завязку. Всего лишь очередной пункт в списке нарушений.

Жак нутром чуяла, что лучше держаться подальше от Блейка. Это решительное выражение его лица... шаловливые искорки в глазах... широкие плечи, стройные бедра, соблазнительные губы...

Они вернулись к машине, и Жак, от всей души надеясь, что в голосе не слышно отчаяния, произнесла:

— Мне нужна моя машина.

— Можете взять машину Никки в понедельник, — предложил Блейк.

Она хмуро на него посмотрела:

— Но сейчас мы недалеко от подросткового центра. Я хотела остаться здесь и повидаться со

всеми.

— Я подброшу вас.

Отлично. Придется провести еще некоторое время в тесном салоне наедине с Блейком. Поездка до парковки выдалась довольно напряженная — оба делали вид, что забыли о приписке, запрещающей поцелуи. Но Жак не могла удержаться от этой шалости: Блейк смотрел на нее так, словно хотел впитаться ей в губы, но в то же время ненавидел себя за это желание. В прошлый раз, когда мужчина смотрел на нее так — со смесью желаяния и сомнения в ее здравомыслии, — Жак поклялась, что больше не станет увлекаться подобными типами.

Жак вспомнила выражение лица Джека — мужчины, с которым хотела построить серьезные отношения, даже создать семью. Живот тут же скрутило. Конечно, ей, как и многим другим, хотелось иметь рядом человека, всегда готового подставить плечо; на кого можно положиться, когда весь мир восстает против тебя. Только в центре она была счастлива, за его пределами мечты о собственном доме оказались бесплодными. Повзрослев, Жак потерпела неудачу — Джейк разочаровал ее, и вскоре она решила, что для достижения цели мужчина вовсе не нужен.

В клубе жила ее единственная семья.

Жак с тоской посмотрела на своего дорогого потрепанного «жука» и вздохнула. Она так надеялась избавиться от Блейка и поехать наконец в центр, служивший ей убежищем в годы юности.

— Мне просто любопытно: зачем вам нестись в этот клуб? — спросил Блейк и сел за руль. — Чтобы проведать детей, которым вы должны подавать хороший пример?

Жак бросила на него злобный взгляд, плюхнулась на пассажирское сиденье и с силой хлопнула дверью.

— А какие еще уроки вы им преподаете, помимо тюремного заключения, неправильной парковки и неоплаченных штрафов? — уточнил Блейк, пытаясь сохранить безразличное выражение лица.

Жак с трудом удержалась, чтобы не заскрипеть зубами от ярости. Было бы лучше, если бы он просто улыбнулся своими чувственными губами и уделит внимание более важным вещам. Например, поцелую.

Черт бы его побрал!

— Взлом? — продолжал Блейк, сверля ее взглядом. — Мелкая кража? Или может быть...

Отчаянно желая прекратить поток саркастичных замечаний, Жак приложила палец к его губам. И все стало намного лучше.

Только вот тело не хотело успокаиваться. Серые глаза, испещренные золотистыми прожилками, смотрели прямо на нее, кровь бешено стучала в висках. Жак дрожала; его губы были такими манящими, кожа — гладкой, теплое дыхание пробежало по ее пальцам. Она не могла ошибиться: его взгляд пылал, тело напряглось, вожделение боролось с волей. И каким он будет, если вожделение победит?

Ее палец — на его губах, секунды медленно текут, и слышно только их учащенное дыхание.

Жак пришла в себя, не успев совершить ничего опрометчивого. Например, придушить Блейка или попробовать на вкус его чувственные губы.

— Еще одно слово, Костюмчик, и тебе не жить, — хрипло произнесла она, продолжая смотреть ему в глаза. — Хорошо? — Она опустила руку, готовясь к его словесному удару.

Будет ли это злобная реплика или удивленное восклицание? Или сексуальный намек?

— А кстати, что вы хотели сказать?

Молчание было недолгим, огонь его взгляда опалил.

— Я думаю, что с вашим образом жизни, — начал Блейк, — вы постоянно должны держать при себе адвоката на предварительном гонораре.

Разгневанная его словами, Жак скрестила руки на груди и бросила:

— Поехали уже...

Блейк припарковался перед центром для подростков, заглушил мотор и с сомнением взглянул на дряхлое здание бывшего склада, превращенное в клуб. В голове вновь зазвучали тревожные сигналы — как в те мгновения, когда он касался Жак. Но на этот раз тревога не была связана с желанием.

Клуб находился в части города, которая, мягко говоря, пользовалась плохой репутацией.

— Кажется, парковаться здесь небезопасно, — заметил он.

— Действительно, — беззаботно отозвалась Жак, когда они вылезли из салона. — Но при вашей охранной системе вряд ли кто-то сможет угнать ваш «лексус». Вы же будете злиться на детей, если они немного повеселятся?

Сигналы зазвучали громче.

— Повеселятся?

— Ну, разукрасят машину краской из баллончика или нацарапают что-нибудь ключом... — пояснила она.

Блейк нахмурился и, открыв дверь здания, пропустил Жак вперед. На ее губах он заметил ироничную усмешку.

— Или проколют шины, — добавила она спокойно.

Конечно, ведь автомобиль ей не принадлежал. Хотя, с другой стороны, вмятины на ее «жуке» были результатом усилий детей.

— Спасибо за предупреждение, — пробурчал Блейк, следуя за ней.

Они углублялись в недра здания, проходили мимо группок детей разного возраста и расы. Многие очень радовались появлению Жак, бросались ее обнимать, а вот на Блейка косились с

подозрением. Те, кто был повзрослее, стыдились открыто выражать свою привязанность, но за их насмешками и саркастичными замечаниями, несомненно; скрывалась нежность. Жак постепенно расслаблялась, напряжение покидало ее тело тем быстрее, чем больше детских головок она гладила, чем больше улыбок ловила. Они двигались к лестнице в противоположном конце спортзала. Игра в баскетбол была в самом разгаре. Долговязые подростки приветствовали Жак, отмачивая шутки по поводу ее ареста. Она махала в ответ, отвечая на каждую насмешку остроумной колкостью, заставляя игроков смеяться. Было очевидно, что Жак прекрасно знает историю каждого ребенка.

Они устремились по узкой лестнице на второй этаж.

— Я только поднимусь в свой кабинет и проверю почту, — сказала она Блейку. — И еще заберу гитару из шкафчика.

— Гитару? — Блейка не удивил выбор инструмента.

Он пытался не обращать внимания на соблазнительно покачивающиеся бедра в нескольких шагах от него в тесном пространстве.

— Вы принимаете запросы на песни?

Жак обернулась:

— Вряд ли я смогу сыграть то, что вам по душе.

— Как насчет «Лэнед скинед», «Свободная птица»?

На ее лице отразилось удивление.

— «Свободная птица»? — Ее брови приподнялись, шаг замедлился. — Никогда бы не подумала, что вы — фанат рока.

— А я и не фанат, — ответил он, смешинки загорелись в глазах. — Просто каждый вышедший из тюрьмы должен знать «Свободную птицу».

Ее глаза расширились, она замерла, чувствуя, как бешено колотится сердце. Жак стояла на ступеньке выше Блейки, и их лица оказались на одном уровне: глаза в глаза, губы совсем рядом с его губами. Идеальная позиция для того, чтобы взять его в плен.

— Твоя способность язвить выше всяких похвал, Костюмчик, — благодушно произнесла она. — Отчитать кого-то за музыкальные предпочтения — это действительно талант. — Жак улыбнулась, хотя взгляд оставался серьезным. — Но у меня есть собственные идеи по поводу репертуара.

— Тогда какая песня будет наиболее подходящей? — хрипло спросил Блейк.

Жак мгновение задумчиво смотрела на него и улыбнулась.

— Посмотрим. — Она поджала губы, делая вид, что усиленно размышляет над его вопросом. — Я оказалась в тюрьме, потому что защищала учреждение, которое мне дорого, — начала она, посверкивая взглядом. — Затем меня отчитал за опрометчивое поведение человек, считающий, что ему в затылок дышит смерть, если, не дай боже, он случайно оторвет бирку с матраса, на которой написано «не отрывать».

— Неправда!

— Конечно нет. Как насчет проезда на красный?

— Это противозаконно! — тут же воскликнул Блейк.

Ее карие глаза мерцали.

— А парковаться у здания аэропорта?

— Запрещено. — Блейк испепелял ее взглядом. — Не говоря уже о том, что это опрометчиво.

Жак соблазнительно прикусила губу, пытаясь скрыть усмешку, поднялась на второй этаж и прошла в пустующий холл.

— То есть мою готовность попасть в тюрьму ради правого дела осуждает человек, боящийся выйти из дома без зонта, если есть хотя бы маленькая вероятность дождя. Думаю, мне больше подходит песня «Это моя жизнь!» Бон Джови.

Жак вошла в небольшой, тесный кабинет с двумя столами и повернулась к Блейку.

— Я просто исхожу из ситуации. — Она приблизилась и уперлась в него тяжелым, упрямым взглядом. — А так мой выбор — «Это не твое чертово дело!».

Жак находилась достаточно близко, чтобы Блейк мог увидеть зеленые и золотистые искры в ее глазах. Но этого даже и не требовалось — огонь, неумолимая непреклонность, наплевательское отношение к последствиям чувствовались за милю.

А ее прикосновения...

На него снова нахлынули воспоминания о том, как Жак приложила палец к его губам, острая потребность завладела всем существом... Ее тонкий пальчик, мягкая кожа, аромат ванили, заполнивший салон. Внезапно Блейк осознал, что запах Жак был таким же изменчивым, как и она сама... как сама женская сущность.

Его сердце забилось быстрее, тон был резким.

— Теперь ваш выбор — мое дело.

Блейк подумал об их соглашении, и время, казалось, растянулось. Растянулось до необозримых границ. Теперь все усложнилось — странные чары, сковавшие их тела, были причиной. Взгляды замерли, момент длился десятки вечностей, в их сознании вспышкой сверкнуло понимание.

И тут все закончилось — в дверях появилась девушка — ровесница Жак.

— Джанет Беннет заходила, хотела видеть тебя, Жак, — сказала она и улыбнулась.

Блейк прочистил горло, а Жак отступила на шаг.

— В городе есть группа терапии, и им нужен музыкальный терапевт. Она рекомендовала тебя. Работа уже у тебя в кармане, если хочешь, — продолжала коллега. — Да и платить будут лучше.

Жак беззаботно выудила откуда-то кучу конвертов и принялась их просматривать.

— Я подожду, пока наш центр не встанет на ноги.

— Ты что, не слышала? — спросила девушка.

Жак подняла взгляд от писем и тревожно посмотрела на нее:

— Чего?

— Правление провело экстренное совещание. Даже если мы получим деньги...

— Когда, — поправила ее Жак, крепче сжимая конверты. — Не если, а когда.

Девушка произнесла уже мягче:

— Когда мы получим деньги, на решение о твоём найме может повлиять обвинение.

Лицо Жак вдруг утратило краски и живость, и Блейка охватил нежеланный приступ сочувствия. Не подумав, он подошел к ней и погладил по руке.

— Передай Джанет мою благодарность, — сказала Жак ровным голосом и посмотрела на Блейка странным взглядом. — Я добьюсь снятия обвинения. — И она неожиданно вышла из кабинета, на ходу бросив «спасибо» коллеге.

Блейк, послав девушке вежливую улыбку, пробормотал слова извинений и бросился вслед за Жак. Он настиг ее, утихшую, у шкафчиков, притулившихся вдоль стены обшарпанного холла. Ее изящные бедра были напряжены, но сейчас Блейк не испытывал плотской жажды.

Пробравшись между рядами шкафчиков, Жак остановилась у одного и принялась открывать замок. Ей потребовалось некоторое время, чтобы дорожающими пальцами набрать нужную комбинацию на кодовом замке, и Блейка захлестнула новая волна жалости.

— Тебе стоит принять это предложение, — сказал он.

Она наконец справилась с замком и открыла дверь — внутри стены были обклеены плакатами групп и певцов. Разнообразный набор: здесь были кантри, рок, блюз.

Жак нахмурилась:

— Я подожду, пока клуб получит деньги и сможет вернуться к терапии.

Блейк прислонился к стене, исписанной граффити, и скрестил руки на груди.

— А что, если он не получит деньги? — спросил он.

— Получит. — Она повернулась к нему. — Я об этом позабочусь.

— Хорошо, — в сомнении произнес Блейк. Ее стойкость, непоколебимость и смелость поражали.

Но Блейк давно-давно понял простую истину: нельзя изменить мир силой своего желания. И он чувствовал себя обязанным вразумить ее, потому что кто-то же должен мыслить здраво. И как

и в случае с его семьей, это будет он.

— А что будет, если правление решит не нанимать тебя снова? — поинтересовался он.

Жак с силой захлопнула дверцу, эхо разнеслось по пустынному холлу.

— У меня прекрасный адвокат, и мне не о чем волноваться, — ответила она. Горящий взгляд был устремлен прямо на него.

На следующий день Блейк в поисках тишины и покоя, захватив тиковое масло и необходимые инструменты, направился в док, чтобы смазать свое Суденышко. Возня с лодкой всегда отлично помогала расслабиться. По воскресеньям — единственный день, отведенный для отдыха, — Блейк обычно занимался какой-нибудь физической работой, не требующей умственного напряжения. Но сегодняшнее утро он посвятил делу Жак.

А любая мысль, связанная с ней, причиняла беспокойство.

Уже тысячи раз Блейк возвращался к воспоминаниям о вчерашнем дне, представляя, как Жак касается его губ своим пальчиком. Даже сон, к сожалению, не мог спасти его от тревожащих душу фантазий; ночью он был атакован сновидениями. Эротические, распалюющие образы, которые делали их встречи почти невыносимыми, заставляли Блейка терять контроль.

Желая избавиться от навязчивых грез хотя бы на мгновение, он вышел к бассейну и замер.

Его обычно тихий бассейн сейчас был оккупирован пятью визжащими женщинами — его матерью, Никки, Жак и двумя подростками, которых он вообще видел впервые. Блейк протяжно вздохнул.

Он скучал по уединенным дням. Он скучал по дням, когда Никки была в колледже, а не вертелась у него под носом. Он скучал по дням, когда его разум не был смущен образом Жак в коротких шортиках, тонком топе, с гитарой в руке, прижатой к сердцу.

Никки и его мать сидели в шезлонгах у края бассейна. Жак и две незнакомки, расположившись за столиком, играли на гитаре и уписывали конфеты из пакета, вокруг которого валялась куча оберток. На девушках были мешковатые шорты, майки, и вызывающий почти болезненное ощущение пирсинг; судя по возрасту, они, скорее всего, пришли из клуба.

— Блейк! — окликнула его мать. Ее короткие с проседью волосы обрамляли гладкое лицо. — Сегодня же воскресенье! Отложи-ка свои дела и отдохни хоть немного.

Сестра ответила за него:

— Он не может, мам! Он не способен к отдыху.

Волосы Никки были стянуты в конский хвост, серые глаза лукаво смотрели на брата, на губах играла широкая улыбка.

— Нормальные мужчины по воскресеньям играют в гольф или смотрят футбол с бутылкой пива и ведром куриных крылышек, — добавила она.

Блейка охватило раздражение. Ему стоило титанических усилий принять равнодушный вид.

— А нормальные студентки юридического факультета проводят лето в фирмах, зарабатывают

необходимый опыт, — сухо произнес он. — А не в гипсе из-за глупой аварии. — Это была дурацкая шутка, которая заставила Никки почувствовать себя униженной.

Блейк жил в постоянном страхе, ожидая катастрофы, и словно знал заранее, что причиной будет именно автомобильная авария. В тот день, услышав новость, он едва не поседел.

В детстве Никки проявляла непомерную нетерпеливость и стремилась вырасти как можно быстрее. Теперь она водила слишком быстро.

Она жила слишком стремительно.

Он до сих пор помнил, как несся по коридорам больницы. Но ничто не могло сравниться с видом бледной, испуганной, распростертой на койке младшей сестры со сложнейшим переломом. И страх потерять ее, смешанный с воспоминаниями о гибели отца, почти лишил Блейка способности соображать. По словам врача, ей еще повезло, что она вообще осталась в живых.

И так же приятно было сознавать, что ее острый язычок не пострадал.

— Я тебе говорила, что он будет издеваться над моим несчастьем, — обратилась она к матери. Затем повернулась к брату и спросила, округлив глаза: — Ты все еще злишься из-за того случая?

— Нет, — ответил Блейк. — Я просто в восторге то того, что ты впуталась в переплет с участием полиции.

Еще один инцидент, требовавший его пристального внимания — инцидент, который мама прокомментировала так: «Дети есть дети».

— В следующий раз тебе могут предъявить серьезное обвинение, и это навредит твоей будущей карьере юриста, — сухо заключил Блейк.

— Ты слишком волнуешься, — нахмурившись, произнесла Никки.

Он вспомнил, как говорил те же самые слова своему отцу, и живот скрутило. Их с сестрой взгляды скрестились, и Блейк произнес низким голосом:

— Это ты волнуешься недостаточно.

Прошло несколько напряженных секунд, наполненных шумом воды, затем мать взяла Никки за руку.

— Будь помягче со своим братом, — тихо сказала она. — Наверное, у него просто давно никого не было.

Сидевшие за столом удивленно выпучили глаза, Жак кашлянула, Беннингтоны же были невозмутимы. Его мать никогда не умела держать язык за зубами. Блейк привык к ее спокойному отношению к любой теме, но вряд ли она подавала хороший пример молодежи.

— Почему ты не пригласишь ту красивую адвокатшу? Ну, ту, с которой ты разговаривал у здания суда, — спросила Никки, поразив брата. Когда это она видела Сару? — Вы двое могли бы составить идеальную пару, купить идеальные костюмы и завести детей. — Они приподняла бровь. — Идеальное количество, разумеется. Двух с половиной.

Блейк чувствовал на себе пристальный взгляд Жак. Никки и Абигейл в паре представляли серьезную опасность, о чем еще давно предупреждал его отец. Они — при поддержке Жак — могли свернуть его в бараний рог. Да и тренировка новых рекрутов — двух незнакомых подростков — вызывала немалую тревогу.

Блейк был достаточно прозорлив и знал, когда наступала пора сматывать удочки.

— Мама, — спокойно произнес он. — Я был бы тебе очень признателен, если бы ты не выносила мою личную жизнь на всеобщее обсуждение. И Никки... — Он посмотрел на сестру. — Мне достаточно и семьи, которая у меня есть.

Бросив последний взгляд на Жак, Блейк развернулся и направился в док, благодаря Небеса за то, что хотя бы на его лодке не было никаких женщин. Правда, его мучил вопрос: сколько продлится это мнимое спокойствие?

Глава 4

Никки и ее мать решили перейти на кухню, Жак же отказалась, сославшись на то, что хочет еще немного насладиться солнцем. Даун и Трейси, гости, тоже ушли в дом, и Жак была им благодарна, так как теперь могла беспрепятственно любоваться Блейком. Застекленная кабинка его лодки была обита деревом, внутри раскиданы синие подушки. Белые паруса выделялись на фоне яркого голубого неба; жаркие лучи заливали пальмы и теплые воды залива Бискейн.

Но этот пейзаж бледнел в сравнении с видом соблазнительного Блейка в плавках и футболке. По мнению Жак, острый аналитический ум попросту не мог существовать в таком великолепном, атлетически сложенном теле. Мускулы или мозг. Было несправедливо, что он обладал и тем и другим. Идеальный, прямо как сказала его сестра.

Ну, может, за исключением отношения к жизни...

Его широкие плечи, обтянутые красной футболкой, казались еще мощнее, узкие бедра и накачанные ноги сводили с ума.

Его бегство, очевидно, было вызвано чрезмерной семейной заботой — Блейк в рекордно короткое время преодолел расстояние до дока. А может, он просто испугался, что Жак опять выкинет что-нибудь глупое.

Например, коснется его.

Жак прикусила губу, рассматривая загадочного мужчину, от которого зависело ее будущее, и вдруг осознала, что не поблагодарила его за помощь. Неприятности с машиной, плохие новости о работе в клубе выбили ее из колеи. Но она должна вернуть самообладание. Жак ни в коем случае не станет стыдиться своего ареста, но и проявлять неуважение к спасителю тоже не дело.

Вздохнув и испытывая странное нетерпение, Жак поднялась, прошла мимо бассейна и ступила на нагретое дерево дока.

«И в этот раз не вздумай распускать свои длинные, наглые руки», — приказала себе Жак.

Она приближалась к лодке, а Блейк продолжал водить кистью по борту. Даже не взглянув на нее, он произнес:

— Смотрю, ты уже познакомилась с моей матерью.

— Да, — ответила Жак.

Волны нежно ударялись о борт лодки, запах древесины смешивался с соленым ароматом воды. Все это должно было расслаблять, но вид крепкого тела Блейка тревожил Жак.

— Она рассказывала, как приготовить вкусный мохито, — добавила она, улыбнувшись. — Очевидно, Абигейл сама выращивает ингредиенты.

— У нее есть лаймовые деревья и мята, — ответил он. — Она называет это ликерным садом.

На лице Блейка отразилась смесь веселья и теплоты, немного приправленная раздражением, и улыбка Жак стала шире. Абигейл была необычной женщиной, но между ней и сыном существовали привязанность и понимание.

Жак ступила на борт, восхищаясь сорокафутовым судном. Прикрыв глаза от солнца, она наблюдала, как Блейк сосредоточенно окунает кисть в неглубокий таз и размашисто черкает по борту. Его преданность делу и внимание к деталям не удивили ее. Жак подумала, что и любит этот человек с такой же самоотдачей.

«Не трогай, Жак! Не трогай!» — кричал внутренний голос. Но она не хотела притворяться, будто не попала под влияние собственных фантазий. Движения Блейка наводили на мысль, что он не станет торопиться и будет наслаждаться каждым ощущением. Жак вспомнила, как рассиживалась у него на столе, как касалась его губ...

Сердце сильнее забилося.

Тогда его взгляд говорил, что, несмотря на сдержанность, стоит ей совершить всего одно неверное движение, и он загорится ярким пламенем, которое стремительно поглотит их обоих. Может, под маской холодности и идеальным внешним видом действительно скрывался мужчина, жаждущий страсти?

Блейк прервал ее размышления:

— Тем двум девочкам ты давала уроки игры на гитаре?

Жак вздохнула, пытаясь сконцентрироваться на разговоре.

— Да. И сегодня за завтраком Никки сказала, что ты не будешь против, если они иногда будут приходить в мой гостевой коттедж. — Жак наморщила лоб: сейчас, посмотрев на Блейка, она уже не была так уверена в правдивости слов Никки. — Надеюсь, это правда.

— Пока я заинтересован в твоих услугах, мой дом — твой дом. — Он посмотрел на нее с непонятным выражением. — В пределах разумного, разумеется.

Его серые глаза впилась в нее, напряжение, возраставшее на протяжении нескольких дней, сковало их. Но Жак постаралась не обращать внимания на намеки.

— Кто выбирал место и время поведения вашего флешмоба? — спросил он.

Жак, удивленная внезапной переменной темы, приподняла бровь.

— Все высказывали свое мнение, но в итоге мы решили последовать плану Никки. — Жак закрыла глаза — на нее нашло внезапное озарение. Почему она не додумалась до этого раньше?

Она подняла глаза на Блейка:

— Думаешь, она сделала это нарочно?

— Уверен. Никки подслушала мой телефонный разговор с Сарой за несколько дней до этого.

— С Сарой? — Жак вспомнила шикарную женщину в дорогом костюме. — Вы про ту женщину, с которой собираетесь заводить идеального ребенка?

В его глазах вспыхнули искорки веселья.

— Да, про нее. Она согласилась встретиться со мной в пятницу, чтобы поделиться информацией по делу, над которым я работаю, — ответил Блейк. — И когда моя сестра увидела, как я спускаюсь, она врубила музыку. Просто хотела начать поэффектнее.

Жак задумалась на мгновение, затем покачала головой:

— Но зачем ей было ехать так далеко, просто чтобы убедиться, что ты заметил наше выступление?

Невозможно было не заметить, как Блейка напрягся.

— Чтобы досадить мне, — произнес он. — Отомстить.

— А что ты такого сделал, чтобы заслужить ее месть?

Блейк довольно равнодушно воспринял ее откровенный вопрос, но Жак тут же пожалела о сказанном: вряд ли стоило оскорблять собственного работодателя. Видимо, несдержанность глубоко укоренилась в ее натуре.

Его глаза снова зажглись озорством.

— А почему ты считаешь, что я ее заслужил?

Боясь снова ляпнуть какую-нибудь глупость, Жак в ответ просто приподняла бровь, надеясь, что Блейк снова вернется к официальному тону. Его губы скривила усмешка, он швырнул кисть в таз и посмотрел на нее.

— Я предупреждал Никки, что прыжки с самодельной тарзанки ее друзей могут плохо закончиться, — объяснил Блейк. Он смотрел на сверкающую в лучах яркого солнца воду, но, казалось, не видел ее. — Она очень разозлилась, когда мое предсказание сбылось и ее планы на лето рухнули. Таким образом, у нее осталось два варианта: поехать с матерью и ее подругами в деревню для пенсионеров или...

Жак сжала губы, уже зная, что последует дальше.

— Точно, — продолжил Блейк, согласившись с ее невысказанной догадкой. — Или остаться здесь, я цитирую, «под тираническим присмотром моего большого братика».

— Я думала, для этого и нужны родственники.

— Чтобы сводить друг друга с ума? — скептически уточнил он.

Жак постаралась не рассмеяться.

— Возможно. И еще — для Никки ты не просто большой брат; ты — Большой брат с большой буквы, как у Оруэлла.

Его брови удивленно поползли вверх, маленький шрам на лбу смялся.

— И если тебя это утешит, Никки сказала, что каждый чиновник мечтает, чтобы его делом занимался именно ты. Она считает тебя блестящим юристом.

Нежданная похвала, казалось, поразила его, и Блейк, облокотившись на не тронутую кистью часть борта, скрестил на груди руки. Дыхание Жак перехватило при виде накачанных мышц его груди и предплечий. Ее неосознанно влекло к нему.

Жак прочистила горло:

— И, принимая во внимание мое настоящее положение, ее вера в твой успех вселяет надежду.

Ей нужны были только его мозги — не мускулы!

— Сегодня утром я снова разговаривал с Сарой, — произнес Блейк, прервав ход ее неприличных мыслей. — Она предложила помочь с твоим делом. Она — адвокат, такой же блестящий, как я — прокурор, и достаточно квалифицирована, чтобы дать дельный совет.

Жак подавила разочарованный стон. Конечно, она была благодарна Блейку за его заботы, но где-то в глубине души расстроилась из-за того, что он решил заручиться поддержкой своей идеальной половины. И все же Блейк, несмотря на то что посмел советоваться с красавицей адвокатшей — или по причине этого — заслуживал признательности.

— В таком случае, — произнесла Жак, улыбнулась и схватила кисть, — в благодарность за твои труды я закончу здесь, а ты можешь отдохнуть.

В его глазах блеснула настороженность. Словно пытаясь решить, стоит ли доверять Жак столь важное дело, Блейк окинул ее внимательным взглядом, особо задержавшись на руке с зажатой в ней кистью.

Жак бросило в дрожь.

Затем Блейк медленно взял ее за запястье, чтобы рассмотреть татуировку.

О господи... Теперь стало почти невозможно сдерживать желание.

— Я раньше не замечал шрамов под тату, — произнес он низким голосом.

Жак замерла, лишилась дара речи — ощущение его пальцев на ее коже, внимательный взгляд, обращенный на давние раны, были невероятны. Сердце бешено билось, она пыталась унять волнение.

Один шрам еще мог быть результатом аварии; но две параллельные линии на коже запястья

наводили на подозрение.

— Я не пыталась покончить с собой, если ты подумал об этом, — произнесла она как можно беспечнее.

— Люди могут калечить себя и ради других целей. — В глазах Блейка читались опыт и понимание; он прекрасно знал, что Жак сама нанесла себе эти раны.

Он знал, что однажды она схватилась за лезвие.

Жак казалось, что ее грудь сейчас разорвется, от тяжелого дыхания было больно, легкие горели. Одно дело — поблагодарить человека за его труды, и совсем другое — обнажать перед этими всевидящими очами свою историю. Годы буйной юности прошли, и теперь Жак не собиралась искать оправдания своим проступкам или прятаться по углам, претворяясь оскорбленной его недопониманием. Она, черт подери, боролась с демонами и победила!

Жак схватила Блейка за запястье.

— Это было много лет назад, тогда я была подростком, — спокойно произнесла она, надеясь, что Блейк не станет ее расспрашивать.

Она не хотела вспоминать неудачу с Джеком.

— Параллельные линии напоминают мне часть нотной линейки. Пару лет назад я сделала тату — еще несколько линий и нот.

Последовавшая за этими словами долгая пауза была наполнена теплым светом, соленым бризом, звуком ударов волн о борт и шелестом парусов.

Жак не могла двигаться, не могла думать, не могла дышать, страстно желая услышать ответ Блейка на ее объяснение происхождения шрамов.

— Ноты какой песни? — вдруг спросил он.

Пораженная, Жак отступила и уставилась на Блейка. Из всех возможных вопросов меньше всего она ожидала этого. Реакция Джека на шрамы подтолкнула Жак сделать татуировку; выбор песни также был обусловлен неудачей с Джеком. Никто никогда не интересовался самой песней.

Жак было интересно, как Блейк воспримет ее ответ.

— Это первая строчка из песни Мадонны «Как девственница».

На его губах мелькнула усмешка — смесь удивления и восхищения.

— Ты не одобряешь мой выбор? — Она попыталась сохранить серьезное выражение лица и продолжила: — Или считаешь, что песня мне не подходит?

— Не имею ничего против Мадонны, — сказал он и посмотрел на ее короткие шорты и футболку с репером Бульдогом.

Жак задрожала, мурашки побежали по телу. Ткань футболки весьма нескромно облегла грудь, почти выставляя соблазнительные формы напоказ.

Блейк, заколебавшись, словно обдумывая дальнейшие слова, перевел взгляд на ее руку, все еще покоящуюся в колыбели его ладони. Он легонько коснулся одного из шрамов, и Жак вздрогнула. Простая ласка была невероятно чувственной. Обольстительной. Горячей.

И страшной. Поскольку он ласкал отметины, символизирующие битву, которую она вела, желая достичь примирения с собственным прошлым. Эти полосы были свидетельством внутреннего разлада. Глубоко встревоженная, Жак боролась с искушением прижать руку к твердой груди Блейка, затем скользнуть ниже...

Блейк провел пальцем по сморщенной коже, увлекая Жак в пекло, обрекая на невыносимую нужду.

— Но ты едва ли походишь на девственницу, — заметил он наконец.

Интересно» мучили ли его неприличные мысли, так же как ее? Сердце Жак бешено стучало.

— Так скажи мне, Костюмчик, — произнесла она, стараясь говорить спокойно. — Как именно должна вести себя девственница? Она должна быть смущена и напугана чувствами, которые ей внушает человек, стоящий рядом? — Жак едва не закатила глаза при мысли о столь старомодном понятии; она приподняла бровь, изо всех сил стараясь игнорировать трепет. — Или должна оскорбиться тем, что он осмелился коснуться ее целомудренной кожи? — сухо продолжала она.

Хоть Жак и девственница, она не позволит характеризовать себя грубыми книжными понятиями. Она не боялась быть смущенной. И уж конечно, она не была оскорблена.

Она была возбуждена.

Лицо Блейка озарила лукавая улыбка, как будто он не верил в ее спокойствие.

— Давай посмотрим, — начал он; звук его голоса дрожью отдавался в ее теле. — Когда мы встретились впервые, ты исполняла непотребные танцы перед зданием суда. Во второй раз ты была за решеткой. — Его глаза потемнели. Таким образом, можно заключить, что ты вела себя не очень-то невинно.

Жак выдержала горячий пристальный взгляд Блейка, отказываясь обращать внимание на поглаживания его пальца, на дикую тоску по нежности... Но подергивание губ выдало ее.

— И в данный момент ты уж точно не выглядишь невинно, — жестко заключил Блейк.

Его взгляд опустился на ее грудь, затем вернулся к лицу, к серым глазам, горевшим от возбуждения, которое мучило ее с тех пор, как они встретились. Жак могла видеть все: колебание, проблеск настороженности и, что еще более важно, неприкрытое желание. И тут Блейк посмотрел на губы Жак, сокрушив ее решимость не касаться его.

Казалось, жар от руки Блейка передался каждой клеточке ее тела. Она почувствовала себя мягкой, послушной и влажной.

Жак боялась выкинуть какую-нибудь глупость.

— Сейчас ты думаешь о том, как поцеловать меня, — сказала она срывающимся голосом. — Но я знаю, ты достаточно сдержан и не пойдешь до конца.

— Почему ты так уверена? — спросил он.

— Ты слишком дисциплинирован и не позволишь похоти вырваться на свободу, эмоциям — заглушить разум.

— Да, это так, — согласился Блейка, хотя жар его глаз прожигал ее.

— Как жаль. — Разочарование пронзило ее.

Жак не удивилась его согласию, но от этого легче не стало. У нее были желания, потребности. Жак хотелось, чтобы мужчина сошел по ней с ума, несмотря на отметины на ее теле, напоминавшие о прошлом. Возможно, однажды кто-нибудь влюбится в Жаклин Ли, такую, какая есть — со шрамами и всем остальным.

Даже после разочарования из-за Джека тяжело было отказываться от мужчин. И она никогда не встречала такого, как Блейк. И если уж она влюбилась в него, то заслужила хотя бы поцелуйчик.

Забыв про свое обещание не распускать руки, Жак подалась вперед и сжала ткань футболки на широкой груди Блейка. Он позволил ей притянуть себя ближе, иначе — учитывая их разницу в росте — она бы не достала до его губ. И если она сорвет у Блейка всего один поцелуй, пусть он будет чертовски хорош.

Влечение, которое покорило его в день, когда они познакомились, яростная потребность, которая неоднократно ставила его на колени, рухнули на Блейка с потрясающей мощью. В тот момент, когда Жак коснулась его груди, время замедлилось, стало более ярким, резким, мир сосредоточился на женщине, стоявшей перед ним. Блейк был очарован ее дико вьющимися желтовато-коричневыми волосами, обольстительными карими глазами; завоеван ее маленькой ручкой, покоившейся на его груди, нежной кожей ее пальчиков; обеспокоен шрамами на ее запястье.

С бешено бьющимся сердцем Блейк рассеянно провел по зажившим отметинам, стараясь обуздать свою похоть. Где-то на границе сознания всплыла мысль, что когда-то Жак не была такой сильной, посылавшей все и вся к черту женщиной. Сейчас, увидев ее историю в ином свете, Блейк понимал, почему в юные годы она славилась разрушительным поведением. Хорошо, хоть попытка причинить себе вред ограничилась лишь двумя шрамами: кожа в других местах — руках, ногах — была гладкой и шелковистой. Неудивительно, что она жила моментом и вновь хотела почувствовать себя невинной, нетронутой. Свободной от груза прошлого. Блейк никогда не встречал такой загадочной женщины. И это делало ее еще более желанной.

Тело Блейка горело под ее честным и вместе с тем жарким взглядом, который покорило его в день их встречи. Его позиции слабели, поэтому он принялся мысленно перечислять недостатки: Жак не подходила ему, не соответствовала его образу жизни; у него и так хватает проблем с делом Менедеса и сестрой, а Жак была очередной проблемой, мозолью на пятке, настоящей катастрофой. Что, однако, не означало, что он не может спать с ней; но определенно означало — что не должен.

Блейк не мог — как ни старался — оторвать взгляда от ее мягких губ, не мог заставить себя перестать поглаживать большим пальцем ее шрамы. Но будь он проклят, если позволит обаятельной женщине совратить его или позволит похоти диктовать, с кем ему спать...

Жак приподнялась на носочки и прижалась губами к его губам.

Замерев, наслаждаясь вкусом карамели, Блейк боролся с желанием с силой сжать ее податливое тело. Цитрусовый аромат волос, нежная кожа руки, ожесточенная шрамами.

Не было ничего невинного в том, как Жак целовала его. Это был поцелуй женщины, которая прекрасно осознает свои действия. И прекрасно осознает свои желания.

Сердце Блейка сильно колотилось, пока Жак двигала губами, слегка приоткрывая рот, обещая больше... Дразнящий намек языка... Поцелуи — мягкие и влажные, пропитанный ароматом Жаклин. Блейк, жажда большего, склонил голову, позволяя ей проникнуть глубже. Жак плавилась, ее грудь терлась о ткань его рубашки, язык впитывал его вкус, требуя ответа...

Блейк чувствовал невероятное напряжение, сдерживаться становилось все сложнее. Его обуяли фантазии о том, как он затаскивает Жак в каюту, срывает с нее одежду, удерживает ее руки над головой, располагается между ее загорелых ног... И берет ее самыми невообразимыми способами.

И она не скажет «нет», а будет наслаждаться любовью так же, как наслаждается всем остальным. Искренне. Беспрекословно. Со страстью, которую невозможно будет забыть.

Движения ее губ становились все настойчивее, все требовательнее, они все громче зывали к его ответу, пробуждали его чувственность. И Блейк знал, что если не прекратит этот поцелуй, то здесь же сию минуту займется с Жак любовью.

Глава 5

С тихим проклятием Блейк взял Жак за плечи и мягко отстранил ее. Послышались возгласы и приветственные крики «Эй, мисс Ли!»; Блейк взглянул в ту сторону и увидел двух учениц, наблюдавших за ними и восхищенных откровенной сценой.

Жак все еще учащенно дышала, горячий пристальный взгляд был устремлен на Блейка.

— Я напугала тебя, Костюмчик?

Ее нахальный тон возмутил его.

— Нет, — грубо ответил он.

Если бы он был поумнее, то боялся бы. Но не страх был причиной крови, вскипевшей в его венах. Нет, этот жар был вызван мощной потребностью, способной привести его к гибели. Все еще испытывая желание, Блейк сморщил лоб в невинной насмешке.

— Надеюсь, эта маленькая демонстрация не предназначалась для глаз ваших учениц, — произнес он, и Жак прищурилась.

Блейк сжал губы в тонкую линию, борясь с искушением улыбнуться, а затем вновь наброситься на ее сварливый, сочный рот.

Она поцеловала его.

Неделю спустя ее разум все еще был в смятении.

Жак развалилась на шезлонге, желая немного расслабиться. Бирюзовые воды бассейна ласкали ее стопы, рядом журчал водопад. Залив искрился на солнце.

Никки сидела во дворе за столом и читала, пока ее мать готовила сэндвичи и яблочный пирог по новому рецепту, который хотела испробовать после недели, потраченной на кулинарные курсы. Аромат был довольно необычным. Никки предупредила Жак, чтобы та не вздумала рисковать и брать большой кусок; Абигейл, притворившись оскорбленной до глубины души, закатила глаза. Эти две женщины восхищали Жак.

Она должна быть чувствовать себя легко и свободно. Но куда уж там... Она поцеловала Блейка, а он не ответил ей. Он, конечно, не оттолкнул ее, но и не выказал особого энтузиазма. И теперь избегал ее, словно равнодушия было недостаточно, чтобы окончательно унизить ее.

За прошедшую неделю Блейк всего дважды был дома — оба раза появлялся к обеду.

Жак занималась с Никки, которая помогала ей с кампанией по поиску спонсоров для клуба. Они также совершили стремительный набег на магазины и сходили на пляж, где Никки вырядилась в красное бикини, по цвету подходящее к изображению дракона на гипсе. Сегодня Жак возила подругу к врачу; тот осмотрел ее и сказал, что в гипсе ей предстоит провести еще как минимум три недели.

Для Жак же даже один день, проведенный вдали от Блейка, казался настоящей пыткой. И все благодаря жару, полыхавшему в теле со времен «великого» поцелуя. Этот жар никак не хотел гаснуть.

Жак дала себе обещание избегать мужчин до тех пор, пока не встретит правильного — того, кто не станет считать ее чудной, поэтому она должна быть благодарна Блейку, который, в отличие от нее, смог контролировать ситуацию.

Сзади послушался возглас Никки:

— Блейк! Мой давно потерянный большой брат!

Сердце Жак тревожно забилося. Она не хотела оборачиваться и наблюдать, как приближается Блейк. Сейчас даже видеть его было тяжело. Мысль о собственном малодушии показалась ей отвратительной. Жак сложила руки на груди. Она даже не знала, что раздражало ее больше: двойственные чувства, испытанные при появлении Блейка, или же его холодное поведение. Неужели он здесь, чтобы мучить ее? Чтобы напомнить, как она пыталась соблазнить его, а он не поддался? Из всех сил стараясь забыть о присутствии Блейка, Жак поднялась и нырнула в бассейн.

Прохладная вода омыла ее разгоряченное тело, очистила разум. Она поплыла вперед.

Конечно же он пришел не ради нее. Он здесь, чтобы позавтракать с матерью и сестрой, убедиться, что у них все хорошо, ведь он так помешан на ответственности. На обязанностях. На обдуманых, рациональных решениях. И пока воля мистера Самоконтроля сильна, она должна пользоваться этим.

После заплывов мышцы заныли от напряжения, и Жак наконец немного успокоилась. Готова ли она встретиться с Блейком лицом к лицу?

Но Блейк избавил ее от проблемы выбора. В очередной раз взмахнув руками, чтобы рассечь поверхность воды, она подняла голову и увидела его: он пристально смотрел на нее. Пиджак был расстегнут, открывая взору голубую рубашку; в руках он держал полотенце.

— Наслаждаешься водой? — спросил он.

— Наслаждалась, — ответила она, сделав акцент на прошедшем времени.

Жак опустила глаза, положила руки на край бассейна, радуясь приятному теплу плитки. Блейк сел на корточки, и джинсы на его сильных ногах натянулись. Все в этом мужчине было напряжено до предела, даже его страсть.

Раздражение Жак нарастало.

— А ты не боишься испортить свой пиджак?

— Ни капельки. — Он легко пожал плечами. — Это всего лишь пиджак.

— Если ты можешь позволить себе выбрасывать бешеные деньги на одежду, чтобы потом с таким высокомерием рисковать ею, то уж наверное можешь позволить себе и полотенце. — Она кивнула, указывая на его руку с зажатым в ней полотенцем. — Это — мое.

Блейк тоже опустил взгляд:

— Я знаю. Догадался по изображению «Ве дорс». — Он протянул Жак полотенце, приподняв бровь. — Я просто принес его.

Она задрожала: он был так близко, и в его глаза светились странным пониманием. Жак пожалела, что не надела слитный купальник с менее вызывающим вырезом.

— Как мило, — презрительно сказала она. — Но с твоей стороны слишком заносчиво предполагать, что я уже закончила.

Его губы дрогнули, он по-прежнему не сводил с нее пристального взгляда:

— Обед готов.

Видимо, Блейк просто хотел вытащить ее из бассейна. Жак нахмурилась, губы сжались в тонкую полоску, живот скрутило. Она ни за что не предстанет полуголой перед Блейком, одетым в костюм и сидящим за столом.

— Я пока не хочу есть.

— Поверь, — сухо начал он, — обед моей матери никак не связан с голодом. В моем доме — это обязанность.

— Я поняла. — Она принужденно улыбнулась. — Но мне известно, что ты очень важный и занятой человек. С кучей преступников, которых необходимо запереть. Поэтому можете начать без меня.

Блейк склонил голову. Неужели в его глазах сверкнул вызов? Его тон подсказал правильный ответ.

— Но ты ведь не хочешь, чтобы еда остыла? — напряженно поинтересовался он.

«Вряд ли это случится», — подумала Жак. Этот жаркий взгляд не даст еде остыть, даже если наступит очередной ледниковый период. И как Блейк может так пристально ее рассматривать? Словно он безумно хочет ее, но все еще контролирует себя. И уйдет в любой момент.

Черт подери — неделю назад он так и поступил.

— Это «Цезарь», — пролепетала она. — Он и должен быть холодным.

Его губы скривила слабая улыбка, заставив сердце Жак биться сильнее. И почему она столь остро реагирует на улыбки Блейка? Может, потому, что его лицо становится еще более прекрасным, невыносимо прекрасным?

Блейк взглянул на ясное небо с ярко сверкающим, словно бриллиант, солнцем.

— Очень хорошо, — наконец произнес он. — Ты ведь не хочешь, чтобы твой салат нагрелся?

Живот скрутило сильнее, Жак сглотнула:

— Ты ведь не уйдешь, пока я не вылезу, да?

Его серые глаза вспыхнули, казалось, даже ярче солнца.

— Нет, — сказал он, протягивая ей руку. — Не уйду.

Жак крепче ухватилась за край бассейна. Закусив нижнюю губу, она вложила свою ладонь в его руку. Сильный хват взволновал ее, ей хотелось больше прикосновений. Она уперлась ногами в стену бассейна, и Блейк легко вытащил ее.

Жак оказалась почти вплотную к нему, вода струилась по ее телу и стекала на землю. Она чувствовала себя обнаженной. Открытой. Последний раз, когда Жак разделась перед мужчиной, ее тело вызвало у того отвращение.

Она постаралась прогнать неприятные воспоминания.

Глаза Блейка пробежали по ее телу, разжигая пламя желания.

— Хороший купальник, — заметил он.

Жак взяла у него полотенце и обернула им талию:

— Нет необходимости меня проверять. Не хочу мешать.

Блейк усмехнулся, изобразив веселое удивление.

— На прошлой неделе ты была не против моей компании.

— Я ссылаюсь на пятую поправку: ты не имеешь права обвинять меня без судебного разбирательства.

— Думаю, тут лучше сослаться на невменяемость подсудимого.

— Ты меня подразумеваешь? Или себя?

— Обоих. — Он пронзал ее взглядом. — Не важно. А почему ты сегодня так спешишь

избавиться от меня?

Потому что она безумно хочет его, а это смущает.

— Просто переворот в чувствах. — Пальцы Жак дрожали, пока она безуспешно пыталась завязать узел на полотенце. — Я же женщина, поэтому могу менять мнение когда угодно. Поэтому... — она махнула рукой, прогоняя Блейка, словно он был бездомным котом, — можешь возвращаться к работе.

Его губы изогнулись в улыбке.

— Но я голоден. У меня проснулся аппетит, пока я разрабатывал стратегию, благодаря которой тебя не запрут в камере.

Блейк коснулся ее руки — наверное, от ее кожи пошел пар, настолько горячими и возбуждающими были его пальцы.

— Кроме того, есть проблема с твоим переворотом в чувствах.

— Какая?

— Я-то не прочь проводить время с тобой.

* * *

Незадолго до полуночи Блейк все еще был в спортивном зале. Он увеличил скорость на велотренажере, стараясь справиться с волнением и напряжением. Пот струился по его телу. Блейк не хотел думать о том, что сейчас Жак спит в гостевом коттедже.

Он накрутил уже на пять миль больше обычной нормы, но все же не был достаточно изнурен для того, чтобы наконец забыть о прекрасных бедрах Жака; а при воспоминании об обольстительной груди ему становилось еще тяжелее. И ее взгляд, в котором вспыхнул огонь желания в ответ на его возбуждение, не давал покоя.

Сжав губы, Блейк продолжил крутить педали, не обращая внимания на ноющие от напряжения мышцы. Он сам виноват — сегодня он специально искал Жака. Бешеный темп жизни утомил его; навалившаяся на его плечи ответственность тянула к земле, душила.

Привычка работать без передышки и постоянно удерживать Никки от неприятностей — а также устранять проблемы, когда она все же наламывала дров, — иссушила Блейка, лишила надежды на отдых. А Жак оказалась самой восхитительной, самой сладостной проблемой, которую Никки когда-либо создавала. Сегодня он появился на ланче, потому что почувствовал необходимость в небольшой дозе легкомыслия, свежести и радости, источником которых была Жак. Даже в те моменты, когда становилась настоящей занозой.

Но все оказалось не так-то просто: ее присутствие напоминало Блейку о том, как она ласкала его взглядом и целовала, вызывало эротические фантазии. Он не мог избавиться от этих видений, хоть они и угрожали его здравомыслию.

Погруженный в волнующие мысли, Блейк слез с тренажера, пересек холл и зашел в темную спальню. Может, холодный душ поможет ему успокоиться. Взглянув в окно, он увидел, что гостевом коттедже все еще горит свет. Жак не спала.

Блейк с силой прижал ладонь к стеклу. Его кровь вскипела. Он больше не мог отрицать свою потребность в Жак — секс с ней был неизбежен.

Блейк нахмурился. Он займется с ней любовью, но только после того, как разберется с делом Менендеса. Сейчас Блейк не мог позволить себе отвлекаться. Слишком многое было поставлено на карту.

По его спине бежали капли пота, охлажденные воздухом из кондиционера, но пожар страсти к Жак не угасал. И даже пять минут ожидания казались невыносимой пыткой.

В окне коттеджа мелькнула тень, сердце Блейка забилось чаще. Даже тень ее фигуры заставляла его тело напрягаться от желания, жаждать удовлетворения, молить об освобождении.

Сдавшись, он закрыл глаза, а его рука потянулась к паху. Представив сладострастный взгляд Жак, ее нахальные губы, он отдался волнам удовольствия.

Была полночь. Жак наконец перевела дыхание и опустилась на диван с чашкой горячего чая в руках. Коттедж был роскошным: тут была просторная гостиная, кухня, спальня и красивая ванная, отделанная мрамором. Жак пыталась решить проблему с клубом, вышагивая по комнате, но так и смогла сосредоточиться. Мысли о Блейке не давали покоя.

Несмотря на его слова, он, казалось, вовсе не жаждал проводить время в ее обществе. Жак вздохнула и откинула голову. Во время ланча речь зашла о завтрашнем судебном разбирательстве. Не очень-то приятная тема. Затем Блейк вернулся к работе и во время обеда к ним не присоединился.

Вечером Жак немного посмотрела телевизор. В одиннадцатичасовых новостях рассказывали о деле Менендеса; показали отрывки из интервью с прокурором — это был Блейк Беннингтон. При виде хладнокровного, сдержанного Блейка Жак разволновалась. Одетый в дорогой костюм, он четко, уверенно и красноречиво отвечал на вопросы репортера. Если бы он так же выступил в защиту Жак в зале суда, то ее проблемы с законом легко решились бы.

И тогда она вернулась бы к своей прежней жизни. Если, конечно, ей удастся достать денег и возродить музыкальную терапию.

Жак нахмурилась. Ее первая попытка — флешмоб — сначала казалась удачной, но интерес публики к проблемам клуба быстро угас. Она задалась вопросом, была ли ее неспособность придумать лучший план связана с тем, что голову забивали мысли о Блейке. Еще один эротический сон об этом мужчине — и она навсегда поселится в своих фантазиях.

Обеспокоенная и расстроенная, Жак посмотрела в окно — сквозь колышущиеся листья пальм пробивался слабый свет из спальни Блейка. Очевидно, мистер Трудоголик наконец вернулся домой.

Потягивая чай, Жак размышляла над тем, чем он сейчас занят. Снова работает? Готовится ко сну? В боксерах он или в брифах?

Она допила чай и со вздохом поставила чашку на столик.

«Хватит, Жак. Его нижнее белье тебя не касается. А вот финансирование клуба — даже очень», — подумала она.

Жак пересекла гостиную и взяла гитару. Музыка всегда успокаивала ее, помогала думать. Она немного поиграет, расслабится и сообразит, как достать денег. Ей нужно только забыть о мужчине, от которого зависело ее будущее. Музыка и тихий шелест волн — вот все, что нужно.

Жак вышла на террасу. Перед ней раскинулся залив, а за ним — город. Освещение исходило только от луны и от далеких огней Майами. Жак была рада, что дом Блейка ей больше не виден. Она села, скрестила ноги и поудобнее перехватила гитару, как вдруг ее охватила нерешительность. Жак начинала то одну, то другую песню: для рок-н-ролла не хватало задора, для блюза — тоски. Никакая мелодия не могла отразить ее настроение. Сжав губы, Жак собралась сыграть старую американскую песню, ее прервали.

— А ты поздно. — При звуках голоса Блейка она разволновалась.

«Ты — боец, Жак. Крепись!» — закрыв глаза, приказала она себе.

— Сказал человек, который возвращается с работы в полночь, — произнесла она, не глядя на Блейка, и тут же почувствовала укол вины. — Когда я просила тебя о помощи, я понятия не имела, что ты ведешь дело Менендеса.

Блейк наконец предстал перед ней, очертания его фигуры окаймлял мягкий лунный свет. Единственным напоминанием о времени суток было отсутствие галстука и пиджака. Невероятно. Полночь... Луна... И этот мужчина — все еще в брюках и строгой рубашке.

— Процесс показали по новостям, — сказала Жак. — Неудивительно, что тебя никогда нет дома. — Она понадеялась, что ее слова не походили на хныканье ребенка.

— Потребовалось много труда, чтобы достичь хотя бы этой малости, — беззаботно произнес Блейк. — Раньше нам никак не удавалось прижать Менендеса.

Жак испытующе на него посмотрела. Беззаботный тон ее не обманул: сколько бы Блейк ни притворялся, она знала — он во что бы то ни стало посадит этого типа. Даже через экран телевизора он умудрялся излучать непоколебимую решимость, в реальности она казалась еще более стойкой. Возможно, его долгое отсутствие было связано не с желанием избежать Жак, а с его собственными заскоками.

Ей вдруг стало интересно, почему Блейк так мучает себя. Почему столько времени посвящает работе? Находится далеко от дома, от семьи? От нее...

Жак обуревало любопытство.

— Это и есть то важное дело, над которым ты работаешь?

— Самое важное, — кивнул он.

— Потому что оно у всех на устах?

— Да. Это шанс получить повышение.

Жак замолчала, обдумывая его слова.

— Но ты же посвящаешь работе всего себя не только ради карьерного роста?

Его хмурое лицо и напряженность подсказали ей, что он бредит этим делом не только из-за

возможного повышения.

— Почему это так важно? — допытывалась Жак.

Прежде чем Блейк ответил, миновало несколько минут, словно за это время он решил, скольким можно поделиться с Жак. Интуитивно она знала, что ответ будет стоит затраченных усилий.

— Десять лет назад мой отец погиб в автокатастрофе, — наконец произнес он. — Водитель, который врезался в его машину, был под кокаином, который достал у одного из дилеров, такого же, какие работают на Менендеса.

Жак изумленно замерла. Никки как-то упоминала автокатастрофу, но не говорила о ее причинах. Потерять родного человека таким образом было величайшей несправедливостью — Жак понимала это, как никто другой.

Если Блейк и испытывал какие-то эмоции по этому поводу, то никак их не проявлял.

— Так что любое дело, которое приводит к крушению подобной организации, воспринимается мной как безусловная победа, — заключил он.

— Мне очень жаль, — сказала Жак, зная, что ее слова бесполезны.

Блейк пожал плечами, всем своим видом показывая, что ему не нужно сочувствие.

— Это случилось очень давно, — произнес он. — Никки было двенадцать.

Всего двенадцать! Подросток.

Лунный свет окутывал причал. Жак взглянула на лодку, покачивавшуюся на воде залива, овеваемую теплым ночным бризом, подрагивавшую от легких толчков волн. За все время, что она провела здесь, она ни разу не видела, как Блейк плавает на этой лодке; он лишь поддерживал ее в надлежащем виде.

Смерть отца объясняла его невероятную преданность работе и сложности в отношениях с семьей. Блейк играл сразу две роли — брата и отца. И тут его чрезмерно развитое чувство ответственности обретало смысл, как и преданность логике, которая довлела над потребностями, над страстями. Всегда.

Любопытство Жак десятикратно возросло. Ей было безумно интересно, думал ли Блейк когда-нибудь о себе.

— А скажи-ка мне, Костюмчик, — она кивнула в сторону лодки, — каждое воскресенье ты полируешь свое судно, но когда ты в последний раз плавал на нем?

Блейк молчал, и Жак поняла, что вопрос задел его за живое.

Глава 6

Блейк нахмурился и взглянул на Жак, которая, скрестив босые ноги, утопала в шезлонге и испытывающе смотрела на него. В руках у нее была гитара. Все усилия избежать с ней встречи оказались бесплодными. А он так старался...

Услышав звуки музыки, Блейк вышел подышать свежим воздухом, убеждая себя, что просто чуть-чуть поболтает с Жак. Он улыбнулся, заметив фото «Роллинг Стоунз» на ее майке. Блейк больше не мог притворяться. Ее распущенные волосы буйными прядями ниспадали на плечи. Соблазнительные ноги едва скрывались за трикотажными шортами. Наряд очень напоминал пижаму.

Блейк почувствовал себя загнанным зверем. Он изо всех сил пытался сосредоточиться на разговоре.

— Я не плавал на ней по ночам, с тех пор как погиб мой отец.

Жак тут же нахмурилась:

— Боже, Блейк...

Она подалась вперед, серьезно глядя на него, и он был поражен: Жак впервые назвала его по имени.

— Твоя семья права. Ты должен иногда расслабляться.

Блейк насупился и хотел возразить, но она не дала ему и слова вставить.

— Сегодня я видела тебя по телику. Ты великолепно сыграл свою роль. — Жак недоверчиво покачала головой. — Но неужели ты больше ничего не хочешь от жизни?

Он не ответил, но слова рвались наружу.

Жак встала:

— Слушай, я знаю, каково это — терять близкого человека.

В ее глазах Блейк увидел сочувствие и понимание, и сердце его забилось чаще.

Она действительно пережила много потерь. Но не только боль потери угнетала Блейка. Не давали покоя бесплодные попытки выполнить обязательства и сдержать обещания, данные отцу. Изо дня в день Блейк старался следовать по стопам отца, несмотря на то что идти становилось все тяжелее. Один-единственный раз он хотел забыть о долге и прислушаться к зову сердца... Заняться любовью с Жак.

Жажду нельзя было утолить.

— Но ты не можешь позволить этой беде разрушить твою жизнь, — продолжала она, ее взгляд горел искренностью. — Ты можешь добиться большего.

Блейк слабо улыбнулся, услышав, как Жак его песочит, и ему вдруг захотелось дотронуться до нее... Он спрятал руки в карманы.

Жак, наверное, прочла его мысли, потому что в какой-то момент их общение стало чем-то большим, нежели просто болтовня об отношении к жизни. Оно наполнилось предчувствием их прерванного поцелуя. Блейк напрягся.

— Твои волосы немного влажны, — мягко произнесла она.

«Черт возьми, Жак, не смотри на меня так», — молил он.

— Я бегал... вернулся домой и хотел принять душ... — Его голос был хриплым.

— И все же не смог даже шорты надеть?

— Эти были ближе, — ответил он, стараясь скрыть напряжение.

Когда Блейк услышал звуки гитары, он схватил первое, что подвернулось под руку.

— Ну, ты же не в зале суда, Костюмчик, — заметила Жак, приблизившись, чтобы коснуться воротника его рубашки. Сердце Блейка забило чаще. — Если у тебя нет времени на суденышко, то хотя бы расстегни побольше пуговиц.

Нестерпимое желание охватило Блейка, желание, которое не угасало с тех пор, как он встретил Жак, оно проникало в каждую клеточку тела, распяляло и сжигало.

Теплый морской бриз принес аромат клубники. Он хотел ее; хотел женщину, которая покорила жизнь. Он хотел женщину, которая готова была даровать ему распяляющий поцелуй; ему — мужчине, уже полгода не кусавшему женщины. Жак...

Он хотел Жак. И у него не было сил ждать.

Решение созрело, руки Блейка были все еще в карманах. В голове стоял гул, заглушавший любые сомнения.

— Почему бы тебе не снять с меня рубашку? — грубо спросил он.

Лунный луч озарил ее глаза, в которых сияло желание. По телу Блейка пробежала дрожь. Подул прохладный ветерок и принес неожиданное облегчение. Жак все еще теребила шелк рубашки и смотрела на Блейка так, что он плавился. Оба вспомнили поцелуй, который теперь казался незаконченным, оборванным. Отношения между ними походили на этот поцелуй. Искра, пробежавшая в тот момент, когда Жак села в лимузин... Жак, взгромоздившаяся на его стол, заставлявшая его сгорать от страсти... Жак, касавшаяся его губ...

И потребность Блейка становилась сильнее. Он приложил много усилий, чтобы избежать соблазна, но все же боялся легкого прикосновения, способного высвободить дикую энергию, бушевавшую внутри его.

Жак посмотрела на Блейка с осуждением:

— А что, поцелуи теперь дозволены? Ты должен решиться и быть последовательным, иначе я не могу следовать всем твоим правилам.

Сердце бешено стучало, Блейк посмотрел на Жак, борясь с желанием заключить ее в объятия. Локти изо всех сил прижаты к бокам, руки прячутся в карманах.

— С каких пор тебя заботят правила? — спросил он.

— Меня и не заботят. — Ее пальцы замерли на верхней пуговице. — Просто пытаюсь придерживаться твоего дурацкого списка. — Она внимательно посмотрела на него. — Так что у тебя на уме?

Взгляд Блейка был полон жара. Он хотел ее с того момента, как его пальцы обвилились вокруг запястья Жак там, в лимузине.

— Я никогда не сплю с женщинами, с которыми связан по долгу профессии. И прежде чем завязать какие-либо отношения, я тщательно обдумываю все за и против. Я учитываю, соответствуем ли мы друг другу.

Блейк не мог впустить в свою жизнь еще одну женщину, способную втянуть его в серьезные неприятности. Ему нужен был кто-то разумный, рассудительный.

— Обычно период «узнавания» занимает месяца три. И... — Он замолчал на мгновение и значительно посмотрел на Жак, желая донести до нее важность своего суждения. — Мне не нужна одноразовая ночевка.

Разочарование, отразившееся на ее лице, почти расстроило Блейка. Очевидно, Жак решила, что он вновь отталкивает ее.

— Впечатляющий список, заметила она. — И включает как раз те качества, которых у меня нет. Так зачем ты говоришь мне все это?

— Я хочу, чтобы ты поняла это до того, как потрачу время на нарушение собственных правил.

Их взгляды встретились, пальцы Жак застыли.

— Когда ты это решил?

— Пятнадцать минут назад.

— Так давно, а? Логическое мышление не дается мне так же легко, как тебе, — сказала она и расстегнула следующую пуговицу.

Блейк сжал ее бедра.

— Я считаю это согласием, — грубо ответил он.

— Было бы мило с твоей стороны не считать так.

Пальцы Блейка впились в нежную кожу Жак, он заставил ее отступить и прижал к деревянной двери коттеджа. Он едва удержался от стоны.

«Скоро», — мелькнула мысль.

Желание разгоралось, но будь он проклят, если потеряет контроль прямо сейчас. Он все сделает правильно.

— Есть кое-что, что я хотела сделать с тобой еще тогда, в лимузине, — произнесла Жак.

Блейк ждал, заранее готовый на все, что бы она ни предложила.

— Вперед, делай что хочешь, мисс Ли, — пробормотал Блейк, поглаживая ее бедра.

Жак вопросительно выгнула бровь:

— Все, что хочу?

Блейк задрожал от возбуждения:

— Да, все, что хочешь.

Хитрая усмешка появилась на ее лице. Жак подняла руки, запустила пальцы в его волосы и нежно взъерошила густые пряди. Она удовлетворенно вздохнула:

— Да... этого стоило подождать.

— Все это время... ты хотела испортить мне прическу? — недоверчиво спросил Блейк.

— Взъерошенный вид очень подходит к твоей полуночной скорби, — пояснила она, и ее мягкие ладони погладили щетинистую щеку Блейка.

Ее руки упали, и он поинтересовался:

— И это все?

Вспышка смущения и обиды мелькнула в ее глазах, и Блейк почувствовал себя последней сволочью.

Жак тут же упрямо вскинула голову.

— Не хочу быть виноватой в том, что ты ни с того ни с сего потерял контроль, — заметила она.

Ее руки достигли пуговиц на животе, легко прошлись по горячей коже, вызвав дрожь в теле Блейка.

Он надеялся, что его пальцы, впившиеся в бедра Жак, не причинили ей боли. Он вдохнул соблазнительный аромат, побуждая ее действовать быстрее, напоминая и о манжетах.

— Жак...

— Не мешай, — бросила она, пытаясь справиться с нижними пуговицами.

Блейк смотрел на ее лицо, и сердце его учащенно билось. Ее движения не были соблазнительными, скорее неловкими. Он видел, насколько она была напряжена.

Нахальная, смелая Жаклин Ли нервничала, и это осознание поразило Блейка.

Она закусила нижнюю губу и потянула рубашку вниз. Рукава застряли на запястьях, вызвав у Жак разочарованный вздох. Этот тихий звук в паре с неподдельным расстройством, отразившимся на ее лице, был покоряющим, и Блейк, не выдержав, рассмеялся:

— Я пытался предупредить.

Жак в смятении рванула ткань, как будто это проявление силы могло исправить ее неловкость. Типичная реакция Жак на помеху.

— Видимо, тебе требуется больше практики в раздевании мужчин, — непринужденно заметил Блейк.

Сейчас его руки были прижаты к задней стороне бедер, словно на него надели наручники. Из его уст вырвался еще один смешок.

— Я слышал, для этого существует специальное оборудование, — промурлыкал он. — И кстати,

все эски должны быть знакомы с ним.

Замерев, Жак произнесла:

— Ты меня дразнишь?

— Конечно нет, — улыбнулся Блейк.

— А я думаю, да.

— Ты освободишь меня?

Она посмотрела на него: в ее глазах вспыхнули озорные искорки.

— Сначала я не собиралась делать ничего подобного, но потом ты высмеял меня. И теперь... мне это нравится. — Она положила ладони на его оголенную грудь. — И мне очень хочется отплатить тебе.

Жак взъерошила волосы на его груди, затем потерла кожу, зажигая огонь в теле Блейка.

— Какие мускулы, — произнесла она. Ее руки опустились ниже. — Плоский живот... — Она подняла взгляд. — Кажется, спортзал пошел тебе на пользу.

Жак поцеловала его ключицу. Взрывная волна в паху исторгла из его губ шипение. Потребность почти сокрушила терпение, и Блейк прижался к мягкому животу Жак, постанывая, почти вдавливая ее в стену и с наслаждением вдыхая сладкий запах клубники.

— Ты потрясающе пахнешь, — прошептал он.

Закрыв глаза, Блейк погрузился в ощущение ее губ на своей коже, губ, которые теперь двигались к середине грудной клетки.

— А ты на вкус как теплое соленое масло, — ответила она.

Блейк дернул руками, заключенными в манжетах.

— Жак... прохрипел он в нетерпении.

Она не обратила на его стон внимания, продолжая скользить пальцами по бицепсам.

Томность и всепоглощающее наслаждение во взгляде Жак усугубили жажду Блейка.

— Тебя так приятно ласкать... — прошептала она, затем продолжила пытку.

Когда Жак дошла до живота, Блейк всерьез испугался, что не сможет больше себя контролировать. Теперь его голос стал сиплым.

— Жак... — произнес он, инстинктивно двигая бедрами. — Я хочу коснуться тебя.

Он видел ее покрасневшие щеки и затуманенный взгляд. В то же мгновение Жак потянула пряжку и расстегнула ремень. Затем вновь прижалась губами к его груди.

— Через минуту, — промурлыкала она прямо у его кожи. — Я еще не закончила.

Она быстро расправилась с пуговицей на брюках и расстегнула ширинку. Пальчики легко

скользнули по его напряженному члену.

Блейка пронзила сладостная боль.

— Черт подери, Жак... — хрипло простонал он, его скованные руки напряглись, когда по телу пробежал электрический разряд. — Помоги мне снять эту рубашку...

Ни одна женщина еще не могла заставить его торопиться. Жак стала исключением. Все сводило его с ума. Ее непослушные волосы, изящное покачивание бедер, изменчивый аромат, осязаемая привлекательность. И сейчас, если бы руки Блейка были свободны, он мог бы дотронуться до женщины, в которой нуждался больше, чем ему следовало.

— Жак, пожалуйста... — грубо произнес он.

Блейка охватило неистовство, когда она вновь проигнорировала его мольбу. Теперь она ласкала его языком. Ее нежное дыхание терзало разгоряченную кожу. Она быстро спустила с Блейка штаны.

Пот выступил на висках, сердце бешено колотилось, зубы были сжаты. Терпение подходило к концу. Пальцы Жак нежно окружили его член, в то время как губы ласкали сосок. Сила двойного удовольствия стала последней каплей.

С тихим рычанием, напрягшись изо всех сил, Блейк рванул рукава, ткань затрещала, пуговицы разлетелись в разные стороны. Наконец он был свободен.

Выругавшись, Блейк приподнял правую ногу Жак и разорвал ее шорты. С глухим стоном и яростным толчком, означавшим крах его самоконтроля, он погрузился в нее.

— Блейк! — вскрикнула она, впиваясь в его плечи.

Сердце готово было выскочить из груди. Он пытался вновь обрести рассудок. Ее лоно было невероятно узким и горячим. И влажным. Но Блейк должен был остановиться. Должен был вздохнуть.

Подумать о...

— Блейк... — прошептала Жак, мягко подавая бедра вперед, словно нуждалась в большем.

Он снова и снова входил в нее. Его дыхание сбилось, тело дрожало, он закрыл глаза, изо всех сил пытаясь вернуть самообладание. Но с каждым толчком удовольствие нарастало, он почти достиг вершины. Невероятное напряжение, утоляющее жажду давление стали блаженной мукой.

— Жак... — Его стон был громким, огонек разума еще теплился. — Нужен презерватив, — выдавил он. — Надо добраться до спальни.

Но Жак продолжала вращать бедрами, ее тихий страстный крик наполнял Блейка удовлетворением. Несмотря на все попытки, страсть победила. Он поднял ее ногу выше, немного отклонился и излился.

Резкий болезненный вздох сорвался с губ Жак, и Блейк наконец открыл глаза. Зажмурившись, она все еще цеплялась за его плечи.

— Не двигайся.

Выражение ее лица и боль, звучащая в голосе, наконец проникли в затуманенное сознание Блейка, и он вдруг прозрел. Он взглянул вниз, на их переплетенные тела: очевидное доказательство заставило его заледенеть. Жаклин Ли не просто носила тату «Как девственница». Она и была девственницей — до того момента, пока Блейк не сошел с ума.

— Черт подери, Жак, прости меня, — хрипло произнес он, отстраняясь от нее.

Жак вновь стояла на дрожащих ногах, ее тело трепетало от пережитых наслаждения и боли. Его руки все еще поддерживали ее, но неожиданно потерянная близость сбивала с толку, и Жак остановила потрясенный взгляд на лице Блейка.

Он был расстроен.

— Почему ты не сказала? — ошеломленно спросил он.

— Я думала, что сказала.

Блейк взъерошил волосы.

— Увидев твое тату, я подумал, что ты чувствуешь себя девственницей, но никак не являешься ею.

Его обезумевший взгляд был так похож на взгляд Джека, которым он одарил Жак, когда впервые попытался заняться с ней любовью. И если Блейк был так опечален ее невинностью, что же он скажет, когда узнает всю правду о прошлом?..

Жак сглотнула:

— Извинишь меня на секундочку?

И она, приняв как можно более достойный вид, вошла в дом, пересекла прихожую и, не останавливаясь, устремилась в ванную. Жак заперла дверь, ее сердце бешено билось.

Очевидно, Блейк решил, что она сумасшедшая.

Стараясь успокоиться, Жак трясущимися руками сняла шорты и футболку и включила горячую воду в душе. Она встала под струю воды, желая забыть потерянный взгляд Блейка. Она прислонилась к стене, позволяя теплу разлиться по телу и смыть все тревоги.

Вскоре Жак вышла из душа и потянулась за полотенцем; тут она увидела свое отражение в зеркале и машинально коснулась шрама на животе. Она изо всех сил боролась с тошнотой.

Сегодня Блейк ничего не заметил. Но нельзя же заниматься любовью с человеком и быть при этом одетой. В этот раз просто повезло. Потом ей придется объяснять, почему она отказывается снять футболку.

Жак закрыла глаза, пытаясь успокоиться, но шум, донесшийся из-за двери, не дал ей такой возможности.

— Жак, — позвал Блейк. — Все нормально? Черт подери... — громче произнес он. В его голосе звучала тревога. — Открой.

Тяжело дыша, она наспех нацепила футболку, удостоверившись, что грудь прикрыта. Ткань тут же прилипла к влажной коже. Затем дотянулась до полотенца и обмотала его вокруг талии.

Жак распахнула дверь и, высоко задрав подбородок, холодно встретила грозный взгляд Блейка. Он посмотрел на нее, выругался и принялся мерить шагами прихожую.

Странное зрелище взволнованного Блейка принесло неожиданное облегчение. Кто-то же должен был сохранять спокойствие в данной ситуации, а он — всегда такой сдержанный — в этот раз, кажется, был не в состоянии.

Жак оказалась права: Блейк носил брифы. Эластичная Ткань облегла соблазнительный, крепкий зад. Она вздрогнула, вспомнив об их недавнем занятии, и, когда Блейк приблизился к ней, с трудом подняла взгляд на его лицо. Сейчас последует серьезный разговор, и она не должна тарачиться на него, как глупая школьница.

«Не смотри вниз, Жак, — пронеслось в голове. — Не смотри вниз».

Блейк провел рукой по волосам и, резко остановившись, внимательно оглядел Жак с ног до головы, словно проверяя, нет ли ранений. Все было в порядке, слава богу, а с неловкостью они попозже разберутся.

— Я в порядке, — уверенно ответила Жак. — Я не должна была вот так уходить. Наверное, ты прекрасно обошелся бы и без мелодрамы. Извини.

Она открыла дверь шире и прислонилась к косяку. Ни один мужчина не заслужил выслушивать ее истерики.

— Ты достоин лучшего.

— Ты о чем? — Он махнул рукой в сторону спальни. — Господи, я должен был любить тебя в постели, а не...

— Мне понравилось.

Было темно, и на ней была одежда — это самое главное.

Блейк проигнорировал замечание Жак:

— Если кто-то и достоин лучшего, то это ты.

Жак скрестила руки на груди:

— Я получила то, что хотела. Почему мы остановились, когда началось все самое интересное? — Она разочарованно вздохнула. — Я отлично развлекалась, пока ты вдруг не психанул, озаботившись моим здоровьем.

Блейк пораженно уставился на нее:

— Развлекалась? Ты содрогалась от боли.

Он скрестил руки на широкой груди, и Жак попыталась скрыть восхищение.

— Я не психанул, — четко произнес он.

— Ну, а я не содрогалась от боли, — парировала она.

Блейк красноречиво посмотрел на Жак, показав, что раскусил ее ложь.

— Хорошо, признаю, было немного больно, — сдалась она, сделав шаг вперед. — Но все равно было классно.

Повисло тяжелое молчание. Жак знала, что Блейк все еще хочет ее, она видела желание в его глазах.

Но этот чрезмерно ответственный человек не мог избавиться от чувства вины.

— И могло быть еще лучше, если бы я знал, что ты не шутила насчет невинности, — сказал Блейк. — Я был бы помягче, — тише произнес он. — И выбрал бы позицию, в которой тебе было бы легче.

Жак слабо улыbnулась:

— Мне понравилась наша позиция.

Она заметила, как его взгляд стал еще жарче.

— Для тебя это было слишком, — осторожно сказал он.

Ее сердце громко стучало.

— Почему ты не даешь мне судить об этом?

— Так... чего ты хочешь? — не выдержал Блейк.

Жак смотрела на его мускулистую грудь, покрытую черными завитушками волос, смуглую кожу, приятную на ощупь и вкус, и понимала: что бы ни произошло с ней в будущем, она всегда будет смаковать воспоминание о Блейке, потерявшем самообладание и так неистово занимавшемся с ней любовью.

— Я хочу закончить то, что мы начали.

Пламя в его глазах вспыхнуло с новой силой, у Жак перехватило дыхание.

— Хорошо, — грубо произнес он. — Но в этот раз мы сделаем это на кровати. И ты сверху.

— Ну прям мечта любой женщины, — пробормотала она. — Но я вроде как надеялась, что смогу расслабиться и насладиться... ездой.

Блейк проигнорировал ее неудачную шутку, хотя, возможно, она и не шутила. Его стальной взгляд говорил, что в этот раз Жак будет делать все, как он скажет.

— Ты сверху, — повторил он. — Так ты сможешь контролировать процесс. Тебе будет комфортнее.

Жак прикусила губу, признавая его правоту. Затем лицо Блейка смягчилось, когда он понял, что именно ее тревожит.

— Я могу вести и в этой позиции.

— Отлично, — ответила она, недолго поколебавшись. — Считаю, я в игре.

Блейк подлетел к Жак и взялся за край футболки. Она машинально прижала ткань к груди, пытаясь помешать ему раздеть ее.

— Футболка останется, — сказала она.

Последовала долгая пауза. Блейк смотрел на Жак вопросительно. Она откроет ему правду позже, а сейчас она не собиралась рисковать и портить эту ночь объяснением. Еще одно признание окончательно добьет момент. Если она не получит от Блейка все, что нужно, то просто умрет от передозировки желания.

— Футболка остается, — решительно повторила она.

Глаза Блейка потемнели. Он провел пальцем по линии ее груди. Мокрая ткань все еще облепливала кожу. Сердце Жак бешено билось.

— Мне по нраву влажные футболки, — промурлыкал он, затем на лице отразилась тревога. — Но надо достать презерватив из кармана брюк.

— У меня есть парочка в тумбочке. — Блейк удивленно на нее посмотрел, и Жак добавила: — Я надеялась, что ты нарушишь свое правило насчет поцелуев.

Его глаза вспыхнули.

— Ох... — Он сорвал полотенце с талии Жак, и оно упало на пол. — Это лишь одно из многих правил, которые я с наслаждением нарушу.

Дрожь вернулась. Блейк переплел свои пальцы с ее и повел Жак через холл в спальню. Он скинул трусы и растянулся на кровати, лунный свет ласкал его тело.

Она наверняка умерла и попала на небеса. Удерживая взгляд Блейка, Жак оседлала его.

— Осторожнее, Костюмчик. — Она провела руками по его мощному торсу, наслаждаясь ощущением твердости и гладкости. — Сначала поцелуй... А потом, глядишь... и ты уже проезжаешь ночью на красный, когда никто не видит.

Но именно несгибаемая воля и стремление к ответственности делали Блейка таким великолепным, желанным. Она знала, что он всецело предан порядку.

Жак наклонилась, чтобы поцеловать его. Его губы настойчиво ласкали ее рот, хоть он и позволил ей задать темп. Блейк едва сдерживался. Он сгорал от страсти. На вкус он был как желание. Как жажда. Чувственная смесь жара и твердости.

Его руки обхватили ее груди. Блейк принялся пальцами ласкать соски, выступавшие сквозь ткань. Он старался возбудить Жак, и она стонала, уже влажная и готовая. И возбуждение росло от невероятного удовольствия.

— Ты не выглядишь смущенной, — прошептал он.

— А я и не смущена, — ответила она.

Блейк сжал ее соски чуть сильнее, заставив Жак стонать громче. Его глаза потемнели от

страсти.

— Но ты же возмущена моими прикосновениями к твоей непорочной груди?

— Да, конечно, — выдохнула она.

Его руки продолжали гладить ее. Кожа Жак была влажной и горячей. Улыбнувшись, Блейк приподнял голову и взял ее сосок в рот. Резкое удовольствие пронзило тело, и Жак выгнулась, крича от наслаждения.

Блейк посасывал ее грудь прямо через ткань до тех пор, пока она в отчаянии не потянулась за презервативом.

Он скрестил руки за головой:

— Это мой первый раз с новичком.

Его самодовольный, почти собственнический взгляд, дразнящий огонек в глазах, возбуждающая ласка прогнали все сомнения. Жак прижала запястья Блейка к кровати, почувствовав свою силу.

— Хватит болтать. — Она опустилась на его твердый член, и он удовлетворенно застонал. Тело Жак приветствовало его возвращение.

Она двигала бедрами, приспособиваясь к нему, требуя большего, и стоны Блейка лишь усиливали наслаждение. Побуждали ее продолжать. Жак поднималась и опускалась, заставляя собственное тело вбирать его глубже.

— Жак... — прохрипел Блейк, и она накрыла его губы своими.

Упиваясь его грубым поцелуем, вкусом и твердой длинной внутри нее, Жак сильнее прижала его руки к кровати и стала двигаться быстрее. Удовольствие сводило с ума. Жак в неистовстве вращала бедрами, полностью отдавшись жажде, с благодарностью принимая боль, разливавшуюся внутри, которой так долго не знала.

И которую стоило подождать.

— Жак... — простонал Блейк. — Отпусти мои руки...

В ответ она лишь увеличила скорость движения.

— Не сейчас... — прошептала она, осторожно покусывая его губу.

Бедра были напряжены, и его горящий взгляд говорил, что Блейк не сдастся без боя. Он упорно старался держать собственное тело под контролем. Жак радовалась, что смогла подвести его так близко краю. Она радовалась, что он позволил ей вести, провоцируя ее брать все, не оглядываясь на последствия.

И она так и делала. Жажда усиливалась. Жак погружала колени в мягкую постель, стараясь вобрать его длину, утолить эту невыносимую боль.

Лицо покраснелось от зноя, шея стала влажной. Жак пришла в отчаяние, ее движения — теперь резкие — стали почти неловкими.

— Жак... — вновь хрипло простонал он. — Отпусти руки...

Слишком уставшая от поддразниваний, она повиновалась. Блейк немедленно выдернул руку и поддержал спину Жак, помогая ей справиться с сильными толчками. Второй рукой он удерживал ее бедра. Наслаждение готово было пронзить каждую клеточку тела Жак, подталкивая ее в краю, к забвению. Она затрепетала и изогнулась. Возможно, даже стала молить о чем-то... До тех пор, пока Блейк наконец не сделал решающего толчка. Глаза Жак широко распахнулись, ногти впились в его плечи. Волны оргазма настигли ее, поглотив полностью. Затем она рухнула ему на грудь.

Блейк крепко обхватил талию Жак, прижался лицом к ее шее, продолжая жестко двигать бедрами. Вскоре он грубо выкрикнул ее имя и кончил.

Глава 7

Сердце бешено билось, тело было влажным от пота. Блейк крепко прижал к себе Жак. Ее груди, обтянутые тканью футболки, терлись о кожу, он тяжело дышал. Блейк закрыл глаза, постепенно расслабляя каждый мускул. Сильное напряжение после взрывного удовольствия уходило.

— И как тебе первый раз с новичком? — пробормотала Жак.

— Такого я не ожидал, — ответил Блейк с ухмылкой.

Жак была единственной, особенной. В ней удивительным образом сочетались самые разные качества. Она была сексуальной, умной, ее находчивость граничила с нахальством, а дерзкая самоуверенность и уличные замашки уживались с невинностью.

Ее руки лежали на плечах Блейка; она лишь приподняла голову, желая заглянуть ему в глаза.

— Это хорошо? — спросила она. — Или плохо?

Блейк вздрогнул, заметив ее неуверенность.

— Ты потрясающая, — ответил он и попытался побороть внезапно пробудившийся инстинкт собственника. — Но у меня есть вопрос.

— Какой?

Блейк поднес руку Жак к губам и поцеловал татуировку на запястье:

— Что ты теперь будешь с этим делать? Изменишь ноты?

Она удивленно посмотрела на него:

— Возможно, просто перечеркну все это.

Блейк рассмеялся, в очередной раз очарованный женщиной, которая не пасовала перед препятствиями и вкладывала душу во все, что делала, не страшась последствий.

Он озабоченно нахмурился:

— Не забудь, завтра у нас первое слушание в суде.

— Я помню, — ответила Жак с горестным вздохом. — Но ты обещал мне ночевку, Костюмчик. — Она обвила руками его шею. — А это значит, что ты мой до рассвета.

Блейка снова охватило желание, и он перекатился, подмяв Жак под себя. Ее дыхание было мягким, голос стал ниже, когда она подвигала бедрами, устраиваясь поудобнее.

— А невинным уступки не полагается?

— Если так проявляется твоя невинность... — он прижался к ее шее, вдыхая аромат клубничного шампуня, — то что же будет, когда ты расхрабришься?

То, что последовало за этим, лишь подтвердило очевидное: Блейк нажил-таки себе неприятностей.

Настал следующий день. Жак пыталась поудобнее устроиться на жесткой деревянной скамье в коридоре здания суда.

Сегодня утром она проснулась с восходом солнца. Она была одна. На ней по-прежнему была футболка, а простыня прикрывала ее голые ноги. Рядом лежала записка с напоминанием о слушании.

Жак вздохнула, расправив черно-белое хлопковое платье. Страх сковал ее настолько, что вряд ли сегодня она поведет себя легкомысленно. Конечно, первое утро после замечательного секса вряд ли стоило проводить в храме Фемиды, но раз уж Жак суждено пережить это, она хотя бы будет хорошо выглядеть.

Правда, от этой мысли легче не стало.

Здесь было полно народу, и Жак пыталась хоть на секунду отвлечься и перестать высматривать Блейка. Если он не появится, ей придется туго. Жак необходимы его уверенность и поддержка. Однако она боялась оставаться с Блейком наедине, пока между ними сохранялась неловкость и действовали определенные правила, которых принято придерживаться после единственной восхитительной ночи.

Но будет ли эта ночь единственной?

Сердце Жак бешено застучало, когда в коридоре появился Блейк. Неизменный костюм шикарно смотрелся на нем. На теле Блейка, которое она теперь знала лучше, чем свое собственное, не было ни единого места, которое не облизала бы Жак, а кое-где даже остались следы. Вернулись воспоминания, ее лицо запылало.

Заметив наконец Жак, Блейк остановился на мгновение, затем подошел ближе. Его брови удивленно приподнялись.

— Ты надела платье?

Не этих слов она ожидала от него.

Раздраженная, Жак поднялась и скрестила руки на груди. Она все же не утратила чувства юмора: к платью прилагались пиджак спортивного покроя, черные легинсы и туфли на

пугающе высокой чернобелой платформе, которая напоминала о гангстерах тридцатых годов.

— Это все, что ты можешь сказать, после того как сегодня утром удрал из постели?

На мгновение Блейк с силой сжал губы, но затем развел руками, словно отступая.

— Здесь не место и не время обсуждать подобные вопросы, — бесстрастно произнес он.

— Можно было обсудить это за завтраком.

— У меня была назначена встреча на семь утра.

Жак вздрогнула:

— Ну ладно, шесть утра — рановато для завтрака. Но ты мог хотя бы разбудить меня и попрощаться.

Блейк приподнял бровь:

— Я пытался, но ты спала как убитая.

Это, наверное, расплата за испытанное ночью удовольствие.

— Я так сильно устала не только по своей вине. Ты тоже приложил к этому руку.

Глаза Блейка блеснули, в них отразились предупреждение и жажда одновременно. Жак была возбуждена и опустошена. Блейк не вел себя как подобает любовнику. Сейчас он был просто человеком, который научил ее, что оргазм может быть намного сильнее, если в процессе участвуют два человека. Но он с самого начала высказался предельно ясно.

Они смотрели друг другу в глаза, и, поскольку лицо Блейка так и осталось равнодушным, Жак решила испытать удачу в последний раз:

— Я и правда могу рассчитывать только на одну ночь?

Он опустил взгляд, желая создать хотя бы видимость того, что ему жаль.

— Я не только представляю тебя в суде, но также занимаюсь самым важным за всю историю моей карьеры делом, — произнес Блейк. — Поэтому мне нужно... сосредоточиться.

Жак впиалась взглядом в его лицо, задержавшись на губах, которые были невероятно чувственными и искусными. Они заставляли ее стонать и трепетать от наслаждения.

— Блейк! — послышался мужской голос с противоположного конца коридора.

Отринув прочь смущающие мысли, Жак посмотрела на седовласого мужчину, который приближался к ним. Еще один законник в костюме.

Мужчина остановился и хлопнул Блейка по спине:

— Рад видеть тебя, сынок.

Они быстро переговорили о деле.

Прежде чем уйти, мужчина наклонился поближе к Блейку, словно желая сообщить ему

важную новость.

— По всем данным, дело Менендеса выгорит. Твое имя первое списке на повышение. Карьера у тебя в кармане.

Жак старалась не выказывать удивления, наблюдая за удаляющимся мужчиной. Ее лицо немного смягчилось.

— Твой отец гордился бы тобой, — произнесла она.

Какая-то эмоция озарила лицо Блейка и тут же пропала — слишком быстро, чтобы Жак могла распознать ее.

Гордость? Решимость? Или что-то еще?

— Спасибо, — ответил Блейк.

— Чем занимался твой отец?

Он взял Жак за локоть и повел по коридору, а ее непослушное сердце радовалось его прикосновению, пусть и мимолетному.

— Он был прокурором южного округа Флориды, назначенным президентом.

— Ух ты... — только и смогла вымолвить Жак.

— Я тут поспрашивал и узнал, что судья Коннор строг, но справедлив, — произнес Блейк, не желая дальше обсуждать своего отца.

Знакомый аромат одеколона вызывал в памяти Жак страстные образы прошлой ночи, не давая ей сосредоточиться на настоящем.

— Сегодня ты просто заслушаешь официальное обвинение и заявишь о своей невинности, — сказал Блейк. — Я обо всем позабочусь, но, если он задаст тебе вопрос, отвечай честно. Иначе... — Он остановился у дверей в зал суда. — Предоставь разговор мне. — Он предостерегающе посмотрел на Жак. — Ты справишься?

Она приблизилась к Блейку, привлеченная жаром его взгляда, и подарила ему милую улыбку:

— Конечно.

Если Блейк думал, что сможет контролировать влечение, то, пожалуй, пришло время Жак преподавать ему урок или два. У нее есть преимущество: она живет в его доме. И если она вырядится в купальник и проведет достаточно времени в бассейне, он сдастся. Рано или поздно.

Таков был план.

Через час Блейк вывел Жак из здания суда, придерживая за талию. Ему нравилось касаться ее спины, ощущать шелк непослушных медовых волос. Ее бедра соблазнительно покачивались. Блейк хотел провести рукой чуть ниже, несмотря на то что упорно пытался не думать о прошлой ночи.

Он давным-давно отказался от интрижек на одну ночь; отношения с Жак стали исключением, и поначалу это казалось хорошим решением. Теперь же Блейку было ясно, что вовсе не разум управлял им, а сексуальное влечение. Он понял бы это до того, как провел ночь с Жак, если бы подумал логически. И конечно, он не подозревал, что станет первым, кто испробует ее.

Жак продолжала вести себя дерзко и откровенно, требуя, чтобы он не отступал. Как будто торопилась наверстать упущенное. И хотя опыта ей не доставало, энтузиазм, разжигавший в теле Блейка огонь, и жадное любопытство перекрывали все.

Сегодня, как только первый луч солнца осветил Атлантический океан, Блейк с неохотой оставил Жак. Он был изнурен физически, но воодушевлен; захвачен ночью открытий. И сейчас, спустя шесть часов, он все еще не знал, как спастись из бешеного водоворота событий.

Его самоконтроль летел ко всем чертям.

Блейк мучился оттого, что снова хотел ее, но еще больше он хотел заставить себя думать логически; трезво мыслить. Да, ночь была потрясающей, но у него есть работа, а у Жак проблемы с законом. Блейк не хотел впутываться в это дело, но он дал обещание и сдержит его. Поэтому стоило прояснить некоторые детали.

— Просто для справки, — с иронией произнес Блейк. — Судья упомянул изображение «Рамоунз» на твоей майке, и с твоей стороны было приемлемо выразить согласие с его суждением о влиянии этой группы на рок-н-ролл... — Как он мог не заметить, что под пиджаком скрывалась большая фотография панк-группы? — Но не стоило открывать дебаты на тему того, какая группа в большей степени повлияла на панк-рок.

Жак удивленно посмотрела на него, недоумевая, почему ее разногласие с судьей вызвало столько возмущения.

— Судья Коннор спросил мое мнение, и я просто высказалась.

Блейк хотел было тяжело вздохнуть, но вместо этого просто пронзил Жак взглядом.

— Думаю, это был риторический вопрос.

Жак пожала плечами:

— Ну, если ему было неинтересно мое мнение, тогда не надо было облекать свои слова в форму вопроса.

Пока они спускались, Блейк старался оправиться от возмущения. Затем снова обратился к Жак:

— Неужели ты встаешь каждое утро и придумываешь, как бы усложнить себе жизнь? Или это выходит само собой?

Она капризно насупилась и сняла спортивный пиджак, оголив самые прекрасные плечи, которые Блейку когда-либо доводилось видеть. Желание вновь пробудилось, но он постарался не обращать на это внимания.

— Это еще один риторический вопрос, на который мне не нужно отвечать?

— Да, — твердо произнес он.

Она искоса посмотрела на Блейка, отбросив волосы. Ее невинным улыбкам — как раз такой она одарила его сейчас — верить не стоило.

— Ты говорил мне быть честной.

Блейк вспомнил происшествие в зале суда и едва не рассмеялся.

— Очевидно, судья Коннор наслаждался минутой, в течение которой ты вывалила массу аргументов в пользу «Рамоунз», хоть он в итоге с тобой не согласился.

Она остановилась и улыбнулась Блейку. Он вновь затрепетал от желания. Он хотел заключить Жак в объятия и защитить от всех проблем.

— Ты попросила меня представлять тебя в суде, — серьезно начал он. — Я бы хотел, чтобы в будущем ты задумывалась о своих действиях и возможных последствиях.

Жак хмуро посмотрела на него:

— То есть ты говоришь мне поменьше болтать?

Блейк сжал губы, пытаясь придумать уклончивый ответ.

— Я говорю, что необязательно делиться своими мыслями со всем белым светом. — Почти против воли Блейка его глаза скользили по обнаженным плечам Жак. — Кстати, откуда ты взяла это платье?

Она усмехнулась:

— Твоя мама нашла его в Сети и подарила мне на удачу.

Блейк вздохнул:

— А гангстерские туфли тоже она дала?

— Нет. Это Никки. — Ее глаза лукаво блеснули. — Я надену их на заседание суда.

Блейк провел рукой по лицу. Десять лет он был главой семьи и за это время научился справляться с раздражением и оставаться спокойным, когда мать или сестра попадали в неприятности, что случалось частенько. Теперь у него была еще Жаклин Ли, с которой тоже приходилось бороться, причем она ничуть ему не уступала. Эта женщина сразила его своей уверенностью, очаровала простодушием и бросила к своим сексуальным ногам. Блейк должен избегать ее — только так он сможет контролировать ситуацию.

Две недели спустя Жак расположилась посреди кухни в доме Блейка. Она проверяла электронную таблицу. Акция по сбору средств для клуба закончилась, данные выглядели плачевно. Да и в отношениях с Блейком прорыва не намечалось.

С чего она взяла, что, пожив в его доме, получит преимущество?

— Сумма уже есть? — спросила Никки, балансируя на костылях.

— Нет. — Заметив расстроенное лицо девушки, Жак добавила: — Не важно, получилось или

нет, все равно спасибо за помощь.

— Ты шутишь? — спросила Никки, приблизившись. — Ты даже не представляешь, как я рада, что ты здесь. — Она потянулась за мятной лепешкой, испеченной матерью. — Несмотря на то что Блейк никогда не забывает напомнить мне о том, как я облажалась, он все же иногда бывал веселым. А теперь мой злобный большой брат всячески избегает меня. — Никки обеспокоенно наморщила лоб.

При каждом упоминании Блейка Жак покрывалась румянцем. Она тряхнула головой, прикрыв лицо волосами, и сделала вид, будто очень увлечена таблицей. Блейк и так уже захватил все ее ночные фантазии, нет смысла думать о нем еще и днем.

После того как Жак две недели чувствовала себя как на иголках и других острых предметах, она поняла, что добиться от Блейка хотя бы проблеска интереса чрезвычайно сложно, и ее план катится коту под хвост.

Соблазнить мужчину, которого нет рядом, просто невозможно.

— Вряд ли он тебя избегает, Никки. Скорее всего, тебе так просто кажется, — равнодушно произнесла Жак, надеясь, что на этом они закончат обсуждать Блейка.

— Сомневаюсь. — В глазах Никки появилась обида, и Жак молча ей посочувствовала. — Да, его захватило это дело, но раньше он хотя бы старался прийти к обеду. — А сейчас, если рано утром не видеть, как он крадется к двери, вообще можно подумать, что он здесь не живет.

— Уверена, это не из-за тебя.

«А уж скорее из-за меня», — подумала Жак.

Никки положила лепешку на тарелку.

— Нет, он все еще злится из-за того инцидента, — сказала она и закатила глаза. — Ты бы видела его лицо в больнице.

Никки нахмурилась и, опершись локтями о стол, опустила голову на руки. Жак вновь обуяло сочувствие к брату и сестре: их отношения были более сложными, чем она могла себе представить. Возможно, в тот день в больнице Блейк прятал страх под маской гнева. И Никки, без сомнения, отвечала тем же, пытаясь защититься.

Жак очень хотела сменить тему и все же не могла удержаться и не подметить очевидное.

— Но он же пришел за тобой, — мягко произнесла она.

Странное выражение появилось на лице Никки.

— Да, — протянула она и посмотрела в окно, на бассейн. Взгляд ее был каким-то... потерянным. — Мама была в месячном круизе со своими подругами. Как всегда, недоступная. — Ее голос стал ниже. — А я была настоящей занозой в заднице.

Жак почувствовала укол совести: отсутствие Блейка было связано с ней, а не с Никки.

— В любом случае думаю, звание занозы в заднице перешло ко мне.

— Как так? — поинтересовалась Никки.

«Отличная попытка направить разговор в более безопасное русло», — с сарказмом похвалила себя Жак.

Она прочистила горло:

— Блейк с самого начала не хотел брать мое дело.

На экране ноутбука появился окончательный подсчет, и Жак испустила глухой стон. Наконец им удалось сменить тему, но новости были неутешительными. Она повернула ноутбук к Никки.

— Есть еще друзья, которым нужна помощь со сломанной ногой? — спросила Жак, пытаясь говорить радостно, хотя на сердце кошки скребли.

Никки посмотрела на цифры и вздрогнула.

— Не отчаивайся, — произнесла она. — Что-нибудь придумаем.

Уставившись в экран ноутбука, словно ища там подсказку, Никки задумчиво вонзила зубы в арахисовый кекс.

Жак решила, что сейчас не время жалеть себя. Жалеть о потерянной работе и внимании Блейка.

На кухню ворвалась Абигейл Беннингтон.

— Привет, девочки! — воскликнула она. — Что это тут за негативные флюиды?

«Я потеряла девственность с вашим сыном, и он подарил мне всего одну ночь», — подумала Жак, но промолчала.

К счастью, за нее ответила Никки:

— У Жак неприятности с деньгами для ее музыкальной программы в клубе.

— Тяжелая экономическая ситуация, — кивнула Жак. — Столько всего нужно, и нет ни цента.

Абигейл взяла стул и села рядом.

— Все просто, — сказала она, пробегая пальцами по волосам цвета перца с солью. — Нужно организовать какое-нибудь событие, которое привлечет внимание прессы.

— Уже пробовала, — ответила Жак. — Не сработало.

— Что-то такое, что действительно привлечет публику, — продолжала Абигейл. — И так уж случилось, что я эксперт.

— Эксперт в чем?

— В организации зрелищ, — гордо произнесла мать Блейка. Вдохновение озарило ее тронутое морщинами лицо. — Слушайте, мои пташки. Вот что мы сделаем.

Прошло несколько дней. Блейк вдыхал запах свежее испеченного хлеба, доносившегося из кулинарии напротив офиса. Многие, кто сейчас здесь обедал, были из его отдела. Кто-то

окрикнул его, когда он проходил мимо столиков, и пожелал удачи с делом.

Хотел бы Блейк чувствовать себя уверенно. Скоро состоится заключительное заседание, и победа была почти у него в кармане. Но за многие годы работы он понял одну очень важную вещь: ни в чем нельзя быть уверенным до тех пор, пока не вынесен вердикт. Люди непредсказуемы. Собери двенадцать присяжных в одной комнате — у каждого из них свои надежды и мечты, — и может случиться все, что угодно.

Жак — прекрасный пример. Она была самой непредсказуемой женщиной из всех, кого он когда-либо знал, и поэтому, к сожалению, самой привлекательной.

Блейк не знал, как отнестись к произошедшему. Слава богу, процесс Менендеса был в самом разгаре и захватил его вниманием целиком. И все же случались мгновения, когда разум Блейка расслаблялся, и в памяти вновь всплывали соблазнительные образы Жак. И какой смысл избегать ее, если собственные мысли не дают покоя?

Блейк начинал думать, что было бы лучше проводить с ей в постели каждую ночь, так он по крайней мере не стал бы подвергать сомнению свое правило одной ночи.

Блейк заплатил за сэндвич и прошел к столику. Симпатичная светловолосая прокурорша послала ему недвусмысленную улыбку, в ее взгляде читалось приглашение. И тут Блейк понял, что действительно угодил в неприятности — у него не возникло желания даже просто поболтать с ней. Гладкая, полированная красота казалось жалкой по сравнению с диким, безрассудным очарованием Жак.

Блейк сел за столик позади блондинки, притворившись заинтересованным новостями по телевизору. На самом же деле он не обращал внимания ни на голос диктора, ни на шум толпы, так как был занят, обдумывая план.

Может, он все-таки с успехом закончит дело и проведет немного времени с Жак? Может, он будет работать даже более продуктивно, если перестанет постоянно грезить о маленькой проказнице на каблуках?

— Эй, Блейк, — окликнул его сотрудник отдела по борьбе с наркотиками. — Это не твою сестру по телику показывают?

Сердце бешено забило. Блейк поднял взгляд к плоскому экрану.

Там, среди протестующих, под зорким взглядом полицейских, выстроившихся в линию, стояла его сестра. Она опиралась на костыли, в ее руках был плакат. Дракон на гипсе выдыхал струю пламени, которая простиралась до пальцев ноги.

Рядом, что-то выкрикивая, стояла Жак.

Блейк яростно сжал зубы, откусывая курицу, салат плюхнулся на тарелку. Он встал, с громким скрежетом отодвинув стул. Кого из них он приберет первой?

Никки... или Жак?

Глава 8

Жак прежде вызывали в суд, и она справилась с этим спокойно. Почему же она так волнуется из-за встречи с Блейком? Она приближалась к его кабинету, и сердце стучало все сильнее. Она надеялась на лучшее.

Они как раз заканчивали с протестом, когда появился Блейк. Его лицо выражало возмущение и злость. Ледяным, равнодушным голосом, в котором, однако, слышался намек на угрозу, он сказал, что пора домой. Жак в любом случае собиралась сама отвезти Никки, не желая доводить ее до изнеможения. Но, основываясь на главных принципах свободы и демократии — и других иллюзорных идеалах, — Жак собиралась отказать Блейку. Но что-то в его взгляде заставило ее прикусить язык.

Воспоминания о стальном блеске глаз Блейка мучили Жак даже по возвращении домой. Она стала помогать Никки принимать ванну и вымывать из ее темных волос дорожную пыль. Затем Жак усадила девушку у бассейна, когда мимо прошел Блейк, бросив лишь:

— Когда закончишь, зайди ко мне в кабинет.

У Жак от его тона по телу побежали мурашки.

— Если через час не вернешься, я пойду искать твой труп, — прошептала Никки.

Ее слова Жак не утешили. Она быстро сбегала в коттедж, чтобы принять душ и переодеться. Она ни за что не пойдет на встречу с Блейком, одетым в дорогой, строгий костюм, в спортивной майке, липкой от пота и пропахшей выхлопными газами.

Ей нужно было набраться храбрости, и Жак, понимая, что любимая песня сейчас ей не поможет, надела свои ковбойские сапоги. Трепет усиливался по мере того, как она приближалась к кабинету Блейка, а каблуки, казалось, стучали все громче. Жак чувствовала себя комфортно в футболке с обнадеживающим изображением американской дивы Ареты Франклин.

Жак достигла двери и замерла, прежде чем войти.

Итальянская плитка спокойного кофейного цвета в сочетании с темно-зелеными стенами и дорогой кожаной мебелью создавала строгую, «мужскую» атмосферу. Безукоризненная, идеальная обстановка в стиле Блейка.

Жак устала ждать мужчину, который когда-нибудь, возможно, решит, что снова хочет ее.

Блейк стоял у окна и смотрел на Никки, задремавшую в шезлонге под зонтиком. Видимо, он услышал шаги Жак.

— О чем, черт возьми, ты думала? — спросил он низким голосом, не поворачиваясь к ней.

Жак дрожала от напряжения.

— Я думала, что должна решить проблему, — ответила она.

— Как? — Блейк повернулся, его лицо ничего не выражало. — Рискую вновь попасть за решетку?

— Все было легально. Мы не выходили за рамки закона, — продолжала Жак. — Мы с Никки получили разрешение. И твоя мать...

— Моя мать? — перебил ее Блейк. — Ты втянула мою мать в эту свару?

Жак пыталась оставаться спокойно.

— Я не втягивала. Она доброволец, — объяснила она и немного расслабилась.

Когда Жак была подростком, она часто фантазировала о том, какой могла бы быть ее мать. Она всегда представляла кого-то доброго и равнодушного — такого же, как Абигейл. Только ее стряпня была бы лучше...

— Это была ее идея, — произнесла Жак. — И она оказалась полезной...

— Полезной, — повторил Блейк, усмехнувшись.

Терпение Жак заканчивалось. Она пересекла кабинет, остановившись у огромного рабочего стола.

— Наш спор будет долгим, если ты будешь постоянно меня прерывать.

— Мой день был прерван, когда я увидел в новостях мою сестру, которая собирается стать адвокатом, и женщину, которой я помогаю избежать обвинения в нарушении покоя. Обе были окружены полицией и участвовали в дурацком протесте. — Блейк навис над ней. — Ты знаешь, как сложно будет отмазать тебя от первого обвинения, если появится еще и второе?

Жак вздохнула, понимая, что ее напускное хладнокровие неубедительно.

— Я же говорю, мы делали все согласно закону, — произнесла она. — Мы не собирались нарываться на неприятности.

— Так же как ты не собиралась попадать в тюрьму во время флешмоба, — скептически заметил Блейк.

Жак прикусила губу, пытаясь сосчитать удары сердца и успокоиться.

— Да, — наконец произнесла она. — Это удивительно, но я как-то обходилась без твоей помощи двадцать три года.

В глубине души Жак была рада видеть, как Блейк бесится. Возможно, она согласилась на проект Абигейл отчасти потому, что хотела посмотреть, как он выйдет из себя. Жак устала от его логики и разумности. Она устала от того, что Блейк был спокоен и не терзался неизвестностью. И она устала гадать, когда он захочет ее снова.

Да, у Жак не было достаточно опыта, и она не переживала из-за того, что Блейк стал ее первым мужчиной. Но он был слишком сдержанным, и никто, взглянув на них со стороны, никогда бы не подумал, что они провели ночь вместе.

Так пусть Блейк хотя бы разозлится.

— Если ты добиваешься, чтобы тебя осудили за мелкое правонарушение и выгнали с работы, действуй свободно, — произнес Блейк.

Его осуждающий тон положил конец терпению Жак.

— Хорошо, — сказала она. — Так и сделаю.

В детстве она меняла семьи не ради того, чтобы потом зависеть от всего света. Мистер Идеал ошибается. Если думает, будто ее так легко напугать.

«Это мой выбор. Мое решение. Моя жизнь».

Блейк видел, что Жак едва сдерживает свой гнев; его голова словно пульсировала от ярости.

Груз ответственности скоро раздавит его. Он устал быть единственным, кто решает чужие проблемы, устал быть тем, кто думает о последствиях. Хотя бы раз он хотел веселья и беззаботной жизни юношеских лет, чем, казалось, всю наслаждаются его мать, Никки и Жак.

Почему разум остальных молчал, заставляя его принимать решения?

Блейк бесился, думая, что Никки испортит себе будущее, разрушит карьеру, еще даже не начавшуюся. Роль главы семьи, которую он принял после смерти отца, почти уничтожила Блейка, и его корбило при мысли, что сестре придется заплатить за проступок. Он обещал отцу, что будет заботиться о Никки, и пусть небо рухнет на землю, но он сдержит обещание. А это значит, нужно защищать ее от сожалений, которые в конце концов станут клеткой для души.

Но Жак не была частью семьи Блейка. Почему тогда он так переживает за ее выбор?

Страх придал его словам жесткости.

— Если хочешь саботировать свою карьеру — это твое дело, — говорил Блейк, стараясь не обращать внимания на свежую привлекательность Жак, ее едва тронутые загаром соблазнительные ноги. А еще эти ковбойские сапоги...

Черт подери, неужели эта женщина больше всего на свете хотела свести его с ума?

— Но я не позволю разрушить будущее моей сестры, не позволю втягивать ее в эту свару.

Жак смотрела на него озабоченно, и Блейк знал, что она не притворялась. Он видел их с Никки вместе; видел, как крепнет их привязанность. Жаклин Ли могла рискнуть своей жизнью, но она никогда бы не причинила вред его сестре.

И от этого действия Жак еще больше разочаровывали Блейка.

— Я бы никогда не навредила Никки, — тихо произнесла она.

Блейк смотрел в ее лицо, на котором отражалось волнение, и не мог отвести глаз.

— Тогда оставь ее в покое.

— Хорошо, — хрипло ответила она.

Блейк почему-то не почувствовал удовлетворения, когда Жак согласилась. Он был потрясен, что не может просто отвернуться и бросить ее на произвол судьбы.

Ему было не все равно.

Блейк приблизился к Жак.

— И прекрати устраивать суматоху и подвергать риску свое положение, — добавил он. — Ты должна перестать выставлять напоказ свою свободолюбивую натуру и начать думать о том, как твои действия скажутся на других.

Судя по взгляду Жак, аргумент Блейка был неубедителен. Черт бы побрал эти изменчивые человеческие эмоции. К женщине должна прилагаться инструкция. Он ждал решения Жак.

— Мои действия тебя не касаются, — сказала она.

— Ты сделала так, что касаются.

— Отлично, — пропыхтела она. — Тогда я не хочу, чтобы ты мне дальше помогал.

— Тебе нужна моя помощь, — резко бросил он. — Я просто хочу, чтобы ты перестала саботировать ситуацию, выставляя себя чертовой нонкомформисткой.

Последовала долгая пауза.

Затем Жак подняла руку, демонстрируя запястье, разрисованное чернилами.

— Видишь эти шрамы? — спросила она. Его грудь тяжело поднималась и опускалась. — Я нанесла их в подростковом возрасте, решив, что лучше терпеть физическую боль, чем прятать ее в сердце.

Блейк был поражен ее словами. Он хотел ответить, утешить ее, но Жак остановила его.

— Хочешь, чтобы я изменилась? — Ее рука безвольно упала, взгляд все еще пылал. — Очень жаль. Я много лет кочевала по чужим семьям. Я расстраивалась, потому что многие считали меня недостаточно хорошей. Я не вписывалась. И через какое-то время я поверила, что со мной что-то не так. — Она гордо вздернула подбородок. — Но я больше не куплюсь на этот дерьмовый девиз в стиле «ты разрушаешь-саму-себя». С помощью детей и добросердечных волонтеров я поняла, что я — красивая, умная женщина, достойная уважения. — Она показала рукой на изображение Ареты Франклин. Затем ткнула Блейка в грудь. — И мне не нужно, чтобы ты учил меня жизни.

— Жак...

— И я не дам страху и сомнениям отравить мое будущее, — произнесла она и, отступив, подняла майку.

Живот был иссечен паутиной пурпурных шрамов. Блейк вздрогнул, его словно обдало ушатом ледяной воды.

Жак резко добавила:

— Это со мной уже случилось, и назад я не вернусь.

Грязное ругательство сорвалось с его губ, когда он рассмотрел шрамы, появившиеся много месяцев — а может, лет — назад. Не было ни единого не изуродованного сантиметра. Кожа была обезображена ее собственной рукой.

Печаль и ужас охватили Блейка.

— Господи, Жак... — прохрипел он, ступив ближе. Его затошнило, чувство гадливости целиком поглотило его.

— Не надо меня жалеть, — жестко произнесла она. — Мне не нужно твое сочувствие. Я горжусь тем, кто я есть и как живу.

Ее лицо озаряли уверенность и страстная убежденность. Жак четко произносила каждое слова, и взгляд ее впивался в Блейка.

— Я проклятый борец и заслужила эти шрамы.

Грудь Блейка тяжело вздымалась, различные эмоции боролись у него в душе. Страстное восхищение. Глубокое смирение. И нотка обиды. Эта женщина, которая спустилась в ад и вернулась, сражаясь, постигла то, что ускользало от него изо дня в день. Она навязывала жизни свои условия, вместо того чтобы отрицать желания и подчиняться логике.

Долг против потребности.

Разум против страсти.

Любить Жак или отрицать собственное Я.

Взгляд Блейка невольно скользнул к розовым губкам, которые были сжаты в тонкую линию.

Жак опустила футболку и встала еще ближе, так, что он чувствовал запах лаванды. Его возбуждали ее страсть, красота и сила.

— И если ты хочешь коснуться меня снова, — произнесла она низким голосом, — перестань смотреть на меня так, будто не знаешь, заняться со мной любовью или отругать, как непослушного ребенка.

Сердце Блейка бешено билось, словно стремилось вырваться из груди. И мужчина, который привык получать желаемое, не оглядываясь на последствия, дикий мятежник, подавляемый годами, пробудился.

Выругавшись, Блейк обхватил руками шею Жак и грубо впился поцелуем в ее губы.

Простонав, Жак прижалась к твердой груди Блейка, со всей страстью и огнем, что копились долгое время, возвращая поцелуй. У них была всего одна ночь, затем последовали бесконечные часы бессонницы, и теперь она испытывала облегчение, оказавшись в его объятиях. Она могла наконец вновь касаться Блейка, и ощущать себя женщиной, сексуальной и прекрасной. Однако главным было то, что теперь он знал о ее прошлом.

И все равно хотел ее.

Блейк не вел себя как Джек. Он не смотрел на нее так, словно собирался в ужасе сбежать. Не было пугливого блеска в глазах, который превращал Жак из милой странной девочки в страшную безумицу.

Блейк страстно целовал ее, будто давая понять, что прошлое осталось в прошлом. Он стремился контролировать Жак, и кто бы мог подумать, что это так заведет?

Он властвовал на ней, его движения были окрашены яростным отчаянием. Блейк скинул

пиджак и принялся нетерпеливо развязывать галстук.

— Запри дверь, — приказал он.

Затем сорвал рубашку, разулся и расстегнул брюки. Жак с вождением взглянула на него и вернулась к столу.

Его глаза горели жадой. Блейк просунул палец под пояс шорт Жак и притянул ее к себе; расстегнул шорты, и они упали на пол.

— В три я должен быть в офисе.

Почувствовав себя свободной как никогда, Жак сорвала с себя футболку, обнажив живот — символ прошлой жизни.

— У меня в четыре коктейль и лекция твоей матери о подрывной деятельности, — ответила она.

Блейк, застонав, вновь впился в нее жестким поцелуем, как бы предупреждая, что в этот раз он будет все контролировать. Затем немного отклонился, его взгляд был стальным.

— Никакой подрывной деятельности.

— Хорошо, — сказала она, отбрасывая шорты, мешавшиеся под ногами. — Я просто разыграю ее, притворившись, что делаю заметки.

Блейк сжал ее груди, и, скользнув губами ниже, принялся терзать ее соски. Он покусывал их и поглаживал до тех пор, пока Жак не затрепетала от удовольствия.

Она спустила его брюки.

— Никки обеспокоена. — Она уже задыхалась от предвкушения. — У нас есть примерно час.

И этого казалось недостаточно.

Он схватил ее за бедра и прижал к своей твердой, раскаленной плоти.

— Почему час?

— Никки сказала, что, если через час не вернусь, она отправится на поиски моего трупа, — ответила Жак, пытаясь снять сапоги.

— Подожди, — потребовал Блейк, и она застыла.

Ее сердце бешено билось, страх пробежал по венам, несмотря на невероятное наслаждение, испытываемое в руках Блейка. Она испугалась, что он вдруг придет в себя и вспомнит, что она — совсем не та женщина, с которой он хотел бы иметь связь.

Блейка полностью поглотило желание. Жак отчаянно пыталась заставить его овладеть ею.

Его взгляд горел.

— Я займусь с тобой любовью, и на тебе не будет ничего, кроме этих сапог, — грубо произнес Блейк.

На Жак нахлынуло облегчение, и она вздохнула.

— Боже, Блейк, — сказала она и обвила руками его шею. — А я уж думала, что ты сошлешься на какую-нибудь важную встречу и уйдешь.

— Ни за что, — прохрипел он.

За этими словами последовал глубокий поцелуй, заставивший Жак воспарить. Блейк осыпал ласками ее щеки и шею, покусывал то место, где под кожей билась жилка. Затем он усадил ее на стол.

Холодная древесина не могла остудить ее разгоряченной кожи, и она нетерпеливо дернулась. Блейк вытащил из ящика бумажник и достал презерватив.

— Прямо сейчас... Мне нужна только ты.

Это были самые приятные слова, которые когда-либо слышала Жак.

— Значит ли это, что я могу постоянно игнорировать запрет на поцелуи? — спросила она, невинно на него глядя.

— Я сожгу этот чертов контракт, — пробормотал он и овладел ею.

Глава 9

— Так что мой большой брат сказал тебе сегодня в кабинете? — спросила Никки, перемешивая глазированные овощи на своей тарелке. Блейк сидел во главе обеденного стола, и сестра украдкой взглянула на него. — Прочел лекцию о последствиях, как он обычно делал со мной? Или просто сказал, что ты рушишь свою жизнь?

Жак беспокойно елозила на месте, взволнованная словами Никки. Вряд ли стоило передавать ей слова брата: «Я займусь с тобой любовью, и на тебе не будет ничего, кроме этих сапог».

Она действительно наслаждалась каждым мгновением полного подчинения. В этот раз Блейк не был так острожен, как в их первую ночь вместе.

Это был акт освобождения.

Но сейчас не стоило предаваться сладким воспоминаниям: Никки выпрашивала подробности предполагаемой ссоры, когда рядом сидела Абигейл.

Все ждали ответа и в нетерпении смотрели на Жак, а Блейк еще имел наглость притвориться удивленным.

Жак хотелось сбежать куда-нибудь в безопасное место.

— Давай, Жак, — мягко произнес Блейк. — Я с удовольствием послушаю твою версию.

Она послала ему взгляд, который, как она надеялась, не заметили остальные члены семьи.

— Мне рассказывать про тиски? — спросила Жак, усмехнувшись.

— Конечно. — Глаза Блейка лукаво сверкнули. — И не забудь про стол.

— Дайте угадаю, — встряла Никки, словно почувствовала, что подруга в опасности. — Он выдал свою известную истину типа «ты потом об этом пожалеешь» и снисходительно погладил тебя по голове, сочувственно вздохнув.

Жак задалась вопросом, почему Никки настаивает на ответе сейчас, ведь у них впереди целый день, они еще успеют посекретничать. Был только один ответ: сестра предпочитала дразнить брата на глазах у собравшихся. Возможно, просто хотела вывести его из себя.

Жак, чувствуя себя защищенной на время от любопытства семьи, увидела Блейка глазами Никки. Та никогда не упускала возможности позлить брата. И возможно, она провоцировала его, желая, чтобы Блейк наконец скинул ледяную маску и показал себя настоящего.

Отношения порой оставляют шрамы, а эти двое, казалось, ранили друг друга слишком глубоко и теперь не могут общаться иным способом.

— Так, как прошла беседа? — продолжала Никки.

Жак прикусила губу, стараясь успокоиться.

— После недолгого спора... — касающегося в основном вопроса о том, кто будет сверху в следующий раз, — мы... — Жак прочистила горло, — пришли к соглашению.

Не следует говорить, что они договорились встретиться сегодня вечером в постели. Ощущение свободы и наслаждение от компании сексуального мужчины были восхитительны.

— Удивительно. Брат обычно ни с кем не соглашается, — возмущенно произнесла Никки. — Обычно он обвиняет, а затем назначает наказание.

Наступила пауза. Никки поняла, что переборщила.

— Никки, мне жаль, что так меня воспринимаешь, — спокойно произнес Блейк, — но Жак — наша гостя, и она заслуживает немного покоя во время обеда.

Никки нахмурилась и виновато посмотрела на Жак.

— Прости, что втянула тебя в наши неблагоприятные отношения.

Мать Блейк наконец решила, что пора вмешаться.

— Глупости, Никки, — радостно сказала она, разрядив атмосферу. — Неблагополучные семьи — лишь часть американской мечты. Ну, знаешь, как бейсбол, яблочный пирог, политическая поляризация. И, Жак, забыла тебе сказать: я связалась со своим приятелем Франклином по поводу нашей проблемы.

Услышав о «нашей» проблеме, Жак почувствовала себя менее одинокой; ее сердце затрепетало в благодарности. Эта семья почти приняла ее. Даже родные брат и сестра, постоянно ссорящиеся, казались такими домашними.

Жак обвела взглядом Блейка, Никки и ласковую чудачку Абигейл и едва не растаяла от умиления.

— Возможно, этим протестом мы добились не всего, чего хотели, — произнесла мать Блейка,

взяв Жак за руку, отчего та окончательно расчувствовалась. — Но мы же не какие-то трюкачи. Голос женщины велик, чтоб игнорировать мой крик. — Она взмахнула вилкой. — У меня есть еще несколько идей в запасе.

— Да, — согласилась Никки, на ее лице отразилось возбуждение. — Думаю, что мамина идея обеспечить поддержку знаменитостей удачная.

Жак ощутила, как сжалось горло. Она смотрела в лица этих двух женщин, которые серьезно восприняли ее дело и с воодушевлением бросились помогать ей. Как и должна поступать настоящая семья.

Она старалась не обольщаться. Это не ее семья, и нет никакого смысла тешить себя напрасными надеждами. Но там приятно было раз — хотя бы раз — стать частью коллектива вне клуба.

Наконец Жак с трудом прислушалась к речи Абигейл.

— ...потому что секс продается, — сказала Абигейл.

Жак постаралась проигнорировать взгляд Блейка. Она знала, что сейчас он вспоминает их недолгий любовный марафон. Она посмотрела на него предостерегающе. И где же тот равнодушный, невозмутимый мужчина, когда он так нужен? Тот, который оттолкнул ее сразу после поцелуя? Тот, который спокойно завтракал в кругу семьи, не выдавая влечение? Видимо, Блейк решил привнести в свою жизнь немного риска.

И кто тут теперь бунтарь?

— Так вот, Франклин хочет задействовать связи в местной музыкальной индустрии, — продолжала Абигейл, и Жак постаралась сконцентрироваться на беседе. — Возможно, у него получится привлечь на нашу сторону сексуального Бульдога.

Блейк перевел взгляд на мать.

— Бульдога?

— Он местный хип-хоп-певец, звезда. — Абигейл посмотрела на сына. — Он недавно вернулся из мирового турне. Это было потрясающе, — продолжала она. Ее улыбка становилась все шире. — У него великолепное тело, и он просто излучает секс.

Жак заметила, что Блейк изо всех сил пытается не обращать внимания на комментарий матери.

— Что ты думаешь, Блейк? — спросила Абигейл.

— Я понятия не имею, кто он, и с его телом я тоже не знаком. — Он, нахмурившись, посмотрел на мать. — И надеюсь, что мое знание физиологии мужчин не нуждается в дополнительных сведениях сексуального характера, — недовольно добавил он. — Если он настолько популярен, вряд ли у него найдется время для подросткового клуба.

— Ты сомневаешься в моих способностях? — удивилась Абигейл.

Блейк слабо улыбнулся:

— Думаю, у мужика нет шанса против всепоглощающего могущества женщин, сидящих в этой

комнате.

В его тоне не было осуждения. Только смирение и немного гордости.

Никки помешала свой чай.

— Ты только что сделал нам комплимент?

— Кажется, Блейк сегодня в хорошем настроении, — заметила Абигейл и посмотрела на сына. — Когда ты говоришь об этом, ты выглядишь более расслабленным и молодым, несмотря на то что скоро слушание, которое может разрушить твою карьеру, если ты оплошаешь.

Блейк приподнял бровь.

— Спасибо за ободряющие слова, — произнес он, скривив губы.

— Я просто пытаюсь быть реалисткой, — беззаботно произнесла Абигейл, затем посерьезнела. — Обычно это твоя работа. И все же сейчас ты настроен чересчур оптимистично. Что случилось?

Жак почувствовала, что Абигейл что-то заподозрила, и попыталась скрыть волнение.

— На этой неделе присяжные будут совещаться по делу Менендеса, — ответил Блейк.

— Это не то, — покачала она головой. Абигейл не интересовало дело Менендеса. — Вряд ли ты так расслаблен из-за того, что скоро заключительное слушание.

Наступило молчание. Жак казалось, что кровь застыла у нее в жилах. Никки хлопнула рукой об стол.

— Я знала! — воскликнула она. Ее глаза озорно сверкали. — Ты встречался с той злобной адвокатшей. Той, которая помогла тебе с делом Жак. — Никки повернулась к матери. — Думаю, засуха закончилась. И слава богу. — Она вновь посмотрела на брата. — Может, дело с этой соблазнительной адвокатшей отвлечет тебя от моей летней стажировки. Я должна послать этой леди письмо с благодарностью.

Блейк старался не смотреть на Жак. Волна жара разлилась по ее шее, а затем перешла на лицо. Она уставилась в тарелку и принялась как можно беззаботнее тыкать вилкой картошку.

Никки была слишком занята подтруниванием над братом, чтобы заметить смущение Жак. Но Абигейл все поняла: ее взгляд быстро переместился с сына на гостью. Сердце Жак бешено забилося.

Она чувствовала себя неловко под внимательным, удивленным взглядом матери Блейка.

Минуло несколько восхитительных ночей. Хлопок бутылки шампанского показался чересчур громким. Абигейл закатила грандиозный праздник. Блейк точно не знал, чем было вызвано ее возбуждение: его победой на слушании — обвиняемого признали виновным, или предвкушением наслаждения шипучим напитком. Скорее всего, и то и другое.

Блейк посвятил этому делу два года, и теперь, когда добился успеха, не знал, какие именно чувства не дают ему покоя. Обуреваемый противоречивыми эмоциями, он схватил бокал,

который напомнила его мать.

Абигейл подняла свой бокал:

— Выпьем за таланты моего сына.

Жак выглядела очень мило в футболке с Кэрри Андервуд и обтягивающих джинсах.

— У тебя впечатляющее резюме, большой брат, — сказала Никки, повернувшись к Блейку.

И оно впечатлит их еще больше, когда он раскроет все подробности. Если он не сделает этого в ближайшее время, они услышат правду от кого-нибудь другого.

Сделав глубокий вздох, Блейк решил:

— Сегодня мне предложили должность главы отдела.

Наступило молчание. Затем его мать поставила бутылку и бокал и крепко обняла сына.

— Это потрясающе, Блейк, — заметила она и немного отклонилась, желая посмотреть ему в глаза. Ее лицо было серьезным. — Твой отец гордился бы тобой.

Блейка вновь охватили беспокойство и нервозность, а искренние слова матери только усугубили положение. Конечно, отец гордился бы им. Блейк и сам был горд. Вот только... почему он не чувствовал себя счастливым?

Он мог касаться Жак, когда вздумается. Он ввязался в жестокую битву в суде и победил. И получил повышение, которого так долго добивался. Был сделан первый шаг на пути к должности главы департамента. Он должен чувствовать себя счастливым. Но была лишь давящая неуверенность.

Что с ним не так?

Абигейл прервала ход мыслей сына.

— В честь твоей победы в суде я испекла вкусные шоколадные лепешки, — произнесла она.

Блейк вздохнул и попытался изобразить улыбку, когда взглянул на сияющие лица Никки и Жак.

— Никки, пойдем поможешь мне с тарелками, — бросила Абигейл.

Улыбка Блейка медленно увядала. Его мать и сестра удалялись. Абигейл с бокалом шампанского в руке громко рассказывала о секретном ингредиенте, который определенно придаст этим лепешкам более изысканный вкус, чем был у той неудачной порции, которую подали ранее.

Когда обе женщины скрылись из вида, Жак повернулась к Блейку.

— Ты выиграл, — произнесла она. — Поздравляю.

— Спасибо, — ответил он, сожалея, что в душе не чувствовал себя победителем. Блейк сделал глоток шампанского. — Вообще-то у меня есть еще новости.

Жак удивленно приподняла бровь:

— Лучшие, чем обвинительный приговор, повышение и новая порция лепешек твоей матери?

Блейк слабо улыбнулся ее попытке пошутить.

— В эти выходные моя мать берет Никки с собой на ночной спа в Западный Палм-Бич. Это их первые ежегодные совместные каникулы. — Блейк усмехнулся. — Она сказала, что увезет Никки из дома, и мы останемся совершенно одни.

Он хотел провести выходные с Жак, вдали от любопытных глаз. Но мысль о будущем тяжелым грузом давила на сердце. За долгие годы Блейк пожертвовал многим: он постоянно строил какие-то планы и трудился. И теперь не мог понять, почему не хочет думать о награде — повышении. В этом не было никакого смысла.

Блейк решил на время отринуть тягостные мысли. Он просто хотел насладиться триумфом и компанией потрясающей женщины.

Настал момент праздника, и он не упустит возможности побыть с Жак.

— Но поскольку дело касается моей матери, помощь не бесплатна, — произнес Блейк. — На следующей неделе мы должны присутствовать на благотворительном мероприятии, который организует ее приятель. Молчаливый художественный аукцион.

— По-моему, это не сложно.

— Да уж, — скептически заметил он. — Это-то меня и волнует. Но дареному коню в зубы не смотрят.

— Отлично, — произнесла Жак. — Чем займемся на выходных?

— Прокатимся на лодке до острова, — ответил Блейк. — Маленький красивый островок, где я ловил лобстеров, — продолжал он. — Уединенный. Потрясающая бухта. Ну как?

Из холла послышался звонкий голос Абигейл. Жак улыбнулась:

— Там будет что-нибудь печеное?

Блейк громко рассмеялся:

— Никаких лепешек.

— Тогда поехали, — еще шире улыбнулась Жак.

Жак лежала на животе, упершись подбородком в сгиб локтя, и любовалась чистым аквамариновым морем, встречающимся где-то вдали с васильковым небом. Солнце грело ее соленую от воды кожу. Ткань, натянутая на корме лодки, была отличным местом для отдыха; нежный шепот волн успокаивал, приводил в благодушное состояние.

Однако уединенность, белый песчаный пляж этого маленького островка не могли стереть напряженные морщинки с губ Блейка.

Жак погрузилась в собственные мысли, закусив губу.

С одной стороны, Блейк был расслаблен настолько, насколько это вообще возможно для такого человека, как он. Сегодня дорогой костюм не сковывал его тело. На нем были лишь плавки, а временами вообще ничего — когда Блейк занимался с Жак любовью. Он добился успеха, прекрасно проводил время... Почему же он выглядел таким печальным?

Раздумывал над тем, сможет ли поддерживать отношения с женщиной, которая не удовлетворяла его требований? Жак никогда не была разумной и рассудительной, а Джек вообще считал ее непредсказуемой. И она практически вынудила Блейка защищать ее в суде, так что законопослушной Жак тоже не назовешь.

Она вздохнула. Сомнения обескураживали ее. Она понимала, что с каждым днем все больше влюбляется в Блейка. Возможно, настало время кое-что прояснить.

Жак отодвинула пляжную сумку и придвинулась к Блейку, положив голову ему на руки.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

Блейк лежал на спине. Он взглянул на Жак, убрал прядь волос с ее щеки, и спустя несколько мгновений по его лицу разлилась ленивая улыбка, которая делала его таким привлекательным.

Но взгляд его оставался серьезным.

— Мечтаю о том, когда же наконец снова смогу увидеть тебя голой, — произнес он, красноречиво посмотрев на ее цельный купальник.

Жак вздрогнула, желая ответить на чувственный вызов Блейка, но она проигнорировала свою реакцию.

— Отличная попытка, Купальный Костюмчик, — шутливо похвалила она. — Но я имею в виду морщинки у твоих губ.

— Может, я просто устал, занимаясь с тобой любовью.

Губы Жак изогнулись в лукавой улыбке, она не отступила.

— Врешь! — произнесла она, зная, что любой мужчина мог позавидовать выносливости Блейка. Тут было что-то еще... — Попробуй еще раз.

Его глаза приняли холодный стальной оттенок.

Словно поняв, что ему не отвертеться, Блейк вздохнул и перевел взгляд на безмятежное голубое небо.

— Я думаю о повышении.

Жак удивленно приподняла бровь. Она рассматривала его щетинистое лицо и худощавое, сильное тело, обласканное теплыми лучами, и понимала, что навсегда запомнит этот момент, наполненный солнечным светом и ароматом кокоса.

Соленая вода бисером рассыпалась по телу Блейка, искрясь и переливаясь в ярком свете, подчеркивая рельеф мускулов. Сердце Жак забилось в предвкушении, но она подавила внезапно вспыхнувшее желание. Сейчас она должна выяснить, что вызвало эти печальные морщинки у губ Блейка.

Предчувствие нашептывало, что он грустил не только из-за работы.

— Ты принял предложение? — спросила Жак.

Его голос был сух, лицо — непроницаемо.

— Я сказал, что должен подумать.

Жак была обеспокоена, и все же ее губы изогнулись в дразнящей улыбке.

— Ну конечно, — произнесла она. — Ты же всегда тщательно обдумываешь следующий шаг.

Да, он действительно так поступал. Даже в тот момент, когда решился сделать исключение и провести ночь с Жак. С тех пор он ничего не говорил по этому поводу. Может, просто тянул время?

Жак необходимо было знать, способен ли Блейк отступить от своего правила. Всегда ли он будет следовать писаному закону? Предназначено ли ей быть исключением только до тех пор, пока Блейк не насытится ее безумием?

Жак покачала головой:

— Ты когда-нибудь делал что-нибудь ради веселья, просто потому, что тебе хотелось это сделать?

— Я даже прославился этим.

Она недоверчиво улыбнулась:

— Когда тебе было три года?

— Пока мне не исполнилось двенадцать, я был хуже Никки, — ответил Блейк, взглянув на Жак.

Она пораженно вытаращила глаза:

— Не могу поверить.

— Это правда, — произнес он весело. — Никки делает много чего, чтобы свести меня с ума, но я сделал в десять раз больше моему отцу. В школе я частенько просиживал штаны в кабинете директора.

Недоверие отразилось на лице Жак, и в глубине души она надеялась, что сказанное им — правда.

— Приведи пример, — потребовала она.

— Хорошо, — ответил Блейк, его глаза сверкнули озорством. — На втором году обучения я запустил в школьный бассейн аллигатора.

Она села, в изумлении открыв рот.

— Он был три фута длиной, — продолжал он, игнорируя ее потрясенный взгляд. — Но тренер заметил знак «Не кормить аллигатора», который я наспех написал, только когда был уже на

полпути к воде. И просто для справки, — спокойно говорил Блейк, — прыгнув ласточкой, нельзя вернуться.

Представив описанную картину, Жак расхохоталась:

— И что случилось потом?

— Плавание отменили, как я и хотел. По крайней мере до тех пор, пока Фиш и Уалдлайф не выловили аллигатора и не вернули его в лоно дикой природы.

— Нет. — Она покачала головой. — Я имею в виду, что стало с тобой?

— Папа переговорил с директором и добился того, что меня отстранили всего на три дня вместо десяти. Он был вынужден применить все свое дипломатическое искусство, чтобы вытащить меня из неприятностей. — Блейк вспоминал былое, и на губах его играла печальная улыбка. — К четвертому году обучения я совсем отбилась от рук.

Жак уставилась на Блейка, пытаясь осмыслить услышанное. Образ взбалмошного Блейка никак не вязался с человеком, которого она знала. Она-то всегда считала, что Никки пошла в мать, а брат унаследовал рассудительность отца. Но, видимо, в нем было кое-что и от Абигейл Беннингтон.

В душе Жак возродилась надежда, которая почти пугала.

— Что так подкосило тебя? — допытывалась она.

— Многие бы сказали, что я просто вырос. — В его глазах светилось веселье. — Но по мнению Жаклин Ли, меня что-то подкосило.

Жак старалась придать разговору легкомысленный тон, сделать его забавным. Но, взглянув на Блейка, почувствовала острую необходимость быть честной. Потому что если Блейк Беннингтон не мог расслабиться, не мог отступить от своего главного правила — противоположности не сочетаются, тогда их отношения — всего лишь случайная связь, отклонение. Ведь Жак никогда не была разумной.

И у них нет шанса на продолжение.

— Я думаю, ты чересчур острожен, — искренне произнесла она.

— Это необходимо, — твердо заметил он.

— Ты подавляешь слишком многое.

— Но не достаточно. А ты платишь слишком высокую цену.

Их взгляды встретились. Прошло несколько мгновений, прежде чем Блейк нарушил тишину:

— Однажды мы гуляли с двумя моими приятелями из колледжа, и нас арестовали. Мы приковали наручниками трех парней из конкурирующего братства к статуе в парке Саус-Пойнт.

— Да ты шутишь! — Жак моргнула. Ей нравился этот лихач из прошлого. Напряжение ослабло, и она снова вытянулась. Зачем вы это сделали?

— Возмездие, — произнес он с унылой улыбкой. — В тот день немного раньше они ослабили болты на машине, и она развалилась во время гонки. Это была ежегодная акция по сбору средств. Авария выглядела эффектно, — продолжал он. — Они напились вдрызг, когда праздновали свою победу, поэтому приковать их к статуе было раз плюнуть. — Блейк хрипло хохотнул. — Да мы и сами были в стельку.

— Не могу представить тебя в тюрьме.

— Пришел папа, все уладил, заставил их снять обвинение. — Рот Блейка скривился. — Было удобно иметь сильного и влиятельного отца.

— Он злился после случившегося?

Последовала недолгая пауза, затем Блейк произнес:

— Он погиб.

Жак словно ударили, дыхание сперло, грудь заныла, сердце забилось так быстро, что почти причиняло боль. Она думала, что Блейк заплатил сполна, когда нарвался на полицию и попал в тюрьму. Она ошиблась. Ужасно, ужасно ошиблась.

Огромным усилием Жак заставила себя поднять на его подернутые мукой глаза.

А он хрипло продолжал:

— Если бы ему не нужно было вызволять меня, он не оказался бы в два ночи на дороге, когда та машина пересекла разделительную полосу.

Боль сильнее сжала грудь Жак, которая едва удержалась от желания коснуться Блейка, защитить его. Раньше при упоминании смерти отца он не говорил, что сам находился там в решающий момент.

Жак перенесла много потерь, но она никогда не была свидетелем гибели любимого человека.

— Я был лишь слегка ранен осколком, — произнес Блейк и коснулся небольшого шрама над бровью. Его лицо ничего не выражало. — Сначала показалось, что отца тоже легко ранило, но потом я узнал, что у него было кровоизлияние в мозг.

Жак смотрела на Блейка, и ее сердце обливалось кровью.

Он прочистил горло, задумчиво глядя в небо.

— Он, должно быть, догадывался, что конец близко. Он твердил, что я должен серьезно задуматься о будущем; должен позаботиться о Никки и маме. — Блейк вздохнул. — Я пообещал ему, но уговаривал его бороться, твердил, что все будет в порядке. — Он замолчал ненадолго, затем повернул голову и посмотрел на Жак. — И Флорида потеряла лучшего прокурора, который когда-либо работал в США.

Наполненный мукой, его взгляд был устремлен на нее; глубокая печаль и сожаление, пропитавшие его голос, разрывали ей сердце. Не только их совместное будущее было поставлено на карту. Под угрозой оказалось счастье Блейка.

Жак сморгнула слезы сочувствия, выступившие на глазах.

— Ты пытаешься занять его место?

Блейк скептически посмотрел на нее.

— Я не смог бы, даже если бы захотел, — сказал он. — Но продвижения по службе я добивался с тех пор, как пришел в министерство юстиции.

Если так, почему же Блейк не радовался своему повышению? С самого начала путешествия Жак ощущала его смятение и теперь понимала, что во всем виновата работа. Осознав это, она, к собственному удивлению, почувствовала себя только хуже. Оказывается, Блейк все еще пытается сдержать обещание, данное отцу, несмотря на то что прошло столько лет.

Но как может быть счастлив человек, влезший в чужую шкуру?

— Глупо отказываться от такого предложения, — произнес Блейк.

— Забудь о том, что думают другие. — Он должен понять, что, принимая решение, нужно опираться не только на разум, но и на чувства. — Чего хочешь ты?

Наступило молчание, которое, казалось, будет длиться вечно. Жак увидела боль в глазах Блейка.

— Мне нравится волнение, которое я испытываю, расследуя очередное дело, — медленно произнес он. — Я с наслаждением принимаю вызов. Чем выше я буду подниматься по карьерной лестнице, тем менее практической будет работа, — продолжил он, вздохнув. — Я счастлив сейчас.

— Тогда откажись.

Блейк сжал губы, затем сказал:

— Это хорошая возможность. Глупо упускать ее.

Жак приподняла бровь и вопросительно посмотрела на Блейка.

— Так считаешь ты? — Он колебался — это было видно по лицу. — Или твой отец, — уже тише уточнила Жак.

Глаза Блейка сверкнули, выдав правдивый ответ. Он снова смотрел на небо, голос его звучал приглушенно.

— Теперь сложно найти разницу.

Жак задумчиво рассматривала его лицо, пытаясь найти слова, способные избавить Блейка от тяжелого груза ответственности. Но ей хватало жизненного опыта, чтобы понять — таких слов может и не существовать. Блейк пережил автокатастрофу, и, хотя на теле его не осталось ни единого шрама, он был исполосован ими глубоко внутри. Жак знала: их-то как раз тяжелее всего лечить.

В глазах Блейк мелькнуло незнакомое выражение, он со свистом втянул воздух.

— И вот я ною о своем прошлом, а ты...

Жак прикрыла его рот своей ладонью. Она догадалась, что он собирается сказать.

— Это не соревнование, — произнесла она, одарив его мягкой улыбкой.

Она ни за что не позволит Блейку оскорблять прошлое упоминанием ее побед. Будто страдание можно сравнивать! Боль — всегда боль, не важно каким путем она пришла к тебе. А боль Блейка имела власть над его будущим.

Соблазнительные губы под пальцами Жак послали по ее телу импульс желания. Она не знала, как много времени сможет провести с Блейком. Ее обуяла настойчивая потребность похоронить свои тревоги, забыть о том, куда заведет ее этот роман — куда он заведет их обоих, — и просто предаться любви.

Губы Жак изогнулись в дразнящей улыбке.

— Но если мы сравним наши шрамы на теле... — Она снова села и спустила купальник до бедер, открыв отметины на животе. Она послала Блейку самый знойный взгляд, на который была способна, зная, что он сходит с ума от вида ее груди. — Мои шрамы более впечатляющи, чем твои.

Как Жак и надеялась, глаза Блейка вспыхнули огнем желания, когда он залюбовался ее изгибами.

— А это соревнование? — хрипло спросил он.

— Если бы и было, ты проиграл.

Жак одарила его соблазнительной улыбкой, и его горячий взгляд разжег огонь в ее теле. Дыхание стало частым и прерывистым, она заставила себя сидеть неподвижно.

С тех пор, как Жак показала Блейку свои шрамы, они много раз занимались любовью. Но как только он пытался провести пальцем хотя бы вдоль одной полосы на ее животе, Жак мягко направляла его руку туда, где жажда прикосновений была сильнее. Она надеялась отвлечь его.

Но Блейк откровенно говорил о собственных ранах, поэтому меньше, что Жак могла сделать, — это позволить ему рассмотреть ее. Все шло хорошо, пока он не коснулся особого шрама. Сердце Жак дрогнуло от ужаса.

Глава 10

Пальцы Блейка покоились на самом большом шраме Жак. Он видел страх на ее лице, но не пошевелился.

Она спустила купальник. Вряд ли в этот момент она думала о серьезном разговоре или о прошлом. Блейк вынудил себя смотреть Жак в лицо, несмотря на то что его взгляд стремился обласкать ее грудь. Если бы Блейк был более податливым, ее уловка сработала бы.

Он сглотнул, надеясь найти в себе силы на сопротивление. Он мельком посмотрел на соблазнительную грудь, затем уделил особое внимание неизгладимым отметинам на животе, хребтом проходившим под его пальцами.

Блейк проводил пальцем по шраму, напоминавшему знак решетки.

— На нем можно играть в крестики-нолики, — заметила Жак, пытаясь разрядить напряжение.

— Когда ты его сделала?

— На четырнадцатый день рождения, — ответила она, и его сердце отозвалось болью.

Жак была так молода. И так одинока в тот день рождения.

— Боже мой, Жак...

— Все нормально, — произнесла она, накрывая его руку своей, словно это ему была нужна защита.

Несколько мгновений она смотрела на Блейка, его взгляд был спокойным.

— За неделю до этого я впервые порезала себя — сделала отметки на запястье. И это было огромной ошибкой, — произнесла Жак, чувствуя желание Блейка узнать больше. — В школе заметили мои раны и вызвали приемных родителей. Они психанули и захотели, чтобы я ушла. — Она медленно вздохнула. Наступила тишина, нарушаемая лишь хлопаньем паруса на ветру. — Они испугались, что я сделаю нечто похуже... например, раню кого-нибудь из их детей.

Блейк тихо выругался — более резко, чем хотел бы. Жак улыбнулась, будто безропотно принимая обиду.

— Многие не понимают, — произнесла она. — Они считали, я таким образом добивалась внимания... или вообще слетела с катушек. — Жак приподняла бровь. — Когда мой парень увидел эти шрамы, он сказал, что я сумасшедшая. — Она легко пожала плечами, а Блейк вздрогнул, услышав, какой безжалостный приговор вынес ей возлюбленный. — Люди так реагируют из-за страха, — произнесла Жак так, словно давно смирилась с этой неутешительной правдой.

И Блейку не нравилось, что она так легко принимала суровую реальность. Понятно, парень был негодяем, но как же семья? Семья должна была защищать Жак, несмотря ни на что. И уж конечно, они не имели права выгонять ее.

Голос Блейка звучал грубо, когда он сказал:

— Ты самая цельная личность из всех, что я знаю.

— Спасибо, — мягко произнесла она, откинувшись на руки и вытянув ноги.

Блейк был благодарен Жак за то, что она не пыталась вновь прикрыть свои шрамы. Ужас и несправедливость ее судьбы искренне возмущали его. Пока он думал, как бы заглянуть в блузку учительницы, и решал смехотворные проблемы с друзьями, Жак боролась с поистине страшными секретами.

— Никто не должен расти в такой обстановке, — заметил он.

Жак слабо улыбнулась, словно пыталась смягчить впечатление от рассказанного.

— С тех пор я прошла долгий путь. В высшей школе я нашла клуб, и музыкальный терапевт научил меня играть на гитаре. Я выпустилась, получила консультацию психолога в колледже и получила работу своей мечты. — Она легко пожала плечами. — Счастливый конец.

Счастливым коней...

Рука Блейка покоилась на бедре Жак, он пытался не замечать касания ее мягкой, нежной кожи; желание струилось по его венам. Жак была потрясающей женщиной. Она обладала необузданной энергией и удивительной способностью возрождаться из пепла...

И все же чувствовалось в ней какое-то несоответствие: то она смелая женщина, уверенная в своем выборе, то — пугливая девочка, сомневающаяся в собственной привлекательности, Блейк ощущал это противоречие все время, пока они занимались любовью.

И сейчас нужно было изменить это.

Блейк придвинулся к Жак и поцеловал ее в шею, наслаждаясь ответным трепетом и тихим вздохом. Жилка пульсировала под его губами. Желание пронзило его. Блейк закрыл глаза, скользя губами ниже — к ключице.

Он погладил ее сквозь купальник. Она легла и приподняла бедра, помогая Блейку стянуть с нее облегающую ткань.

— Достойный вызов, — промурлыкала она, радуясь, что они наконец оставили неприятную тему.

Но Блейк не радовался.

Его сердце бешено билось. Отбросив купальник, он принялся любоваться прекрасным телом Жак. Нагая, тяжело дышащая, ждущая очередной дикой скачки, она смотрела на него знойным взглядом; Затем она раздвинула ноги.

Для него.

Неимоверным усилием он поборол желание овладеть ею, удовлетворить свою жажду. Он старался стать лучше; хотел доказать, что Жак прекрасна — снаружи и внутри.

Блейк провел пальцем по самому большому шраму на ее животе, напомиравшему сетку для игры в крестики-нолики. Жак напряглась.

Откинувшись на спину, она выгнула бровь.

— Когда ты снял с меня купальник, я и подумать не могла, что мы будем играть в крестики-нолики. — Она пыталась говорить беззаботно, но глаза ее беспокойно поблескивали.

Блейк проигнорировал ее попытку разрядить атмосферу и поцеловал сердито сморщенный, неизгладимый след.

Вздых разочарования, приправленный смущением, сорвался с губ Жак.

Блейк целовал ее живот, и мышцы напрягались под его губами. Он прошелся по всей длине шрама, затем положил руку между ее ног. По телу Жак побежали мурашки, она стала расслабляться, напряжение постепенно покидало каждую мышцу. Воодушевленный ее реакцией, Блейк принялся выводить языком крестики и нолики, перемежая их краткими поцелуями. Больше всего поцелуев досталось самому длинному шраму, который Жак нанесла себе в четырнадцатый день рождения.

— Никто не выигрывает в крестики-нолики, — хрипло произнесла она.

Блейк поднял голову и посмотрел на нее. На щеках Жак играл румянец желания.

— О, я умею выигрывать.

Распутная улыбка изогнула ее губы. Жак запустила пальцы в его густые волосы и выгнула спину. Она изо всех сил прижимала его голову к своему телу.

— Веселье и игры закончились, — сказала она. — Пора становиться серьезным.

— Еще нет.

Однако Блейк никогда в своей жизни не был так серьезен.

Он погрузил пальцы в шелковую влажность между ног Жак. Она закусила губу и застонала.

— Да... — выдохнула она в исступлении.

Его язык продолжал исследовать шрамы на животе Жак. Казалось, Блейк задался целью попробовать на вкус каждую отметину ее тела.

Вскоре она стала молить Блейка как можно скорее прекратить ее муки, но он лишь ужесточил напор. Жак захныкала.

На его лбу выступил пот, но не из-за жаркого солнца. Он знал, что она хочет его. И он жаждал отдать ей все. Они оба были в плену желания.

Но он будет сильным, черт возьми. Даже если умрет от этого.

Губы Блейка ласкали ее исполосованную кожу, он доводил ее до исступления. Он радовался вновь вспыхнувшему напряжению, потому что теперь его источником было удовольствие. Чем ближе Жак подходила к краю, тем громче стонала.

Наконец завершающее движение, и Жак выгнулась, пронзенная невероятным наслаждением.

— Блейк! — прокричала она, с силой вцепившись в его плечи.

В то утро, когда Жак узнала потрясающую новость о том, что Бульдог собирается спонсировать музыкальную программу центра для подростков, ее вырвало уже в третий раз за несколько прошедших дней.

В первый раз можно было списать все на случайность. Во второй она решила, что это отравление. Но в третий раз, когда не проявилось никаких симптомов вируса, Жак подумала о единственной оставшейся причине.

Сердце Жак бешено билось, одной рукой она опиралась о стену в ванной гостевого коттеджа, другой прижимала телефон к груди, пытаясь заглушить звуки лезущего наружу завтрака. Она едва держалась на ногах, с трудом продолжая вести беседу с матерью Блейка.

— Жак, — раздался приглушенный голос Абигейл из динамика. — Ты еще там? Что это за ужасный звук?

«Это я. Блюю. Потому что беременна от вашего сына».

Господи, неужели судьба так любит устраивать людям неприятности? Неделю назад Блейк целовал ее шрамы и она была готова сделать для него намного больше, чем просто подарить свое тело, которое постоянно напоминало о прошлом. Но его губы были такими мягкими, успокаивающими, а прикосновение к женскому естеству порождало огонь и доказывало, что она была прекрасна.

Блейк преподнес ей дар. Теперь, глядя на себя в зеркало, Жак могла выбирать: воспоминания о печальном прошлом или о времени, проведенном с Блейком. Тьма уступила место свету; удовольствие заменило боль.

Кто бы мог сопротивляться такому?

С тех пор как они вернулись из путешествия, Блейк стал навещать в гостевой коттедж каждую ночь. Что могло быть лучше?

Жак вновь приложила трубку к уху, вспомнив, что Абигейл ждет ответа.

— Просите, Абигейл. Я передвигала диван, — сказала она, вздрогнув от собственной лжи.

— А что это там за плеск?

Жак закрыла глаза:

— Я разлила чай, — снова солгала она и прочистила горло, пытаясь справиться с приступом паники. Жак вернулась к первоначальной теме: — Как вашему приятелю удалось привлечь Бульдога?

— Франклин послал ему видео твоего флешмоба, — объяснила Абигейл, радуясь счастливым новостям. — Его впечатлили способности твоей танцевальной группы и работа, проведенная ради центра. В подростковом возрасте он бывал в похожем клубе в Майами.

Жак почти видела, как Абигейл лучится улыбкой.

— И сыграло определенную роль то, что твой последний «концерт» в суде проходил под его песню.

Жак попыталась изобразить радость, хоть ей и было невероятно плохо.

— Это потрясающая новость, Абигейл. Что бы я без вас делала? Вы — лучшая.

— Не волнуйся, Жак. Может, как-нибудь тоже сделаешь мне одолжение, — ответила мать Блейка, и желудок Жак сжался, когда она подумала о знаменитых мятных булочках. — Кстати, об одолжениях, — продолжала Абигейл. — Не забудь о вечере, посвященном раку молочных желез. Сегодня в восемь. Я оставила ваши с Блейком приглашительные у двери.

Жак едва подавила тягостный вздох, вспомнив, что в обмен на выходные они обещали прийти на благотворительный вечер.

Как она сможет красоваться в длинном платье, пока печенье будет лезть из нее наружу? Да еще придется общаться с отцом ее ребенка, который и не подозревает, что он — отец? И разве Блейк не предпочел бы, чтобы матерью его детей стала Сара, рассудительная, ответственная и умная женщина? Та, которая воспитывала бы детей в идеальном порядке?

Жак снова замутило, и она сжала губы, задаваясь вопросом, продержится ли?

Ребенок.

Сердце застучало сильнее, она попыталась сконцентрироваться на разговоре с Абигейл. После продолжительного обсуждения события, платья, которое еще предстояло купить, предложения Бульдога Жак наконец смогла облегченно вздохнуть. Сейчас ничто из этого ее не занимало.

Она беременна.

Жак моргнула и попыталась успокоиться, разобраться в эмоциях. Страх, предчувствие беды и смущение. Достаточно, чтобы сойти с ума. Мысль, что она не подходит Блейку, угнетала ее. Но ко всему этому примешивалась еще и маленькая капелька надежды. И счастья.

Радости.

Жак закрыла глаза, пытаясь побороть сильные эмоции. Она машинально коснулась живота — того места, где были шрамы, которые ласкал Блейк. Там, под этой израненной кожей, жил ребенок — сын или дочь.

Ее единственный родственник умер, и впервые появился кто-то, связанный с ней генетически. Нерушимо.

Жак вздохнула и улыбнулась. Она почувствовала себя частью семьи Блейка, но стала отгонять приятное ощущение, боясь, что надежда, взлелеянная за долгие годы, окажется иллюзорной.

По крайней мере Никки и Абигейл могли стать семьей ее ребенку. Жак запустила руку в волосы, пытаясь освоиться с мыслью, что она, возможно, наконец обрела поддержку, родственную связь, любовь...

Но как насчет Блейка?

Сердце чаще забило в груди. Она боялась думать о Блейке, потому что их неудачная первая встреча и его невероятно длинный список требований не давали шанса длительным отношениям. Единственный выход — сконцентрироваться на настоящем и похоронить мечты о будущем.

Теперь это стало невозможным из-за ребенка. Блейк никогда не увиливает от ответственности. Но полюбит ли он Жак?

«Не смей надеяться, Жак».

Ее обуяло мрачное предчувствие. Броня, которая защищала сердце в течение долгих лет одиночества и после поступка Джека слабела с каждой минутой.

На глаза вновь навернулись слезы, но Жак проглотила их.

«Не веди себя как ребенок. Настало время для борьбы. Ты должна быть сильной. Ради малыша».

Проведя рукой по лицу, Жак принялась разрабатывать план. Во-первых, нужно окончательно убедиться в своем подозрении. Нет смысла прибегать к тесту, лучше сразу бежать к врачу. Если она не беременна, придется добраться до истинной причины плохого самочувствия.

Так или иначе, день начался со звонка врачу. А поскольку Жак не хотела провести благотворительный вечер, мучаясь вопросом, где и как лучше рассказать отцу ребенка всю

правду, — если она действительно беременна, — второй звонок должен быть адресован Блейку.

Тревога снедала Жак. Она вновь обхватила живот, словно желая уговорить ребенка вести себя хорошо, до тех пор пока она все не расскажет Блейку.

Глава 11

— Не понимаю, как это могло случиться! — ошарашенно произнес Блейк.

Они были в небольшом кабинете доктора Мерфи.

— Мы же всегда пользовались презервативом!

Последний раз Жак видела Блейка таким взволнованным, когда тот узнал, что она была девственницей, и испугался, что причинил ей боль.

Доктор Мерфи, рыжеволосая женщина средних лет, села за стол из грецкого ореха. Судя по выражению ее лица, она отнеслась к Блейку с пониманием.

Но его нервозность и хождение из угла в угол раздражали Жак.

— Сядь ты хоть на минуту и успокойся! — прикрикнула она, указывая на пустой стул рядом.

— Но я не понимаю... — повторил он, явно не собираясь садиться.

Доктор Мерфи снова молча посмотрела на Блейка. Ее кабинет казался маленьким для такого крупного мужчины, который к тому же пребывал в возбужденном состоянии. Доктор ждала, пока он успокоится и сможет выслушать ее объяснение.

Блейк не злился.

Он не выглядел загнанным.

Он казался человеком, на плечи которого свалилась тяжелая ответственность, и он не знал, как с ней справиться.

Жак осознала, что уже во второй раз за время их знакомства лишь она пытается сохранить хладнокровие. Ее сердце сжималось, когда она смотрела на мечущегося Блейка. На его лице застыло растерянное выражение, в глазах читалась уязвимость. Жак была взволнована, увидев этого мужчину — который привык контролировать каждый шаг — недоумевающим.

Оказалось, что его «показания» были не совсем точными.

— Ну, мы не использовали презерватив каждый раз, — произнесла Жак.

— Нет, использовали, — возразил Блейк, уставившись на нее. — Я там был, помнишь?

Она закатила глаза:

— Конечно помню.

Жак открыла рот, желая продолжить, но тут вмешалась доктор Мерфи.

— Значит, беременность наступила из-за того, что презерватив порвался, — заключила она.

— Порвался? — Блейк едва не обиделся. — Я не экономлю на контрацептивах. Я покупаю качественные презервативы.

Жак была впечатлена тем, как доктору Мерфи удавалось сохранять невозмутимый вид.

— Уверена, что ваши презервативы были самого высокого качества, — мягко произнесла она, и Жак не смогла подавить улыбку.

Блейк наконец остановился и посмотрел на врача, на лице которой читалось: «Господи, избавь меня от этих невежд».

Жак прокашлялась, собираясь закончить предыдущую фразу.

— Уверена, ты помнишь... — произнесла она, глядя на него, — когда мы впервые... — Она перевела взгляд на Мерфи. Врач терпеливо ждала продолжения, понимая всю деликатность ситуации. — Когда мы впервые поддались моменту, — закончила Жак и облегченно вздохнула.

Прошла секунда, и вот перед ними уже разумный человек, адвокат.

— Но я не кончил, пока не надел презерватив.

— Но если имел место незащищенный контакт во время сильного возбуждения, — спокойно продолжала доктор Мерфи, пока Жак хмурилась, услышав сухую медицинскую терминологию, — могла произойти прееякуляция.

Блейк выглядел так, словно окончательно утратил связь с реальностью. Он тонул.

Сердце Жак болезненно сжалось. Он действительно был неподражаем в своем страдании.

— Врачи спорят, содержится ли в субстанции прееякуляции сперма, — спокойно говорила Мерфи, а Блейк выглядел так, будто спустился в седьмой круг ада. — Некоторые ученые ничего не нашли, другие, наоборот, подтвердили присутствие спермы. В малых количествах, разумеется.

Жак вновь прочистила горло.

— Разумеется. Очень интересная информация. Заставляет задуматься, чему посвящены другие исследования.

Блейк, в свою очередь, не выразил заинтересованности в данном вопросе.

Невозмутимая доктор Мерфи спокойно продолжила:

— Такое возможно. Если до проникновения был оргазм, то в уретре могла остаться сперма, которая вышла во время прееякуляции.

Жак застыла, удивленная новостью. Она точно знала, что Блейк не спал с другой женщиной до того, как пришел к ней. Она поражено посмотрела на него.

— Ладно, но если у него и был оргазм до близости, то это произошло без меня, — сказала Жак.

— Мои предыдущие отношения закончились полгода назад, — твердо произнес Блейк. — Жак

— единственная женщина, с которой я занимался сексом в последнее время.

Доктор Мерфи оставалась невозмутимой.

— Но это не исключает мастурбации, — произнесла она, и Жак едва не поперхнулась.

«Да уж, доктор Мерфи не щадит его», — подумала Жак.

Она выдавила улыбку, ожидая, что Блейк будет все отрицать. Но румянец, выступивший на его щеках, показал, что Мерфи попала в яблочко.

Она только что открыта тайну преэякуляции.

Беспомощность Блейка, его смущение окончательно покорили сердце Жак. Бессмысленно было отрицать правду.

Жак была по уши влюблена в Блейка Беннингтона. Страх, который она испытывала перед тем, как рассказать ему все, уступил место настоящему ужасу. В горле образовался ком, утренняя тошнота превратилась в стыд.

Любовь.

Она любила Блейка.

Жак обхватила руками живот, сердце бешено стучало. Она должна быть спокойной. По крайней мере до тех пор, пока не останется в одиночестве. Только тогда можно дать волю чувствам.

Доктор Мерфи нажала несколько клавиш на ноутбуке.

— Жак, вы придете ко мне через несколько месяцев. И рецепт ваших лекарств будет в аптеке к концу дня. — Она ободряюще улыбнулась, но Жак лишь слегка скривила губы в ответ. Мерфи повернулась к Блейку: — У вас есть какие-то вопросы, мистер Беннингтон?

Жак была поражена, услышав в голосе врача вызов. Но Блейк, видимо, решил отступить. Он взял Жак под локоть и вывел из кабинета. Они прошли по коридору, мимо стен, увешанных изображениями яичников, матки и младенцев. Блейк старался смотреть вперед, словно боялся случайно поймать взглядом странные декорации больницы. Жак становилось легче.

Она не должна была так восхищаться уязвимостью Блейка. Или радоваться бреши, которая появилась в его броне. И уж конечно, не стоило так радоваться тому, что этот сильный мужчина оказался не в своей тарелке. Но его смущенный вид странным образом успокаивал, а Жак так надоело быть единственной нервной особой. Сейчас она была в панике, поэтому лучше не говорить Блейку о своих чувствах, о своей любви.

— Это правда? — спросила она, глядя на него.

— Что — правда? — уточнил он.

Его рука чуть сильнее сжала ее локоть. Блейк прекрасно понимал, о чем она спрашивает.

— До того как ты пришел ко мне той ночью... — начала она. — Ты вернулся домой после тяжелого рабочего дня и решил немного... расслабиться с помощью банки пива и прикосновений?

Его челюсть напряглась, краска вновь залила щеки. Это и стало ответом, который желала получить Жак. Она едва смогла сдержать смех, рвущийся из самой глубины.

А возможно, это был просто страх.

Не сказав ни слова, Блейк провел ее мимо регистрационной стойки в комнату ожидания. Там было двое детей и несколько женщин на разной стадии беременности. У одной живот был размером с гигантский шар, и Жак испугалась, что Блейк сорвется прямо здесь и сейчас.

Жак понимала его чувства. Она была влюблена в мужчину, который никогда не считал ее подходящей на роль спутницы. Слишком много требований, и ни одно из них она не удовлетворяла. Каково же ему сознавать, что такая женщина носит его ребенка?

Было очевидно, что Блейк не собирается отвечать на вопрос Жак о своем времяпрепровождении.

— Как твоё зрение? — поинтересовалась она как можно более невинно. Однако сильное раздражение внезапно охватило ее. — Не ослеп еще?

Взгляд Блейка говорил только одно: оставь меня в покое.

Жак даже не потрудилась понизить голос и продолжила изводить Блейка:

— Тебе было хорошо?

Взгляд Блейка был резок, но он молчал.

Он упорно отказывался отвечать, и Жак, выйдя из себя, но все же понизив голос до шепота, говорила:

— Ты думал обо мне, когда ласкал себя?

Он открыл для нее дверь, и она проскользнула вперед. На этот раз Блейк посмотрел на Жак с жаром, а не со злостью. Жажда вновь обуяла Жак, чувственное желание струилось через край теперь, когда она признала, что любит Блейка. Сердце ее билось от страсти, любви и страха из-за того, что она ответила на главный вопрос.

Глаза Блейка были темны, он посмотрел на нее, окатив волной жара.

— Ну уж точно не о чертовой королеве Англии, — наконец процедил он.

Жак, сидя в лимузине, тесно прижалась к Блейку. Он страшился торжественного мероприятия, потому что не мог выкинуть из головы мысли о произошедшем. Сегодня утром Жак позвонила ему и сообщила шокирующую новость. Теперь этот узел так просто не распутать.

Кто, черт возьми, мог знать, что мастурбация может привести к беременности?!

Блейк до сих пор не смирился с этой мыслью, а тут еще Жак отвлекает. Одетая в длинное красное платье на тонких лямках, она была прекрасна.

Скоро он станет отцом...

В животе образовалась неприятная пустота.

Сегодня, пока они были еще в доме, Жак заметила:

— Ты какой-то напряженный, Костюмчик. — Она завязала ему галстук.

Напряженный? Да он не в себе! Блейк вдохнул запах пряных абрикосов, все его чувства обострились.

Скоро он станет отцом!

Невыносимая тяжесть ответственности навалилась на него, комната вдруг показалась меньше. Конечно, он собирался когда-нибудь жениться, может, даже завести детей... Но это должно было случиться в далеком будущем, а не прямо сейчас.

— Ты уже психанул? — спросила Жак.

Едва ли. Он только начал.

— Я не психанул, — недовольно произнес он.

— Нет, психанул, — откликнулась Жак с легкой улыбкой. — Признай это. Ты полностью потерял самообладание. — Ее глаза сияли, но за этим светом Блейк различил обеспокоенность. — На свой манер, конечно, — добавила она.

Он смотрел на нее несколько мгновений, прежде чем ответить.

— Я не так собирался начинать семейную жизнь, — искренне произнес он.

Ее пальцы замерли, затем она опустила руки.

— Самое лучшее в жизни редко поддается планированию, — осторожно заметила она.

Не важно, планировали они это или нет, но ребенок был Блейка. Значит, и ответственность лежит на нем. Он как будто слышал голос отца, который говорил ему начать задумываться о последствиях своих поступков.

«Ты должен серьезно относиться к своему будущему, Блейк. Перестань думать только о себе и подумай о семье».

— Мы должны спланировать свадьбу, — сказал Блейк.

Рука Жак замерла.

— Для этого у нас еще полно времени, — ответила она.

Блейк нахмурился, не восприняв всерьез слова Жак.

— Подозреваю, что восемь месяцев пролетят очень быстро.

Жак заправила выбившийся локон за ухо и провела ладонями по ткани платья.

— Мы можем пожениться и после того, как ребенок родится.

Блейк понял значение этой фразы: Жак хотела притормозить. Ему не понравилась мысль о

том, что придется ждать. Почувствовав раздражение, он внимательно посмотрел на Жак.

— Мы должны пожениться до рождения ребенка, — твердо произнес он.

Она недовольно сморщила нос:

— Кто сказал?

Блейк открыл рот, но нужные слова не приходили на ум. Он пытался найти ответ, который не был слишком банальным и слишком устаревшим. Общество? Семья? Традиция? Для Жак все эти варианты прозвучали бы смехотворно.

— Я сказал, — наконец бросил Блейк.

Жак приподняла бровь, по ее лицу было видно, что она считает его ответ притянутым за уши.

— Я отказываюсь идти к алтарю под дулом пистолета.

Лимузин уже въезжал в респектабельную часть города.

Недовольный таким поворотом разговора, Блейк сжал губы в тонкую полоску, затем пробурчал:

— Никакого оружия.

Машина остановилась, водитель открыл дверцу, прервав их беседу. Воспользовавшись моментом, Жак выскользнула из салона. Блейк последовал за ней. Он взял ее за руку и повел по ступеням к роскошному современному зданию, удивленный увиденным. Конечно, событие было связано с медициной, но едва ли центр пластической хирургии подходил для проведения благотворительной акции, пусть и посвященной раку груди.

В этот вечер все было не так, как он ожидал.

Блейк провел Жак через стеклянные двери и заполненный гостями холл. Затем попробовал еще раз.

— Это же в интересах ребенка, если мы...

Жак повернулась, и, положив руку ему на грудь, посмотрела на Блейка внимательным взглядом.

— Оглянись, — произнесла она, указывая широким взмахом на богатую публику, сияющий паркет и сталь. — Сегодня мы повеселимся. А об этом можем поговорить позже.

Но в течение следующего часа и сорока пяти минут беспокойство усиливалось, отравляя вечеринку. Жак выглядела потрясающе в своем платье, с волосами, свободными волнами спадающими на плечи и спине. Она легко общалась с гостями, усугубляя этим болезненно-тревожное состояние Блейка. Шел молчаливый аукцион работ художника, посвященных проблемам женского здоровья, но Блейк не обращал на него внимания. Он чувствовал себя отстраненным. Одиноким. Блейк бросил взгляд на картину маслом, изображавшую женщину, делающую маммограмму. Кто станет позировать для подобной сцены? Видимо, художник мог сбавить такое произведение лишь на благотворительном вечере.

— Мне нравится эта, — произнесла Жак, рассматривая женщин на разной стадии

беременности, написанных маслом. Она улыбнулась. — Для мужчин это всего лишь несколько шагов.

Блейк искоса посмотрел на Жак, собираясь выложить еще один аргумент в пользу женитьбы до рождения ребенка, но тут его прервал голос:

— Блейк!

Он обернулся и увидел, как к ним приближается подруга матери, Гейл Тейлор. Худая блондинка за пятьдесят, светская львица, она явно не брезговала предложениями об увеличении груди. Она, улыбаясь, обняла Блейка. Он представил ее Жак.

— А, да. — Улыбка Гейл стала шире. — Я видела клип с той звездой рэпа. Тем, кто предложил профинансировать музыкальную программу для клуба подростков. Мои поздравления.

Жак просияла.

— Спасибо, — ответила она. — Жду не дожусь, когда смогу вернуться к работе.

Естественно, она не упомянула, что для начала с нее должны снять обвинение. Но, как обычно, Жак не заморачивалась деталями.

Блондинка, заговорщицки подмигнув, наклонилась к Жак. Голос ее стал ниже.

— Я слышала, недавно напали на волонтера клуба, когда она шла к машине, — сказала Гейл. Сердце Блейка тревожно забило, а Гейл продолжала: — Это не самый безопасный район. Будьте осторожны, Жак.

— Я там работала с тех пор, как окончила колледж. И до этого три года была волонтером. Она уверенно улыбнулась. — У меня никогда не возникало с этим проблем.

Выражение ее лица и тон подсказывали, что Жак была абсолютно спокойна. Но это ничего не значило, поскольку она вообще редко о чем-то беспокоилась, даже если это было действительно важно. Как, например, брак и ребенок.

И будущее малыша.

Блейк с трудом сдерживался.

— На волонтера напали? — спросил он.

— Прямо на этой неделе, — ответила Гейл. — Но сейчас она в порядке.

Он повернулся к Жак:

— Ты знала?

— Нет, — беззаботно улыбнулась она. — Но уверена, ничего серьезного.

— Вы шутите? — Гейл явно не была с ней согласна. — Ее избили до потери сознания. Коллега нашел ее на стоянке. Из раны на ее голове текла кровь.

Каждое слово доставляло Блейку нестерпимую боль, в уме рождались яркие образы. Отец в покоренной машине. Беременное тело Жак, распростертое на парковке.

Ладони Блейка вспотели, зрение затуманилось. Он мог видеть лишь розовые губы Жак, которые шевелились, когда она произносила какие-то фразы. Кажется, женщины вновь вернулись к теме работы в клубе. Но ее лицо расплывалось, накладывалось на лицо отца. Серое. Неподвижное.

Безжизненное.

Сердце бешено билось в груди, пот выступил на лбу. Накатила тошнота, горло жгло, желудок неприятно сжимался. Блейку нужно было прийти в себя. Пробормотав извинения, он развернулся и нырнул в толпу. Пролетел мимо портрета женщины в бумажном медицинском халате и бросился напрямиком в туалет.

Блейк закрыл дверь с тихим стуком. Борясь с тошнотой, он оперся о раковину, мрамор был прохладным под его горячими руками.

Если бы он поел, возможно, его бы вырвало. Уговаривая себя держаться, Блейк неплотно заткнул раковину и набрал воды. Его тело дрожало от тревоги. Блейк наклонился над раковиной и уставился в маленький вихревой поток воды. Все бесполезно. Как бы Блейк ни старался, все, что он видел, — это безжизненное лицо отца, медленно превращающееся в лицо Жак.

Он умылся ледяной водой. Холод — как раз то, что нужно, чтобы прийти в себя. Вытерев лицо бумажным полотенцем, Блейк глубоко вздохнул и собрался с мыслями. Пора вернуться на вечеринку. Вернуться к Жак.

И надо придумать, как заставить ее принять верное решение.

Жак рассматривала портрет женщины, сидящей на столе для осмотра. Ее ноги прикрывала простыня. Взгляд Жак был хмурым и задумчивым.

— Я бы не хотела, чтобы это висело у меня на стене, — легко произнесла она, не замечая смятения, в котором пребывал Блейк. — Но я надеюсь, что ты предложишь цену за одну из тех женщин, которые ждут...

— Меня не интересуют эти картины, Жак, — грубо прервал он ее, пытаясь успокоиться и подавить нарастающий гнев.

Или хотя бы сделать вид.

Жак удивленно на него посмотрела:

— В чем проблема?

— Прямо сейчас, — начал он, изо всех сил стараясь приглушить голос, — проблема в твоём глупом упорстве отложить свадьбу. А еще в том, что мать моего ребенка каждый день проводит в опасной части города.

Жак развернулась к нему, словно приготовившись к битве. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем она заговорила:

— Список правил не уберезет тебя от беды. Мир полон опасностей.

Блейк усмехнулся, выказывая презрение к банальности ее утверждения. Эту банальность он

ненавидел больше остальных.

«Это была случайность, Блейк. Смерть твоего отца — не твоя вина».

— Некоторые районы хуже других, и ты прекрасно это знаешь, — возразил он.

Просто очередной досадный жизненный факт из многих, которые Жак обычно игнорировала.

— Теперь мы семья, и мы должны подтвердить это официально.

Жак медленно вдыхала и выдыхала, пытаясь сдержать бешеные эмоции, рвущиеся наружу.

— У этого ребенка большая семья. Мама, папа и любящая бабушка, которая будет печь ему или ей ужасные кексы на день рождения. А Никки будет замечательной тетей, — произнесла она и, отвернувшись, перешла к следующей картине.

Неожиданно Блейку в голову пришла ужасающая мысль. Жак ведь может и отказаться. Она может никогда не произнести «да».

Блейк был вынужден наблюдать за ней боковым зрением. Жак с ее наплевательским отношением к безопасности, чьи действия привели не только к увольнению, обвинению и тюрьме, но также угрожали ее здоровью и даже жизни, выводила его из себя.

И Блейк должен был волноваться еще больше, так как теперь поведение Жак отражалось не только на ней самой, но и на ребенке.

Страх обуял Блейк, он решительно последовал за ней.

— Жак, — произнес он, приблизившись, — почему ты отказываешься узаконить наши отношения?

— Послушай, Костюмчик. — Она развернулась и посмотрела ему в глаза. — Я всегда мечтала о семье. Но...

— Так выходи за меня, — попросил он.

Ее глаза блеснули. Жак выждала несколько мгновений, прежде чем ответить.

— У меня уже есть официальная семья, — произнесла она низким голосом. — Я уже давно решила, что мне не нужен мужчина, чтобы вести полноценную жизнь. Твоя мать, сестра и наш ребенок — вот семья, которая мне нужна, — закончила она и направилась к следующей картине.

Блейк пораженно замер, уставившись на спину Жак; ее слова эхом отдавались в его голове.

Она никогда не скажет «да».

Прошло несколько секунд, прежде чем Блейк смог пошевелиться и вновь последовать за Жак.

Его страх разросся до угрожающих размеров, придав ему сил притвориться спокойным.

— Может, прекратишь убегать от меня? — спросил он, схватив Жак за руку и развернув к себе. — И почему, черт возьми, ты всегда ведешь себя неразумно?

Она резко вскинула голову, лицо ее побледнело. Мурашки побежали по спине Блейка. Он знал, что только все испортил.

Глава 12

Неразумная.

Слово не выходило у Жак из головы. Неразумная. Или, как сказал когда-то ее бывший парень Джейк, сумасшедшая.

Воспоминание, будто сверло, вкручивалось в сознание. Лицо Жак побледнело. Душа ее кровоточила. Она машинально положила руки на живот, ища силу у шрамов, олицетворявших битву, которую она вела в прошлом и которую выиграла. Ужасных демонов, с которыми она столкнулась и которых сразила.

Самый большой шрам можно было почувствовать сквозь шелк платья. Чуть ниже — в целостности и сохранности — лежал ребенок.

«Ты — борец, Жак. Ты — борец».

Но в данный момент она не ощущала способности сражаться. Она изо всех сил старалась не показывать разочарования, которое охватило ее, едва она услышала неромантичное предложение Блейка. Разумное и логичное, оно не имело ничего общего с любовью. Она была готова дать ему время, понимая, что новость о ребенке оказалась неожиданной. Но, к сожалению, речь Блейка сильно смахивала на навязывание его воли.

И теперь Жак задалась вопросом, вел ли он себя так только потому, что волновался из-за ее прошлого?

Она вздохнула, пытаясь успокоиться.

— Знаешь, — начала она, с трудом скрывая дрожь в голосе, — то, что у нас будет ребенок, еще не значит, что мы должны пожениться. — Она выхватила свою руку. — Мы же не хотим, чтобы ты жил неразумно.

Ее сарказм не подействовал.

— Жак, — произнес он сухим тоном, который выводил ее из себя. — Ты не права.

Его попытки поступить правильно раздражали ее; ей хотелось вопить от безнадежности.

— Я не права? — произнесла она низким голосом. — По-моему, это ты пытаешься диктовать мне, когда выходить замуж. Где работать.

Жак знала, какое чувство управляет решениями Блейка.

Страх.

Она думала, он принял ее прошлое. Ее шрамы. Но это не так.

Гнев возрастал с каждой секундой. Но гнев этот был связан с болью. Мечта о счастливой семье разрушалась прямо у нее на глазах. Именно тогда, когда она, казалось, нашла свое место.

Сколько еще раз ей придется повторять один и тот же урок?

Жак закрыла глаза, прежде чем продолжить.

— И знаешь что? — добавила она. — Я мечтала о замужестве и семье, но никогда не думала, что это будет с мужчиной, который считает меня сумасшедшей.

— Я не говорил, что ты сумасшедшая, — возразил Блейк. — Ты перевираешь мои слова.

Жак взъерилась и сделала шаг вперед.

— Не указывай мне, что говорить! Ты назвал меня неразумной! — Она уперлась руками в бока. — А это почти одно и то же.

— Что плохого в том, что я хочу жениться на матери моего ребенка?

Жак уставилась на Блейка, разрываемая выбором: согласиться — потому что сама мысль о жизни без него причиняла боль, — или бросить ему в лицо «нет». Создавать семью с мужчиной, который считает ее ненормальной, будет пыткой. Жак не хотела еще раз проходить через те же испытания. Тем более по вине собственного мужа.

Жак сжала кулаки, ногти впились в ладони. «Выходи за меня, Жак. Я люблю тебя, Жак». Где все эти слова?

— Слушай, Костюмчик, — произнесла она, пытаясь скрыть ярость. — Если тебе сложно иметь дело с неразумной женщиной, ты не должен хотеть жениться на мне.

Блейк бросил на нее хмурый взгляд.

— Нам будет легче говорить об этом, если ты перестанешь сравнивать меня с кем-то из твоего прошлого, — произнес он. — Я — не тот, кто сбежал, узнав правду о шрамах.

— Нет, — ответила она. — Ты человек, который считает меня неразумной только потому, что я не позволяю собой командовать. Я не собираюсь следовать твоим глупым правилам.

— Жак, — продолжал увещевать ее Блейк, — я виноват в том, что моя мать потеряла мужа. Я виноват в том, что Никки потеряла отца. — Мышцы его лица напряглись. Жак была готова поклясться, что еще немного — и Блейк потеряет над собой контроль. — Я облажался и позволил отцу умереть. Я облажался и сделал тебя беременной.

Она была его неудачей.

Наступил тягостный момент, наполнив сердце Жак пустотой и лишив ее лицо остатков красок.

Блейк приблизился к ней вплотную, его лицо было хмурым.

— И я не собираюсь портить жизнь своему ребенку, — сказал он. — В этот раз я все сделаю правильно.

Жак моргнула, желая прогнать выступившие слезы.

— Отлично, Блейк. — Ее голос был сиплым, она с трудом выговаривала слова. — Это заставит меня чувствовать себя желанной.

Понимая, что еще немного — и она окончательно потеряет контроль, Жак развернулась и направилась к главному выходу. Подальше от Блейка.

Но он схватил ее за локоть, будто собираясь проводить; по лицу было видно, что он расстроен.

— Я не то имел в виду.

— Я думаю, каждое твое слово — правда. — Сердце Жак бешено стучало о ребра. — Вот как тебе надо поступить, Блейк, — произнесла она, выдергивая свою руку. — Ты должен разобраться со своим чувством вины, только тогда сможешь решить проблему с Никки. Ты должен отпустить ее и позволить ей совершать ошибки. Тогда она почувствует необходимость их исправлять. И... — Она сделала глубокий вздох. Настал решающий момент. Жак не сможет быть с мужчиной, который сомневается в ее суждениях. — Я с удовольствием разделю опеку с тобой, — продолжила Жак, выпрямившись. Сердце ее было разбито. — Но твоя мать, Никки и этот ребенок — та семья, которая мне нужна. За тебя я не выйду.

Блейк в смятении запустил руку в волосы:

— Жак, ты беременна моим...

— Мне не нужно твое разрешение, — сказала она, ткнув его в грудь. — Мне не нужно, чтобы ты защищал меня от меня самой. И уж конечно, мне не нужен муж, который считает, что связь со мной — это ошибка. — Жак уставилась на Блейка, поражаясь, как разбитое сердце может все еще биться. — Видимо, твой список правил оправдал себя. Я неподходящая для тебя женщина.

С этими словами Жак повернулась и покинула здание.

Вскоре Блейк второй раз оказался в больнице. Никки должны были снимать гипс, и, к счастью, кабинет ортопеда ничем не напоминал кабинет доктора Мерфи. Здесь на стенах висели изображения мышц, костей и суставов, портреты спортсменов, выполняющих какое-либо действие. Блейк был доволен более мужским оформлением помещения.

Жизнь его была сейчас нелегкой. Он плохо спал и не мог сосредоточиться на работе. Впервые за несколько лет Блейк взял неделю отдыха. Все было бы прекрасно, если бы не постоянное беспокойство из-за пропавшей Жак. И из-за ребенка, и из-за будущего.

Пока они ждали врача, Никки перемещалась по кабинету на своих костылях, и это еще больше озлобило Блейка. И конечно, тема, которую выбрала сестрица, успокоения не приносила.

— Я все еще не понимаю, почему Жак так внезапно уехала, — сказала Никки, и сердце Блейка забило чаще. Стук костылей сводил с ума. Она разочарованно вздохнула, продолжив: — Она выглядела расстроенной. А я думала, все будет в порядке, как только она найдет деньги на свой клуб.

Так и случилось, если бы Блейк не вывел Жак из себя, пытаясь заставить поступить разумно. И если бы она не была такой упертой и не пыталась связать его действия с нежеланием принять ее прошлое.

Сразу после благотворительного вечера Жак оставила на телефоне Блейка сообщение. Она сказала, что не хочет, чтобы он вел ее дело. Он попытался дозвониться до нее, но трубку никто не брал.

Блейк испугался, что Жак решит сама себя защищать и придет с суд одна. Тогда он связался с Сарой и попросил ее о помощи.

Блейк ненавидел быть вне игры.

Он попытался побороть противоречивые эмоции и обратил внимание на Никки.

— Жак ушла не из-за тебя, Никки, — произнес он.

— Я знаю, — спокойно откликнулась Никки, словно ни капли не сомневалась в этом. Она остановилась прямо перед братом и передала ему костыли, собираясь сесть. — Вы же поссорились, да?

Взяв костыли, Блейк подавил растущую панику и попытался стереть с лица обеспокоенное выражение. Он не хотел обсуждать свои проблемы с сестрой, но Никки была достаточно умной, чтобы понять: Жак ушла по его вине. И, каждый раз спрашивая его, Никки давила все сильнее. Сегодня она решила докопаться до истины.

— Что между вами произошло? — спросила она.

Блейк посмотрел ей в глаза. Рано или поздно он все равно должен будет рассказать правду. И он ничего не решит, если будет тянуть время.

— Жак беременна от меня, — произнес Блейк, опасаясь реакции сестры.

Никки резко выдохнула, и радость на ее лице могла бы рассмешить Блейка, если бы он не был так несчастен.

— У тебя будет ребенок? — уточнила она.

Неуверенность из-за будущего с Жак, из-за будущего его ребенка словно превратилась в ком, который всей тяжестью давил на живот. Блейку было тяжело дышать, его тошнило. Лицо выдавало его мысли.

Никки внимательно посмотрела на брата:

— Но что ты такого сделал?

Блейк запустил руку в волосы и печально вздохнул:

— А почему ты считаешь, что плохое случилось по моей вине?

— Потому что обычно это так и есть, — спокойно ответила сестра. — Ты попросил ее выйти за тебя замуж?

— Типа того...

— Ты не можешь «типа того» попросить женщину выйти за тебя. Теперь расскажи мне, как все произошло, и, может, я сумею помочь.

— Я сказал ей, что мы должны пожениться.

Никки шлепнула его по руке, удар был довольно болезненным.

— Ты просто дурак, — произнесла она. — Ты сказал ей? — Сестра испустила горестный вздох. — Настолько же неромантичным ты был?

Лицо Блейка исказилось сожалением.

— Я не имел в виду, что должно быть так. Просто когда она сказала, что ты, мама и этот ребенок — все, что ей нужно, я... — Блейк тяжело вздохнул, с горестью осознав, что несет чушь. — Я утратил самообладание.

Он всегда был расчетливым парнем, никогда не проявлял волнения, даже в суде. Так куда же подевалось все его хладнокровие? Куда делся мужчина — непробиваемый даже в стрессовых ситуациях? Блейк знал ответ. Он был ослеплен видением умирающей Жак, мертвого отца.

Так кто из них позволял прошлому влиять на настоящее?

— Что в точности ты сказал? — продолжала допрос Никки.

— Я сказал, что она должна поступать разумно...

— Святой гуакамоле, Блейк! — выдохнула Никки. — Не могу поверить, что ты сказал беременной женщине поступать разумно. Мы не в восемнадцатом веке. Люди не обязаны жениться, если у них общий ребенок. И бога ради! Она же не свидетель, чтобы ты советовал ей, что и как говорить. Она — женщина, — произнесла Никки, заставляя брата чувствовать себя еще хуже. — Беременная женщина! И она вправе вести себя глупо — состояние позволяет. Нельзя было давить на нее своим авторитетом. — Сожаление, отразившееся на лице Блейка, немного смягчило Никки. — Ты ее любишь?

Любовь.

Блейк закрыл глаза. Если бы он не встретил Жак, наверное, был бы с Сарой. А если бы он встречался с Сарой, то сейчас она бы уговаривала его принять должность. Старался бы получить повышение. Она бы четко изложила ему свое мнение, и в результате Блейк выглядел бы полным дураком, реши он отказаться. И в конце концов он бы согласился и занялся работой, которая бы навсегда избавила его от волнений в зале суда. И он бы продолжил дело, которое — как он сейчас понял — стало петлей на его шее. И она затягивалась. Душила его. И делала несчастным.

Но Жак побудила его следовать зову сердца.

Жак освободила его...

Блейк уперся локтями в колени, голову положил на руки и уставился в идеально чистый пол.

— Да, — сказал он. — Я люблю ее.

Эта простая истина была где-то на краю сознания, насмеялась над Блейком. А признание правды только усугубило боль.

— И я упустил ее.

Никки принялась нежно водить руками по его спине, описывая круги меж лопаток.

— Уверена, все уладится, — бодро сказала она, пытаясь вселить в брата немного оптимизма. — Ты поступил так, как считал нужным. Заботился о тех, кого любишь. — Тугой узел в груди

начал расслабляться, и Блейк благодарно взглянул на сестру. — По-своему, конечно, — раздражая всех и принуждая. — Никки улыбнулась. — Даже могущественному Блейку Бенningтону позволено совершать ошибки.

Ошибки. За одну из них заплатил жизнью его отец, и Никки осталась без родителя в двенадцать лет. Чувство вины больно кольнуло Блейка.

— Кстати, об ошибках, — добавила Никки. — Я забыла поблагодарить тебя за то, что пришел за мной больницу после несчастного случая.

— Это не было так уж важно. — Блейк попытался произнести это легко, но не вышло.

— Неправда, — ответила Никки. — Это важно. Ты бесил меня, но все же всегда был рядом. И ты знаешь, как мама... — Она замолчала.

Никки не закончила предложение. Она просто обняла брата.

— Да, — грубо признался Блейк. — Я знаю...

Абигейл была полна жизни и любви, но на нее нельзя было положиться. А ребенку иногда нужна поддержка. Блейк сделал все возможное, чтобы обеспечить таковой Никки. Но это было всего лишь данью справедливости, так как девочка осталась без отца.

Жак была права, говоря, что он должен быть честен с Никки.

Сестра прочистила горло и сказала:

— В любом случае я всегда могла рассчитывать на тебя.

Блейк вновь ощутил вину — выхода не было. Он должен был признаться и показать, что не заслуживает ее доверия.

— Это я виноват в смерти отца, — произнес Блейк.

Рука Никки замерла, она пристально посмотрела брату в глаза. Конечно, она была зла на него за то, что он отобрал у нее отца, когда она была маленькой. Сможет ли Никки когда-нибудь простить его?

Прошло несколько долгих мгновений.

Никки убрала руку и сказала:

— Я знаю, что произошло той ночью.

— Нет, не знаешь. Я...

— Я слышала вас с мамой разговор много лет назад, — спокойно прервала его Никки. — Дебош в колледже. Ты напился. — Тень улыбки мелькнула на ее губах. Полиция. Арест.

Она знала. Все это время она знала.

Никки замолчала, и Блейк задался вопросом, смогли ли они хоть раз одурачить эту умную девушку? Видимо, нет.

— Я горжусь тем, что ты стал великолепным адвокатом, Блейк, — мягко произнесла она, затем нахмурилась, словно не зная, как продолжить. — Но...

Наступила длинная пауза.

— Но?.. — поторопил ее брат.

— Но я помню. Как все было, когда отец был жив. Ты был веселым. Мне иногда хочется, чтобы не приходилось делать выбор.

Взгляд Никки напомнил Блейку взгляд отца. Там была мудрость, которой он раньше не замечал. Может, потому, что не присматривался.

Всегда есть выбор.

Страсть или разум.

Потребность или долг.

Почему нельзя выбрать и то и другое? Не это ли пыталась сказать ему Жак в тот день, когда они плавали на лодке?

«Что так подкосило тебя?»

Решение пришло. Блейк посмотрел на Никки:

— У меня есть еще неделя до слушания Жак. Ты сможешь мне вернуть ее?

— Конечно помогу, — ответила Никки. — Но что бы ты ни сделал, пусть это будет прекрасно.

Глава 13

«Опаздываешь на собственное слушание, Жак. Отлично».

Жак торопливо поднималась по лестнице здания суда, шепча ругательства сквозь стиснутые зубы. В руке она держала сумку. Утром ее вырвало, поэтому график немного сбился. И кто мог знать, что поиск места для парковки займет целых пятнадцать минут? В результате она встала очень далеко от входа, что тоже не помогло делу.

Жак все еще тошнило, когда она вошла внутрь, понеслась к лифту и отчаянно ударила по кнопке вызова. Сердце бешено билось, ладони вспотели. Жак нетерпеливо переступала с ноги на ногу, молясь, чтобы лифт поторопился. Посмотрев на цифры — показатели этажей, — она готова была закричать от отчаяния. Когда лифт замер на предыдущем этаже, она застонала и взглянула на часы. Она опаздывала уже на десять минут, а ей еще надо было подняться на четвертый этаж.

Ситуацию усугубляло то, что Жак знала: Блейк не будет сегодня защищать ее в зале суда.

В который раз с момента расставания заныло в груди. Никакая песня, сыгранная на гитаре, не передаст ее боли. Первые три дня прошли в жуткой печали. Затем Жак кое-как собралась с силами и занялась делами клуба. Хотя предстояло еще убедиться, что Саре удастся снять с нее обвинения, и тогда Жак сможет вернуться к работе.

Лифт наконец прибыл. Жак вошла внутрь и нажала кнопку нужного этажа. Странно, но страх потерять работу больше не мучил ее. Жак вдруг поняла, что с радостью променяла бы деятельность в клубе на Блейка, который любил бы ее и доверял ей. Но он не верил ей, не принимал всерьез ее слова и решения. И не принимал ее как мать своего ребенка.

Правда ранила, больно давила на сердце, но Жак постаралась забыть про грустные мысли. Двери лифта открылись, и она вышла. Сейчас не время размышлять над тем, что могло бы быть. От нее теперь зависит ребенок.

Сглотнув подступивший к горлу ком, Жак направилась по коридору. Ее трясло от волнения все сильнее, по мере того как она приближалась к дверям в зал суда, готовясь к наказанию. Или, может, к простому выговору.

Жак надеялась, что на выходе ее не будет ждать полицейский, который закует ее в наручники и поволочет куда-нибудь далеко.

Она была поражена, обнаружив, что все участники заседания столпились вокруг одного монитора и, кажется, даже не обратили внимания на то, что обвиняемая опоздала. Жак замерла, пытаясь свыкнуться с мыслью, что катастрофа, которую она со страхом ждала, превратилась в очередное заурядное событие.

— Жак! — слышался голос.

Она повернулась и увидела Никки и Абигейл в окружении нескольких детей и сотрудников клуба. Они расположились на одной из скамей, которые тянулись по залу суда, напоминая церковные скамьи. Такое сравнение пришло на ум не случайно — видимо, молитвы Жак были услышаны.

Жаль только, что главная просьба осталась без ответа.

Ободряющие улыбки друзей и новоиспеченной семьи, одобрительные жесты Абигейл были так нужны Жак, что она прослезилась.

Она сглотнула и помахала в ответ.

Надеясь, что ее опоздание так и останется незамеченным, Жак повернулась и по проходу направилась к противоположному концу помещения. И тут она заметила знакомую фигуру в темном дорогом костюме, и сердце ее забилось чаще. Дрожь пробежала по всему телу.

Шаги Жак замедлились. В этот момент Блейк обернулся и встретился с ней взглядом. Несколько секунд пришлось потратить на то, чтобы успокоиться.

Взгляд Блейка был тяжелым. Он смотрел на нее со смесью облегчения, восторга и голода, и тело Жак непроизвольно отвечало. Да, Блейк испытывал желание, но хотел ли он видеть ее? Или он просто обрадовался, что она в порядке, так как волновался за ребенка? Может, он вознес хвалу Небесам за то, что Жак наконец появилась и теперь у нее есть шанс избежать обвинительного приговора?

Сердце билось так громко, что казалось, стук можно было услышать во всех уголках зала суда. Окатив Блейка самым холодным взглядом, на какой только была способна, она прошествовала вперед и села рядом.

— Я опоздала, — прошептала Жак, поняв, что сделала глупость, предав себя прямо в руки

Блейка. Осталось только шлепнуть его по руке и попросить перестать винить себя в смерти отца. — Не могла найти место для парковки.

— Не волнуйся, — прошептал он в ответ. — Они были заняты, так что никто не заметил.

— Где Сара?

— Я заплатил ей за отработанное время и сказал, что сегодня сам обо всем позабочусь.

Жак тяжело застонала:

— Пожалуйста, скажи, что не собираешься намеренно проигрывать мое дело, чтобы я не смогла вернуться на работу в клуб.

Его взгляд был серьезен.

— Я собираюсь опровергнуть каждое обвинение, выдвинутое против тебя.

— Ох, — выдохнула Жак, чувствуя себя еще более глупой из-за предположения, что Блейк намеренно хотел испортить ее будущее. — Ну... — Она попыталась проглотить ком в горле. — Спасибо тебе.

Серые глаза Блейка застывали Жак. Они ярко блестели на его прекрасном лице с правильными чертами и темными бровями. Лишь тонкий шрам выпадал из общего идеального образа.

Учитывая все, что между ними произошло, ее благодарность звучала слабо и бесцветно. Щеки Жак покрыл румянец смущения. Шум в зале суда будто отошел на задний план. Она машинально положила руку на живот, черпая силу у маленького плода. Она хотела надеяться.

— Ты выйдешь за меня? — спросил Блейк низким голосом.

На глаза Жак выступили слезы, и она обрадовалась, когда, собрав волю в кулак, все же удержалась от рыданий. Было трудно вести столь сложный разговор, когда плачешь как дитя малое. Жак хотела крикнуть «да». Но иногда поступки, которые подсказывало сердце, не были мудрыми. Временами будущее — лучшее будущее — зависело от разума. Логике. И это тот самый раз.

— Я люблю тебя, Блейк. — Она говорила уверенно, хоть и шептала. — И возможно, на какое-то мгновение прошлое вновь обрело власть надо мной. Но я заслуживаю большего, чем мужчину, который сомневается в моих суждениях.

Блейк нахмурился, на его лице отразилось сожаление. Но обыкновенное «прости» и «я все испортил» здесь не поможет. Их совместная жизнь, семья были для Жак слишком важны, чтобы сдаться вот так. Жак заставила себя не отводить взгляд.

— Я не могу выйти замуж за человека, который женится на мне из чувства долга и ответственности.

Сердце отбило несколько ударов, и Жак приготовилась слушать речь Блейка, которая, она была уверена, после десяти лет практики будет выдающейся.

«Борец, Жак. Помни, ты — борец».

— Я прошу тебя об этом не из-за ребенка, — сказал он, его челюсть напряглась, в глазах читалось смятение. — Я прошу тебя не потому, что ты сделала меня счастливым, и не потому, что увидел в твоих шрамах силу. И даже не потому, что твоя смелость воодушевила меня отказаться от повышения, которое сделало бы меня несчастным.

Жак пораженно уставилась на Блейка:

— Ты отказался от повышения?

— Да.

Ее сердце смягчилось. Блейк смотрел на Жак. Она старалась игнорировать его красивое тело, скрытое под идеально сидящим костюмом, свежий морской запах. Ее вновь охватил знакомый трепет.

Блейк продолжал:

— Меня даже не волнует то, что Никки и мама, вероятно, убьют меня за то, что я упустил возможность быть с тобой.

Его взгляд был беспомощным. Жак подавила желание улыбнуться. По крайней мере его речь была близка к тому, что она ожидала услышать.

Блейк наклонился вперед, и тело Жак мгновенно отреагировало на его близость.

— Я прошу тебя выйти за меня, потому что люблю тебя и не могу представить женщину, которая подошла бы мне больше, чем ты.

В висках застучало, в ушах стоял шум. Жак начала сдавать позиции и проигрывать войну с собственными слезами.

Он любит ее.

Надежда вновь разгорелась в душе Жак.

— Ты выбрал отличное время для признания, — произнесла она обвиняюще, но вряд ли ее тон мог кого-то обмануть. Она улыбнулась, потом приподняла бровь. — А ты разве не хочешь подождать конца слушания, прежде чем вешать на себя брачные обязательства?

— Осужденная преступница или нет — ты все равно женщина моей жизни, — решительно произнес Блейк.

— Это самые романтичны слова, которые я когда-либо слышала.

Глаза Блейка блеснули.

— Жак, пожалуйста, выходи за...

— Итак! — произнес клерк. Жак готова была зарыдать от разочарования. — Технические неполадки улажены. Хотя для этого нам не нужна была целая команда техников. — Мужчина потер лысеющую голову. — Кто-то вынул кабель из сетевой платы.

Жак пораженно посмотрела на Блейка, который откинулся на скамье. Он выглядел довольным,

словно кот, заметивший аппетитную канарейку. Очень толстую канарейку. Жак узнала знакомый озорной блеск в глазах Блейка, и причина стала кристально ясна.

Жак придвинулась к нему ближе, все еще не до конца веря в свою догадку.

— Это ты выдернул кабель, чтобы дать мне фору?

Его бровь поползли вверх.

— Конечно нет, — насмешливо произнес он. — Это было бы неправильно.

Но выражение лица Блейка говорило об обратном.

Жак моргнула, пытаясь привыкнуть к странной мысли. Как он провернул этот трюк? И почему никто ничего не заметил? Блейк, который много лет следовал букве закона, придерживался строгих правил, убедил всех в своей бескомпромиссности, вдруг предстал совершенно в ином свете.

Таким образом, никто не заметил ее опоздания.

И в этот момент все приемы защиты, которые она разработала, враз стали неэффективны. Ее сердце таяло, мир ее наполнялся надеждой.

Пораженная до глубины души и тронутая невероятным поступком, она могла лишь неотрывно смотреть на Блейка.

Затем клерк объявил, что пора начинать. В зале появился судья, и Блейку пришлось поднять Жак, так как она все еще была под впечатлением от случившегося и едва ли что-то соображала.

Слушание тянулось медленно, Блейк полностью сосредоточился на процессе. Правда, ему было нелегко находиться рядом с Жак и ощущать пряный запах яблока и корицы, исходивший от нее. Красная блузка усиливала медовый оттенок волос, джинсовая юбка была достаточно длинной, чтобы вызвать уважение, но все же оставляла пространство для воображения. И эти сексуальные ковбойские сапоги лишь только подогревали желание.

Вскоре с Жак сняли все обвинения, и Блейк наконец вздохнул с облегчением. Жак повернулась к нему. Глаза ее горели, лицо светилось, и Блейку потребовалось все самообладание, чтобы не податься вперед и не запечатлеть на ее губах поцелуй. Ему хотелось только одного: ослабить боль, которую вызвало отсутствие Жак. Ему была нужна эта отважная, сильная женщина.

— А сейчас, мисс Ли, — как всегда невозмутимо произнес судья Коннор, — посмотрим, сможете ли вы избежать необходимости появляться здесь снова. Что же до вашего мнения по поводу «Рамоунз»... — Глаза пожилого мужчины блеснули, когда он посмотрел на сумку, на которой была эмблема группы. — Вы ошибаетесь. «Клэш» и «Секс пистолс» повлияли намного сильнее.

Заметив подозрительно спокойное выражение лица Жак, Блейк напрягся. Но тут она покорно улыбнулась:

— Да, сэр.

Блейк облегченно вздохнул. Когда присутствующие стали расходиться, Жак невинно на него

посмотрела:

— Что? Думал, я буду спорить с судьей?

— Ни в коем разе, — соврал он и улыбнулся.

Блейку нравилось, как Жак бушевала там, где обычные люди боялись сделать лишний шаг. Ведь ее смелость, ее жар, ее энергия были ему так нужны. И одно он мог сказать с уверенностью — жизнь с Жаклин Ли будет потрясающей. Правда, при условии, что она согласится выйти за него замуж.

Блейк был весь на нервах с тех пор, как неудачно сделал Жак предложение. И вести процесс женщины, которую он любил, не зная, пойдет ли она за него, было самым тяжелым испытанием для Блейка. Если он в ближайшее время не услышит ответ, он сойдет с ума.

Значит, надо застать Жак одну.

Блейк схватил свой кейс и взяв Жак под локоть, повел ее к выходу, надеясь незаметно выскользнуть за дверь.

— Жак... — начал он с громко бьющимся сердцем.

— Я говорила, что Блейк потрясающий адвокат! — воскликнула Никки, внезапно появившись на их пути. Она была уже без костылей.

Блейк подавил разочарование и принялся терпеливо ждать, когда девушки закончат обниматься. Вскоре Никки обернулась к брату. Она улыбалась.

— Ты был великолепен, большой брат, — похвалила она, бросаясь и к нему с объятиями.

Блейку стало очень тепло. Однако он надеялся, что восторги не затянутся надолго.

— Почти так же великолепен, как его мать, — добавила Абигейл и прижала Жак к себе так крепко, словно никогда не собиралась ее отпускать.

К вящему сожалению Блейка, их стало уже четверо. Толпа прибывала. Жак послала Блейку удивленный взгляд поверх плеча Абигейл. Очевидно, она не заметила его смятения. А может, просто успокаивала его, потому что снова собиралась отклонить предложение. Наверняка Жак так и не простила его за трусливое поведение.

Страшное предчувствие охватило его. Блейк, отчаянно желая получить наконец ответ, стал подталкивать женщин к выходу.

Никки наклонилась к брату и прошептала:

— Она сказала «да»?

— Я никак не могу остаться с ней наедине, чтобы узнать.

Ситуация стала только хуже, когда они вышли в холл. Сердце Блейка упало. Тут были коллеги Жак, а также дети из клуба. Обрадовавшись, она начала обнимать всех по очереди. Блейк же в это время пытался скрыть смятение.

Он послал сестре отчаянный взгляд, и она понимающе улыбнулась в ответ.

Когда перед ними открылся пустой лифт, Блейк просто схватил Жак под руку и втолкнул внутрь. Никки встала перед дверьми, никого не пуская.

Нет ничего лучше, чем иметь такую потрясающую, безудержную сестру.

— Слушайте все, — решительно произнесла Никки, вызвав у Блейка чувство гордости. — Я переносу эту вечеринку в дом моего брата. — Он проигнорировал легкое беспокойство, которое вызвали слова сестры. — Но прямо сейчас ему надо обсудить с Жак несколько давнишних юридических вопросов.

Затем Никки обернулась и помахала Блейку, прежде чем двери лифта закрылись и отрезали их от толпы.

Наконец они были наедине. Тишина навалилась всей тяжестью. Лифт неспешно двинулся вниз. Лицо Блейка было напряжено.

— Жак, — начал он, всматриваясь в ее прекрасные глаза. — Я...

— Как ты отвлек сотрудников в зале, когда вытаскивал провод?

Блейк усмехнулся и запустил руку в волосы, пытаясь сохранить самообладание. Сейчас он хотел поговорить о другом. Блейк попросил помощи у Никки, но вмешалась его мать и симулировала обморок. И она разыгрывала эту драму до тех пор, пока кто-то не предложил позвонить 911.

Двери лифта открылись, и Жак с Блейком вышли в вестибюль. Он повел ее к дверям, снова взяв за руку. Но это был лишь предлог, чтобы коснуться ее.

— Я уже говорил, — мягко произнес Блейк, при этом лицо его приняло озорное выражение. — Я никогда бы не сделал ничего подобного. Ну, разве что... — Он искоса посмотрел на нее с надеждой. — Ради женщины, которую я люблю.

Обескураженный ее долгим молчанием, Блейк последовал за Жак на улицу, под лучи яркого солнца. Она остановилась на вершине лестницы здания суда и задумчиво посмотрела на Блейка. Он приблизился к ней, вдыхая знакомый запах, желая женщину, которая вернула его к жизни.

Она удивленно улыбалась, рассматривая его, но ее мыслей нельзя было понять.

— И каково это — нарушать правила?

Блейк колебался. Десять лет напряжения — все это время Блейк пытался выполнить обещание, данное отцу, — изрядно подточили его дух. Союз страсти и потребности с логикой и рассудком был единственной возможностью излечить его. Жак знала это, — Блейк был уверен, — отец одобрил бы ее слова.

— Отлично, — ответил он, приподняв бровь.

Жак схватила его за галстук и притянула к себе. Теперь они стояли совсем близко. Ее тело прижималось к его, и Блейка охватили желание, любовь и надежда на светлое будущее. Жак ждала продолжения. Она хотела, чтобы Блейк изрядно постарался, добиваясь ее согласия.

— На свете не существует более квалифицированного специалиста, способного вырастить

следующее поколение Беннингтонов, — искренне произнес он. — Кто еще сможет вынести мою семью? И кулинарные шедевры моей матери? — Он улыбнулся. — И кто справится со мной, когда я буду сходить с ума от волнения?

— Например, когда наш сын получит права?

Блейк даже не попытался подавить горестный стон.

— Или когда наша дочь уедет в совместное общежитие в колледже? — добавила Жак.

С губ Блейка сорвалось проклятие, и он даже не потрудился ответить на это ужасающее предположение.

Он положил руку на живот Жак и провел по шрамам. Сейчас он касался темных лет ее прошлого и своего ребенка.

Ее пристальный взгляд требовал продолжения.

— Думаю, если ты выйдешь за меня и станешь контролировать мое непредсказуемое поведение, это будет в интересах нашего ребенка.

Ее улыбка была самым прекрасным, что Блейк когда-либо видел.

— Думаю, ты прав.

Облегченно застонав, он поцеловал ее. Это было чудо — наконец ощутить ее вкус, почувствовать ответ губ и жар рта. Желание охватило Блейка, и он прижал ее бедра к своим.

Однако Жак тут же отстранилась. Ее глаза сверкали.

— А что бы ты сделал, если бы я сказала «нет»?

Сердце Блейка сильно билось, подгоняемое страстью. Он улыбнулся:

— Ты имеешь в виду, после того, как психанул бы?

Жак засмеялась, и он продолжил:

— Мы с Никки подговорили бы нескольких твоих учеников устроить флешмоб и спеть мое предложение на лужайке перед зданием суда. Но строго придерживаясь буквы закона, разумеется.

Удивившись, Жак открыла рот и расширила глаза.

— Правда? Спеть предложение? — переспросила она, видимо очарованная этой идеей. Она оглядела окрестности и, не заметив ни одного молодого человека, который бы наигрывал мелодию, расстроено надула губки. — Теперь я жалею, что так быстро согласилась.

Блейк бросил на нее пылающий взгляд:

— Тогда я отвезу тебя домой и постараюсь переубедить.

— Но Никки пригласила всех к тебе на вечеринку.

— А мы прокрадемся в гостевой коттедж, а они пусть начинают без нас.

Жак удивленно приподняла бровь:

— Ты действительно вновь превращаешься в смутьяна.

Блейк притянул Жак себе, наслаждаясь своим счастьем.

— Только рядом с тобой, Жак, — промурлыкал он, наклоня голову для очередного поцелуя. — Только рядом с тобой.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.